

АНАПСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ КУРОРТНАЯ АССОЦИАЦИЯ

Анапа - самое яркое солнце России!

САНАТОРНО-КУРОРТНОЕ ЛЕЧЕНИЕ И ОТДЫХ В АНАПЕ

*70-летию освобождения Анапы
от немецко-фашистских захватчиков
посвящается*

ПОРТРЕТ АНАПЫ 1943 ГОДА

З. Н. Лемякина

Анапский археологический музей

Наше прошлое бывает... священным...

(Из письма П. Я. Крутько художнику Корецкому)

Семьдесят лет назад, в памятные дни сентября 1943 года и освобождения города от фашистов, фронтовая газета 18-й армии Северо-Кавказского фронта «Знамя Родины» писала: «Город наш! Истерзанный, взорванный, измученный, но наш, советский город!». Это об Анапе, и это первый документ и самый точный портрет города после двух с лишним лет войны, из которых с 30 августа 1942 по 21 сентября 1943 года – оккупация. Части двигались дальше на Тамань, освобождая район, шли воздушные бои, десантные морские операции и предстояла, несравнимая ни с чем по мужеству, переправа через Керченский пролив, а за нею тяжелые бои по освобождению Крыма. Анапа застыла в руинах... На пляже под ласковым сентябрьским солнцем лежала выброшенная на берег пробитая баржа – свидетель и участник эвакуации людей из Крыма летом сорок второго...

С лета 1941 года и до конца боев за Крым Анапа находилась под прицелом как с воздуха, так и с моря. Город и порт Анапа, как пограничная территория, были объявлены на военном положении сразу, еще в июне 1941 года, а в августе 1942-го были определены в качестве передового оборонительного района города Новороссийска.

Уже с сентября 1941 года отдельные вражеские самолеты, прорываясь к Новороссийску, сбрасывали свой смертоносный груз на город-порт и стремились уничтожить постоянную морскую связь, которая существовала между Новороссийском и Крымом. Так, в ночь с 1 на 2 марта 1942 года вблизи Анапы, на траверзе мыса Большой Утриш, было торпедировано самолетами транспортное судно «Фабрициус», шедшее из Новороссийска в Камыш-Бурун с бойцами, минометами, повозками, лошадьми и фуражом. Тонувшее судно с экипажем, отбуксированное пароходом «Чапаев» на мель, похоронив погибших членов экипажа на берегу и заделав пробоины, осталось на мели вблизи Утриша.

Экипаж гражданского судна во главе с капитаном М.И. Григором, оставшись на корабле, принял бесшумную вахту в море, сообщая по радию о враже-

ских самолетах, шедших на Новороссийск. Пять месяцев, отражая налеты и став опорным постом, экипаж «Фабрициуса» сражался у берегов Анапы. В августе 1942 года приказом он был снят со своего израненного судна и передан в распоряжение Новороссийской военно-морской базы. Капитан судна Михаил Иванович Григор был награжден за подвиг орденом Боевого Красного Знамени.

О действиях этого морского поста и подвиге экипажа в ту военную пору в Анапе хорошо знали. Знали не только в школе морских пограничников, державшей с судном постоянную связь и поддерживающей их, знали анапские рыбаки, жившие в Утришском рыбацком хозяйстве, и, конечно же, знали все, кто был непосредственно связан с событиями, происходившими в районе побережья прифронтовой полосы.

Подвиг транспортного судна «Фабрициус» у берегов Анапы вошел в историю Черноморского флота и увековечен в мемориальной надписи плиты на Графской пристани в городе-герое Севастополе и на диораме в музее флота в городе-герое Одессе. На Утрише, на берегу, установлена памятная плита с надписью над могилами моряков, а на оконечности мыса Утриш в 1975 году установлен новый маяк – Памятник черноморцам, увековечивший в каменном рельефе символический образ всех моряков – героев, погибших на море у берегов Анапы.

В числе массированных налетов вражеских самолетов на Анапу в 1942 году отмечены июнь – 88 налетов и день 7 августа, когда 22 вражеских бомбардировщика, т.н. «мессеры» и «юнкеры», под прикрытием еще 12 самолетов в течение часа бомбили город и порт, сбросив сорок три бомбы. Для небольшого городка, каким была довоенная Анапа, этого было достаточно много. И если мы сегодня называем страшную цифру – 75% города было разрушено в годы войны, то, наверное, большая часть из этой достоверной цифры относится к лету сорок второго... Трудно понять, как уцелел Свято-Онуфриевский храм рядом с бывшим санаторием «Красная Звезда», разрушенным и обезглавленным, как и большинство крупных зданий в городе. Почти рядом с храмом, со стороны моря, фугасная бомба буквально размела прекрасное здание женской гимназии дореволюционной постройки...

Отдельной строкой в этом очерке о мужестве и стойкости города должен быть рассказ о батареях Анапского укрепленного сектора, входившего в состав Новороссийской военно-морской базы. Они держали оборону на пути врага на суше от Утриша до Благовещенской, с начала войны и до последнего дня августа 1942 года, когда многие из них полегли в неравной схватке, удерживая рубежи, и враг основными силами вышел к окраине города с севера и с востока.

И по сей день по Пионерскому проспекту, недалеко от моря, сохранились остатки бетонного основания боевого орудия главного калибра с эскадренного миноносца «Шаумян», участвовавшего боях за Одессу и Севастополь. Это печальный знак о стоявшем здесь орудии и память о бесстрашных артиллеристах, вышедших из окружения... последними. Земля в районе действия стационарной батареи БС-464 была перепахана от снарядов и мин. Рядом с этим памятником войны расположился сегодня прекрасный детский санаторий золотого песчаного побережья Анапы «Жемчужина России».

Тогда, к августу 1942 года, из Анапы уже перебазировался в район Фальшивого Геленджика отряд, сформированный на базе школы морских пограничников и переданный в распоряжение штаба разведотдела Новороссийской военно-морской базы под командованием контр-адмирала Г.Н. Холостякова. Военный городок на окраине города Анапы – здания военной школы и жилые трехэтажные корпуса домов стояли без крыш, разрушенные и черные от бомбежек.

Уходя из города, партизаны вместе с влившимися в их отряды бойцами истребительного батальона по заданию штаба уничтожали отдельные объекты города, дабы ими не воспользовался враг, как это делали и воины, когда не могли забрать орудия или материальные ценности. Партизаны, как хозяева района, не оставили врагам и винзаводское хозяйство. Они взорвали оборудование, выпустив в землю запасы бесценных марочных вин в городе. Спустя годы об этом эпизоде войны сложили песню «Анапа – "Черные глаза", была военная гроза, завод взорвали, в бой спеша, и потекла твоя душа».

Оккупация Анапы с 31 августа 1942 по 21 сентября 1943 г. превратила собственно город в руках гитлеровцев в укрепленную перевалочную базу на пути из Тамани в Новороссийск. По высокому морскому берегу, по улице города со следами остатков рва, некогда опоясывавшего крепость Анапу, были возведены бетонированные долговременные огневые точки с укрытием, так называемые ДОТы, ДЗОТы, колючая проволока, заминированное песчаное мелководье, особый режим в районе порта и прилегающей к нему территории. Все это должно было упредить действия наших войск с моря, суши и высадку десанта на песчаном пляже.

Судьба самого города и его жителей похожа на судьбы многих городов, переживших оккупацию. Но есть еще один трагический момент в судьбе Анапы. В сентябре 1943 года, когда гитлеровцы поняли неизбежность поражения в битве за Северный Кавказ, они стали методично и выборочно минировать важные объекты социального назначения, сохранившиеся в городе, готовя их к уничтожению. Горожане, видевшие и понимавшие значение этой фашистской акции, следили за всем, а иногда и упреждали происходившее.

Так, по свидетельству очевидцев, старейший врач города В.А. Антонова, оставшаяся в оккупированном

городе и бывшая главврачом больницы, встретив немецких саперов, пришедших в больницу для минирования, остановила их. ... Понимая тщетность уговоров, В.А. Антонова убедила их потрясающим жестом: она сняла со своей груди дорогой медальон (говорят, что это был образок...) и отдала его гитлеровцам. Они проверили его на ценность простейшим способом...

Больница была спасена. Кстати, в книге приказов по анапской больнице об этом эпизоде, конечно, нет записей, зато о том, что в город вступила Советская армия, сказано дословно следующее: «21 сентября вечером вступила в город Анапу Красная Армия - период оккупации закончен» и подпись: «Врач Антонова». Правда, в предисловии к приказу № 1 от 22 сентября 1943 года она скрупулезно отмечает те разрушения в двух корпусах, которые произведены нашими летчиками при поддержке с воздуха действий наших войск с суши и моря во время наступления.

В журнале боевых действий 18-й армии за 21 сентября 1943 года также отмечено число и время взятия города: «В 20.00, после упорного боя, войска полностью овладели городом Анапа».

Есть в этом журнале боевых действий еще один важный момент из истории взятия города: «Значительную роль в боях за город сыграли танки гвардейского полка прорыва. У входа в город захвачен комендант Анапского порта...», «...в разных частях города захвачены саперные части, минировавшие город...». И далее: «Большую помощь нашим передовым частям в уличных боях оказало население Анапы...» и, как подтверждение, приводится факт уничтожения танкистами пяти огневых точек благодаря сеodobородому старику Онуфрию, «фамилию установить не удалось», вызвавшемуся показать эти огневые точки, когда танк командира Дмитриева остановился на улице в начале города, чтобы сориентироваться в обстановке боя.

Наступление продолжалось стремительно, сдерживала этот порыв необходимость разминирования. Эту смертельно опасную работу выполняли наши саперные подразделения, и без помощи анапчан и захваченных вражеских минеров эта операция была бы гораздо сложнее.

Рядом с городом в районе укрепленной гитлеровцами высоты у хутора Курбацкого еще трое суток, 22, 23 и 24 сентября, шел бой оставленного подразделения 89-й стрелковой дивизии, в полосе действия которой оказался вражеский ДЗОТ, а основные силы 18-й армии двигались дальше и сражались в северной части района, выполняя приказ – «На Тамань!» Прошли десятилетия, прежде чем мемориал у этой высоты увековечил подвиг ст. сержанта Сурена Сумбатовича Аракеляна, когда стало известно, что 24 сентября 1943 года амбразуру ДЗОТа закрыл воин, решив исход штурма высоты, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза.

Во фронтовой газете «Знамя Родины» в номере за 23 сентября 1943 года помещен снимок фронтовых кор-

респондентов, на котором изображен момент, когда на улице города жители приветствуют советский танк, а на другом снимке из военного архива – встреча жителей с освободителями. Военный корреспондент снял их рядом с разрушенным санаторием и храмом Святого Онуфрия. С жителями вместе и батюшка в белом облачении, служивший в храме в период оккупации. Военные корреспонденты больше всего после Новороссийска были поражены тем, что Анапа оказалась живой: их встречали жители в этом «истерзанном, взорванном и измученном» городе.

Прошло всего три года после окончания войны – и в городе начали восстанавливать музей, разоренный войной, как и сам город. Музей восстанавливал историю нашей земли, заново собирая экспонаты, свидетельствующие о людях, событиях и, конечно же, о войне. Но как рассказать о самом городе, живущем на этой древней и возрождающейся земле. И вот вскоре, когда еще свежи были в памяти воспоминания, не зажили раны и ничего не забывающие матери хранили в сердцах и памяти погибших и не вернувшихся с войны сыновей и мужей, решили, что нужен портрет самого города в годы войны.

В городе нашем жил замечательный художник, который не расставался с Анапой никогда и любил эту землю, писал ее неповторимые пейзажи, исторические события, связанные с жизнью нашего города, знал ее, как никто. Во время войны и оккупации Анапы он оставался в городе. И память о войне, трагедия города – это и его личная трагедия. Во время бомбежки Анапы и в его дом по улице Протапова, 66 тоже попала бомба и разнесла и простое строение, и подворье. Он остался бездомным, как и многие анапчане. Имя этого художника Платон Яковлевич Крутько. Вот к нему-то и решил обратиться музей.

В письме на имя художника, в частности, говорилось: «Такую картину, где изображена Анапа после освобождения от гитлеровских захватчиков, для музея можете написать только Вы, Платон Яковлевич, как постоянный житель и патриот Анапы, знавший ее в довоенное время и бывший свидетелем всей ее трагедии в 1942–1943 гг. Больше такого художника, способного правдиво запечатлеть разрушенную Анапу, нет». Это письмо писали бывший председатель горсовета, участник войны директор историко-краеведческого музея Д. Захаров и участник войны, учитель истории и научный сотрудник музея А. Салов.

Сохранился акт от 27 января 1959 года, по которому художник сдал эту картину «Разрушенная Анапа. 1943 год». Написанное маслом, это большое полотно размером 90 х 140 см получило свою прописку в музее (инв. № КМ 8365/132555). Спустя годы в музей были переданы эскизы к картине, выполненные в смешанной технике акварелью и гуашью. На них подлинные фрагменты облика отдельных домов, уголков разрушенной Анапы. Платон Яковлевич, обладавший превосходной памятью художника, как бы итожил раны,

собирая их воедино. Как он писал другу художнику, была цель: «...дать не фантазию разрушений, а истинный вид города таким, каким он был в первое время, в первые годы после ликвидации военного состояния. В конечном результате картина вылилась в виде реалистического изображения, отвечающего действительности. Картина не дает фрагментально город, а с охватом всей части, где обитали фашисты...».

И еще одно очень важное замечание, сделанное им самим к методу, примененному здесь: «Автору картины нужно было представить Анапу с птичьего полета». Ему это удалось. Удалось оторваться от каждого дома и показать панораму разрушенного города, как единого в своей трагедии большого дома земли анапской, памятник войны...»

Эта картина «Разрушенная Анапа. 1943 год», безусловно, документальна, только этот документ написан прекрасным художником, любившим и жившим в этом городе, и другой такой уже не напишет никто, потому что он не будет свидетелем той войны и участником этой трагедии и воинской славы нашего города. Да и сам художник почитал эту картину своей лучшей работой за полвека творческой жизни в Анапе, считая с 1918 года, когда он выставлялся в Екатеринодаре в числе первых и лучших живописцев нашей земли Кубанской. Эта картина все-таки была для него самой дорогой и любимой...

ЗВАНИЕ ГЕРОЯ ПОЛУЧИЛ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ АНАПСКОЙ ЗЕМЛИ

Г. А. Поладяни

21 сентября 1943 года после освобождения Анапы от немецко-фашистских захватчиков войска Северо-Кавказского фронта продолжали наступательные действия по освобождению Таманского полуострова. Отступая, противник отчаянно сопротивлялся, взрывая мосты, минировав дороги. Освобождение каждого населенного пункта сопровождалось большими жертвами. Вот скупые строки из журнала боевых действий 351-й стрелковой дивизии о боях за курган Семибратный, который находится у села Джигинка Анапского района.

«Боевое распоряжение № 0162/ОП ШД 351 21.09.43 г. 17.30.

...2. 1161 СП 21.09 выйти на рубеж: восточнее кургана Семибратный.

Командир 351 СД полковник Ворожищев».

К 18 час. 22.09.43 г. части дивизии вышли на западный берег реки Чекон. Наши потери: убито – 7 чел., ранено – 39.

23.09.43 г. Противник оказывал огневое сопротивление из станковых пулеметов, минометов и орудий. Наступление частей дивизии успеха не имело. Наши потери: убито – 10 чел., ранено – 41.

24.09.43 г. Части дивизии в течение ночи и дня вели

бой с противником. Только во второй половине дня, преодолевая яростное сопротивление противника, части дивизии к 18 часам вышли на рубеж: развилка дороги у восточных скатов кургана Семибратный. Наши потери: убито – 55 чел., ранено – 112.

25.09.43 г. В результате решительной атаки части дивизии ворвались в траншеи противника, уничтожая врага в рукопашном бою.

Противник при поддержке артиллерийского, минометного и пулеметного огня предпринял несколько массированных контратак. В результате части дивизии отошли на исходное положение, имея большие потери: убито – 20 чел., ранено – 79.

25.09.43 г. После массированной обработки переднего края артиллерийским огнем части дивизии в 16 часов перешли в наступление. 1157-й и 1161-й стрелковые полки, преодолевая сопротивление противника, овладели курганом Семибратный».

Выписка из наградного листа: «25 сентября 1943 г. В ожесточенном бою за курган Семибратный старший сержант, командир отделения автоматчиков 1161-го стрелкового полка Владимир Тарасевич лично уничтожил более 10 немецких солдат и офицеров. Когда командир роты отошел с передовой линии для подтягивания боевых порядков, Владимир стал командовать первой штурмовой группой и захватил несколько траншей и дзотов, подавил несколько огневых точек противника. Несмотря на ранение, поле боя не оставил. Мнение командира полка подполковника А. И. Брик: «Тарасевич достоин звания Героя Советского Союза».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1944 г. Владимиру Адамовичу Тарасевичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Пройдя горнило самой кровопролитной войны на земле, В. А. Тарасевич чудом остался в живых. Служил в Краснодарской высшей офицерской школе штурманов. После демобилизации в 1947 г. он вернулся в родной Новороссийск, где до конца своей жизни трудился на различных должностях на комбинате «Новоросцемент».

АНАПА В ОККУПАЦИИ: МЕХАНИЗМ ВЫЖИВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

А. М. Новичихин

*Научный сотрудник Анапского
археологического музея,
кандидат исторических наук*

Более года, с 31 августа 1942 г. по 21 сентября 1943 г., Анапа была оккупирована войсками нацистской Германии и ее союзников. Для послевоенных поколений единственным источником информации об этом периоде анапской истории долгое время служила повесть В.А. Попова «Они приближали рассвет» (Краснодар,

1983), которая, несмотря на заявленную документальность, была, по существу, добротным литературным мифом в духе фадеевской «Молодой гвардии». Впечатления о жизни в оккупации переживших ее анапчан не выходили за рамки семейных преданий и не фиксировались.

Ситуация существенным образом стала меняться со второй половины 1990-х гг. Стали публиковаться воспоминания побывавших в оккупации жителей Анапы. Наиболее информативными из них являются «Анапа в период оккупации» В.А. Перова (Только бы помнили вас живые... Краснодар, 1996), «Анапа в огне» Н. П. Овсянникова (До свидания, мальчики... М., 2005) и размещенные на нескольких ресурсах Интернета «Воспоминания» Т.А. Ивановой и того же Н.П. Овсянникова, несколько дополняющие его книгу. Примечательно, что три указанных источника представляют собой взгляд на оккупацию представителей разных возрастов – взрослого, подростка и ребенка: В.А. Перов в начале войны занимал должность заместителя руководителя городской радиостанции, Н.П. Овсянников встретил в оккупированном городе свое 16-летие, Т.А. Ивановой в 1941 г. было 10 лет.

Оставленный практически без боя город был занят гитлеровцами 31 августа 1942 г. Шок первого месяца оккупации, в течение которого захватчики устанавливали в городе «новый порядок», сопровождавшийся расправами с советскими активистами и их семьями, сменился периодом, когда анапчанам пришлось приспособляться к новым непростым условиям жизни в городе, занятом врагом. Как образно выразился в своих воспоминаниях В.А. Перов, «началось как бы "существование" поработанных советских людей с немецко-фашистскими захватчиками».

Характеризуя жизнь анапчан в оккупации, переживший ее Н.П. Овсянников отмечает следующее: «На факт оккупации и на самих оккупантов они смотрели как на нечто должное, ниспосланное на них. Ни о каком сопротивлении врагам (я уже не говорю об активной борьбе) никто и не помышлял! Все жили одним днем, не задумываясь о завтрашнем. Шла тихая, мало видимая со стороны борьба за выживание».

Выработанный и апробированный в течение нескольких месяцев механизм выживания анапчан в целом можно свести к трем основным, подчас взаимосвязанным направлениям: отношения с оккупационным режимом, система жизнеобеспечения, способствующий выживанию морально-психологический климат.

Отношения с оккупационным режимом

По данным В.А. Перова и Н.П. Овсянникова, в городе параллельно существовало несколько представительств власти. Прежде всего, это немецкая комендатура, а также городская и районная управы, руководящий состав которых был укомплектован из числа местных коллаборационистов.

Высшим органом оккупационной власти в городе

была немецкая комендатура. Данных о ее деятельности сохранилось мало. Понятно, что на нее возлагались обязанности поддержания в городе порядка. Был введен комендантский режим, под угрозой расстрела ограничивающий перемещение гражданского населения в ночное время.

В оккупированном городе из числа местных жителей была создана полиция. Возглавил ее известный в довоенной Анапе ловелас, популярный исполнитель песен Ф. Кипариди. По сообщениям В.А. Перова и Н.П. Овсянникова, в полиции оказались и перешедшие к немцам партизаны, выдавшие своих боевых товарищей. Как с мрачной иронией отметил в своих воспоминаниях В.А. Перов: «Что делало бы гестапо без русских предателей?». Из числа изменников была сформирована городская жандармерия и особое подразделение («зондер-команда») при гестапо, занимавшееся пытками и казнями. Оккупационные власти умело сыграли на тех социальных противоречиях, которые существовали в Советском Союзе накануне войны, всячески привлекая на свою сторону социальные группы, подвергавшиеся в 1930-е гг. необоснованным репрессиям. У населения Кубани, в особенности сельского, вследствие активно проводившихся в предвоенное десятилетие раскулачивания и расказачивания, поводов для недовольства советской властью было немало. В результате в числе полицейев оказалось много казаков, активно применявших для наведения порядка свое главное оружие – нагайки.

Неверно, было бы считать, что все поступившие на службу в полицию анапчане были идейными врагами советской власти. Многие шли в полицию в расчете как-то обеспечить себя и свои семьи в тяжелый период оккупации в условиях неверия в возможность победы для Советского Союза исхода войны. Н.П. Овсянников отмечает, хотя и редкие, случаи гуманного отношения полицейев к гражданскому населению. Коллаборационистские настроения у жителей Анапы вызывали и некоторые необдуманные действия советского командования: осенью 1942 г. город неоднократно подвергался артиллерийским обстрелам с кораблей Черноморского флота. Залпы корабельной артиллерии большей частью накрывали жилые кварталы, в итоге гибли мирные жители. В декабре 1942 г. (по другим данным в феврале 1943 г.) три советских самолета прицельно или по ошибке сбросили бомбы на оживленную в воскресный день городскую базарную площадь. И снова больше всего жертв было среди гражданского населения.

В городе размещались тыловые службы немецких воинских частей, активно использовался для грузовых перевозок анапский порт. Приморская часть города была выделена оккупантами в особую зону, отсюда было выселено все гражданское население. В воспоминаниях сохранились свидетельства о том, что многие анапские семьи были вынуждены селиться на окраинах у своих родственников и знакомых или в оставленных

хозяевами домах. У кого была возможность, перебрались из Анапы в близлежащие селения. Там было проще с продуктами.

В первые недели оккупации осуществлялось электроснабжение города – его источником была Раевская электростанция, но вскоре оно прекратилось. Как шутили румынские солдаты, «с наступлением холодов из лесов Сукко пришли партизаны и украли на дрова электрические столбы».

Разведывательные и карательные функции в оккупированной Анапе осуществляли подразделения Абвера (военная разведка) и гестапо (тайная полиция). В задачи последнего входила проверка всех, прибывающих в Анапу, – ее проходили и Н.П. Овсянников, и В.А. Перов.

Документы, дававшие право на жительство, выдавала городская управа. По информации, услышанной Н.П. Овсянниковым в местном «паспортном столе», особо доверенным лицам (видимо, состоящим на службе) оккупационные власти выдавали паспорта. Из тех же воспоминаний известно, что в Анапском районе в качестве документа, удостоверяющего личность, мог использоваться советский паспорт, с соответствующей отметкой немецкой комендатуры.

В городе, население которого в период оккупации насчитывало несколько тысяч человек, практически все друг друга знали в лицо. Поэтому большое значение для населения имело то, кем были люди, занявшие должности в созданных гитлеровцами органах местной администрации. Порицаемое порой южно-русское «сватовство» и «кумовство» в условиях оккупации играло положительную роль. Авторы всех трех привлеченных источников упоминали случаи, когда заступничество знакомых из числа власть имущих, выручало людей из сложных ситуаций, а порой спасало жизни. В условиях полицейского террора, когда малейшее подозрение могло быть поводом для ареста и расстрела, даже элементарное недоносительство могло стать спасительным и высоко оценивалось. В то время, как некоторые, находившиеся на службе у немцев, ретивые полицейские чины устраивали провокации с целью отчитаться как можно большим числом разоблаченных ими партизан и подпольщиков, находились люди, которые использовали свое служебное положение для спасения других. В краеведческой литературе неоднократно писалось о враче В.А. Антоновой, выдававшей фиктивные справки о нетрудоспособности, благодаря чему многие анапчане зимой 1943 г. избежали насильственной эвакуации. Бургомистру Анапы по фамилии Губа снабжение документами скрывающихся от немецких властей «преступников» стоило жизни – он был расстрелян оккупантами.

Из воспоминаний В.А. Перова известно, что в оккупированном городе функционировали некоторые учреждения социальной инфраструктуры: гражданский суд, банк, поликлиника, были созданы благотворительные общества для сбора теплых вещей военнопленным,

помощи сиротам, престарелым. Предпринимались попытки наладить культурную жизнь города. Были организованы концерты, причем посещавшие их немецкие офицеры требовали, чтобы исполнялась не антисоветская халтура, а русская и советская песенная классика. Известно, что у оккупантов популярностью пользовались «Катюша» и «Три танкиста». На территории бывшего санатория авиаработников весной – летом 1943 г. была организована танцевальная площадка, которую посещали как солдаты расположенных в городе частей, так и ищущие развлечений анапские девушки. Внимание, оказываемое последними, послужило причиной серьезной потасовки между солдатами румынской и словацкой частей, завершившейся перестрелкой между представителями союзных Германии армий.

Следует отметить существование разногласий между немцами и их союзниками, среди которых встречались и антифашистски настроенные солдаты, и офицеры. О нескольких таких словацких военнослужащих упоминает В.А. Перов. В семье автора этих строк сохранилось воспоминание о румынских солдатах, рассказывавших в августе-сентябре 1943 г., накануне освобождения Анапы, о том, что они по возможности вредят немцам, повреждая телефонные коммуникации.

Много воспоминаний связано с городской биржей труда, на которой оккупационные власти обязали зарегистрироваться все трудоспособное население. Осенью-зимой 1942–1943 гг. по утрам у здания биржи собирались толпы анапчан в надежде получить хоть какую-то работу. Обычно их использовали для погрузочно-разгрузочных работ на восстановленной мельнице, снабжавшей гитлеровские части мукой, и в порту. Востребованной была работа на взорванном при оставлении Анапы винзаводе, в рыбцехе. Из других источников известно, что оккупационные власти пытались наладить поиск книг в развалинах разрушенной при бомбардировке города библиотеки. За выполненную работу выдавались продовольственные карточки. После событий февраля 1943 г., когда в районе Новороссийска высадился советский десант, жителей города стали активно привлекать к работам по строительству оборонительных сооружений. К лету 1943 г., по наблюдениям В.А. Перова, когда стало понятно, что оккупационный режим доживает последние недели и скоро неминуемо придет освобождение, толпы у биржи труда заметны поределели, и на работу людей теперь пришлось выгонять полицейским, активно применяя все те же нагайки. В Анапском районе насильственное привлечение гражданского населения к строительству оборонительных сооружений практиковали румынские воинские части.

В феврале 1943 г. ввиду предполагаемой после событий в Новороссийске угрозы взятия Анапы советскими войсками часть городских служб была эвакуирована. По данным В.А. Перова, немцы также вывозили из Анапы неблагонадежные, на их взгляд, семьи. Примечательно, что Н.П. Овсянников, проживавший в это

время в Алексеевке, об этой эвакуации ничего не сообщает. Похоже, что проводимые немецким командованием мероприятия не коснулись отдаленных окраин города. С марта 1943 г. оккупанты начали группами угонять на запад трудоспособное население.

Система жизнеобеспечения в условиях оккупации

Первая задача, вставшая перед гражданским населением Анапы с начала оккупации, – это сбережение своего имущества. Город был взят румынскими воинскими частями, а о практиковавшемся румынами мародерстве анапчане уже были наслышаны. Поэтому оставшиеся на занятой врагом территории семьи попытались спрятать от мародеров наиболее ценное имущество.

В семье автора этих строк, пережившей войну в расположенном близ Анапы с. Су-Псех, сохранились воспоминания о том, как прятали главную ценность семьи – швейную машинку. Ее обильно залили машинным маслом, завернули во что-то непромокаемое и закопали за расположенным в глубине двора сараем. По счастливой случайности мародерами машинка не была найдена, хотя расположившиеся в доме румынские солдаты по своей обычной практике тщательно прозондировали землю металлическим щупом. Дело в том, что на том месте, где была спрятана машинка, оккупанты устроили коновязь для своих лошадей и искать там им не пришлось в голову. Тщательно сокрытый (прибитый мелкими гвоздями к стене и плотно замазанный сверху глиной) тулуп тоже «ушелел» – его остатки хозяева обнаружили при демонтаже сарая спустя полвека после окончания войны. Соседским семьям повезло меньше.

Не гнушались грабежом и немецкие солдаты, если, конечно, в детские воспоминания Т.А. Ивановой не закралась ошибка в определении этнической принадлежности мародеров: по ее словам, немцы при помощи щупа отыскивали закопанные ее семьей во дворе два сервиза, помещенные в тазы. Практиковался и открытый грабеж – отбирали скот, домашнюю птицу, продукты, понравившиеся вещи. Так, в семье Т.А. Ивановой были отобраны резная трость, картина какого-то местного живописца, велосипед, бинокль.

В период оккупации многие городские и курортные учреждения перестали функционировать, поэтому значительная часть анапчан оказалась без работы. Восстановление оккупантами городской инфраструктуры обеспечило работой лишь часть населения города, главным образом из числа людей, лояльно относившихся к «новому порядку». Поиск средств к существованию проводил людей на биржу труда, толпы у которой в первые месяцы оккупации отметили и В.А. Перов, и Н.П. Овсянников.

Многие жители Анапы нашли спасение в занятии частным предпринимательством. Вот как описывает Анапу вернувшийся в город в октябре 1942 г. Н.П. Ов-

сянников: «Вокруг рынка и по ближайшим к нему улицам быстро, как грибы после дождя, там и сям появились, пооткрывались всевозможные частные лавочки, мастерские, закусовые, буфеты с выпивкой. Работают пекарня, парикмахерская, большая слесарная мастерская, чайная. А там, дальше, по Владимирской, по Краснодарской улицам еще много всяких мастерских. Делают зажигалки, ведра, тазы, совки, шьют чевяки, пуговицы, кепки, фуражки».

Однако не все анапчане имели возможность открыть свое дело. Большинство мирных жителей были вынуждены продавать нажитое имущество, чтобы как-то добыть необходимое для выживания, прежде всего продукты. По данным всех привлеченных источников, активно функционировал городской рынок. В ходу были и немецкие (преимущественно оккупационные марки) и советские деньги. Курс был 1:10 (одна марка за десять рублей). Изредка использовались румынские леи. В первые месяцы оккупации при торговле все стремились получить плату немецкими марками. Однако, когда с весны 1943 г. в анапчаных окрестностях укрепилась уверенность в скором освобождении, курс рубля начал резко расти и гражданское население стало отдавать предпочтение советским денежным знакам. Чтобы спасти ситуацию, анапское отделение рейхсбанка организовало неограниченный обмен марок на рубли, причем среди немецких денежных знаков нередко встречались рейхсмарки, неофициальный курс которых был выше оккупационных.

В торговле принимали участие и оккупанты. Н.П. Овсянников сохранил описание анапского рынка осени 1942 г.: «На рынке в одиночку, парами стоят, шумно торгуются румынские солдаты. Они за немецкие марки предлагают дешевые сигареты, какие-то безделушки, самодельные, под серебро и золото кольца, мелкое барахлишко, реквизированное, а попросту нагло, по-хамски забранное у населения во время бесчисленных облав и обысков ночами. Немцев мало, почти нет: только изредка увидишь стоящего где-то в стороне солдата. Фрицы держатся с достоинством, не сутяжатся, не шумят, как румыны. Продаются зажигалки, камешки-кремени к ним, пахучие, в красивой упаковке сигареты, сахарин». Он же сообщает о покупке лекарств у немецкого санитаря.

Однако зачастую у оказавшихся в оккупации семей не было никаких денег. В таких случаях на рынке практиковался обмен. Т.А. Иванова на всю жизнь запомнила, что ее любимая кукла была обменена на кукурузу. О кукурузе речь особая. Похоже, что эта зерновая культура спасла от голодной смерти многих анапчан. Еще в августе – сентябре 1942 г. из лексики бойцов отступающих из Крыма воинских частей анапчане в качестве презрительного наименования румынских солдат позаимствовали прозвища «кукурузники» и «мамалыжники». Однако уже в октябре, насколько можно судить по воспоминаниям Н.П. Овсянникова, кукурузная каша – мамалыга, была едва ли не основным продуктом питания в Анапе и в окрестных селе-

ниях. Этому способствовало два фактора. Во-первых, то, что урожай кукурузы на колхозных полях в сентябре 1942 г. не был полностью убранным и местным жителям с разрешения оккупационных властей удалось, собирая «пасынки», пополнить запасы продовольствия (это явление нашло отражение даже в книге В.А. Попова). Во-вторых, кукуруза и кукурузная крупа входили в рацион питания расквартированных в районе Анапы румынских воинских частей, и чаще всего они становились предметом товарообмена с гражданским населением. Именно у румын местные хозяйки научились готовить мамалыгу (поначалу кукурузу просто отваривали).

Кроме того, в пищу употреблялось все съедобное, вплоть до подсолнечного жмыха. Н.П. Овсянников и В.А. Перов сообщают о двух независимых друг от друга случаях, когда местные жители сообща разделяли туши павших лошадей из румынских обозов и затем делили добытое таким образом мясо.

Проблема продовольствия остро стояла в течение всего оккупационного периода (а похоже, и после него тоже). В воспоминаниях Н.П. Овсянникова тема голода, постоянного недоедания проходит красной нитью.

С начала лета 1943 г., когда пошла молодая зелень (в том числе и дикорастущая – крапива, конский шавель) и первые овощи, ситуация с продовольствием стала улучшаться. Хотя их сбор тоже иногда мог оказаться связанным с опасностью. По воспоминаниям Т.А. Ивановой, когда их семья вместе с соседями собрала на расположенном в Су-Псехе участке урожай кукурузы и фасоли и везла это добро на тележке в город, встретившиеся румыны обстреляли их и все забрали.

В рассказе Т.А. Ивановой содержится информация о том, что квартировавшие в их доме немецкие летчики Ганс и Генрих приносили ее семье хлеб и мыло в качестве платы за то, что их обстирывали. Из воспоминаний В.А. Перова известно, что анапский комендант исправно платил своей хозяйке за квартиру. Комендант был известен тем, что, устраивая прием граждан на дому, брал у анапчан взятки за выдаваемые им пропуска в станицы района. В качестве взятки фигурировали продукты питания – яйца, куры, поросята. Комендант умело их консервировал и отправлял в Германию своей семье, которая, надо полагать, тоже испытывала проблемы с обеспечением продуктами.

Актуальный для зимнего периода вопрос отопления решался довольно просто. В городе было немало разрушенных и оставленных жителями домов. Деревянные части этих построек собирались местным населением и использовались в качестве топлива. Таким же способом добывали дрова и оккупанты.

Морально-психологический климат

Отсутствие достоверных сведений о событиях на фронтах уже в первые месяцы оккупации образовало информационный голод, активно подкреплявшийся всевозможными слухами, обычно упаднического характера. Н.П. Овсянниковым приведены слухи, хо-

дившие в районе Анапы в сентябре – октябре 1942 г. – фронт откатился в район Сочи, а доносившиеся со стороны Новороссийска звуки артиллерийских выстрелов объяснялись тем, что в развалинах цемзавода сражается окруженный гитлеровцами батальон моряков, сопротивление которого будет вот-вот подавлено. Вообще, в первые месяцы оккупации настроение жителей Анапы было тягостным. Как отмечает В.А. Перов, широкое хождение в умах анапчан имели откровения всевозможных «пророков» и «пророчиц», большое значение уделялось вещим снам, гаданиям и городским сплетням: «Уму не постижимо, откуда за такое короткое время и в таком количестве могла появиться эта нечистая сила в образе пророчиц, колдунов и спиритистов, которые по целым ночам при свете коптилок крутили чайные блюдца, вызывая души давно умерших людей, читали откровения Иоанна и переписанные десятками рук письма Богородицы Троеручицы». Укреплению душевного спокойствия анапчан в немалой степени способствовало открытие, с разрешения гитлеровцев, Свято-Онуфриевского храма.

В городе был налажен выпуск газеты – основанного печатного органа «нового режима». Сведения о ее названии в воспоминаниях разнятся: у В.А. Перова – «Анапский вестник» или «Курьер Анапы», у Н.П. Овсянникова – «Новая жизнь». Газета стала рупором фашистской пропаганды, однако и в публиковавшихся на ее страницах информационных сообщениях о доблестных победах германской армии и ее союзников можно было, что называется «между строк», найти правдивую информацию. Именно так, по свидетельству В.А. Перова, в Анапе узнали о поражении немцев под Сталинградом. Были и другие источники. Как пишет Н.П. Овсянников, о разгроме гитлеровских войск под Сталинградом он узнал от отступающих румынских солдат, среди которых оказались пацифистки, настроенные и к тому же хорошо владеющие русским языком жители Молдавии, мобилизованные режимом Антонеску. Примечательно, что после, пусть и неясных, известий о Сталинградской победе настроение жителей Анапы заметно изменилось. Свою роль сыграло еще и то, что гитлеровское командование, напуганное высадкой советского десанта в районе Новороссийска в начале февраля 1943 г., начало спешную эвакуацию воинских частей и административных учреждений. Когда тревога улеглась, гитлеровцы вновь вернулись в Анапу, однако у населения уже укоренилось сомнение в незыблемости оккупационного режима.

В сознании анапчан все более крепла уверенность в скором освобождении. Слухи о событиях на фронте приобретали порой самые фантастические формы: «Чего только не говорили! Например, что идет освобождение Кавказа, немцы бегут, но это не Красная Армия громит их. Это идут в наступление, беспощадно бьют фрицев американские войска, прибывшие из Ирана, а в них все без исключения солдаты и офицеры – свирепые негры, которые не щадят никого. Так что в скором

времени придется бежать в горы, в лес и отсиживаться там, пока первая волна этих самых негров не пройдет через нашу местность» (Н.П. Овсянников).

Только с конца мая 1943 г., после того как созданной В.А. Перовым группе подпольщиков удалось собрать радиоприемник, слухи сменились информацией из сводок Совинформбюро. Тесты сводок переписывались на небольшие листки бумаги, которые сворачивались и таким образом передавались по цепочке надежным людям, достигая отдаленных селений Анапского района и даже Новороссийска.

Следует отметить, что публикация воспоминаний В.А. Перова развеяла все еще бытующий литературный миф о подпольщиках, расклеивающих листовки на стенах и заборах. В оккупированном городе, улицы которого постоянно патрулируют гитлеровцы и полиция, а также их осведомители, расклеивать, а уж тем более читать листовки, невозможно. И то и другое связано со смертельным риском, и подобный способ распространения листовок привел бы к тому, что единственными их читателями были бы полиция. Чем меньшего размера листовка, чем туже она сложена или свернута, тем больше шансов пронести ее через многочисленные оккупационные посты и передать содержащуюся в ней информацию большему числу ожидающих ее проверенных людей. Как рассказывала автору участница анапского подполья З.П. Харитонова, листовки писали на узких полосках бумаги и сворачивали в трубочку, что давало возможность незаметно передавать их буквально из руки в руку.

Как уже отмечалось, с появлением пусть и неясной, но надежды на скорое освобождение изменилось отношение жителей Анапы к оккупационным денежным знакам и к работе, предоставляемой трудовой биржей.

Близился сентябрь 1943 г., близилось освобождение и новая жизнь.

«ДЕЖУРНЫЙ СЧИТАЕТСЯ НА ПОСТУ КАК ЧАСОВОЙ...»

Т. К. Хоменко

Великая Отечественная война всегда привлекала к себе повышенное общественное внимание, что во многом объясняется самой значительностью ее событий, масштабом потерь, затронувших практически каждую советскую семью. Среди разнообразия документального наследия военной эпохи определенную ценность представляют сохранившиеся книги приказов отдельных учреждений. В них – наиболее объективное отражение жизни предприятия во время войны.

Работая в Государственном архиве Краснодарского края в апреле – мае 2011 г., я обнаружила следующие документы из военной истории Анапы: «Книга приказов по Анапской районной больнице. Начата 7 сентября 1942 г., окончена 21 сентября 1943 г.». Это весь

период оккупации города. Конкретное отражение событий в хронологической последовательности в течение тринадцати месяцев оккупационного времени позволяют рассмотреть целый ряд «редких» тем и сюжетов повседневной жизни и работы медиков – людей одной профессии и разного возраста.

Оккупация – экстремальная для людей ситуация, в условиях которой совершенно обесценилась, но все равно продолжалась человеческая жизнь. Чтобы выжить, не погибнуть и не умереть с голода, местному населению требовалось приложить много усилий, в том числе медикам, по оказанию людям лечебно-профилактической помощи.

Тонкая папочка-скоросшиватель (40 страниц расходно-приходной амбарной книги исписаны чернилами крупным, порой мало разборчивым почерком) содержит 34 приказа: прием и увольнение сотрудников, их должностные инструкции, графики работ, реалии повседневной жизни личного состава больницы, особенности их потребностей, быта. Приказы заверялись штампом больницы и собственноручной подписью заведующей Верой Александровной Антоновой (1876 г. р.). Она была опытным врачом-хирургом-гинекологом Анапской больницы, в которой работала с 7 января 1932 года. В.А. Антонова прожила в Анапе долгую трудовую жизнь. Умерла 9 мая 1966 г. и похоронена на старом анапском кладбище.

Решением немецкой городской управы Анапы доктор Антонова была назначена заведующей всеми лечебными учреждениями города и аптекой. Первый ее приказ от 7 сентября 1942 г. гласил: «Городскую больницу районного значения на 30 коек полагать открытой с сего дня. Немедленно перевести больных и остатки инвентаря из Ашхаданки (ныне с. Гай-Кодзор. – Т.Х.), и начать вновь прием больных в стационар». И далее – организационные приказы о приеме на работу медработников: фельдшеров, операционной сестры, дежурных медсестер. Видимо, они ранее трудились на этих должностях, но немцы требовали провести оформление заново. Одновременно в больнице открывалось родильное отделение: одна комната на 5 коек с послеродовой и детской; оборудовалась кухня, столовая, бельевая, кабинет врача, дежурка роддома (приказ № 2 от 8.09.1942 г.). На улице Черноморской (№ дома не указан - «в бывшей терапии». – Т.Х.) открыли поликлинику на четыре врачебных приема. В хирургическом корпусе оборудовали 3 комнаты под аптеку. Заведовать ею стал Губарев Ф.М. с окладом 450 рублей в месяц (приказ № 3 от 9.09.1942 г.).

С начала оккупации вводилось платное обслуживание населения. «Согласно предложению районного начальника от 25.01.43 г. и приказу № 9 от 27.01.43 г. заведующей больницей и поликлиникой Др. Антоновой, в Анапе амбулаторный прием стоил 4 рубля, врачебная комиссия – 6 рублей, стационарное лечение – 12 рублей в день. За аборт платили 100 рублей. Деньги взимались при приеме больных, независимо первое посещение или повторное.

Особое внимание было сосредоточено на борьбе с эпидемическими, инфекционными и венерическими болезнями. Фашисты, прежде всего, стремились не допустить их распространения среди немецких солдат. По заявкам старост в первый же месяц оккупации стали работать фельдшерские пункты. Уже в октябре 1942-го в Анапской больнице было открыто венерическое отделение, а в декабре – инфекционное отделение, дополнительно на 25 коек (приказ № 20 от 4.12.1942 г.). Цены в аптеках выросли в два раза.

Режим работы медиков был такой: «с 7 утра до 3 часов вечера – техперсонал. С 7 утра до 2 часов – медперсонал» (приказ № 21 от 6.12.1942 г.).

Следует отметить, что все местные лечебно-профилактические учреждения обслуживали только население. Немецкие коменданты строго указывали солдатам вермахта на необходимость лечения у немецких врачей. В случае их появления у русских врачей, последние обязывались немедленно докладывать об этом, что влекло за собой дисциплинарное наказание провинившихся.

Строго спрашивало руководство больницы за нарушение трудовой дисциплины: строгий выговор выносился «за самовольный уход дежурной медсестры с дежурства», «за принятие медсестрой тяжелобольного брюшным тифом и не поставившей в известность об этом зав. отделением и зав. больницей», «за отпуск единственной санитарки отделения»... И приказ № 25 от 19 декабря 1942 г. гласит: «Всем служащим, несущим дежурства, сообщается: дежурный считается на посту как часовой и не имеет права оставлять свой участок, свое отделение. Нарушение этого правила повлечет снятие с работы». Под этим приказом стоят личные росписи 16 медицинских сотрудников больницы.

Вот еще один приказ – № 9 от 27 января 1943 г. § 4: «Согласно предложению гл. врача Краснодарского края и гл. врача Антоновой производить оплату по временной нетрудоспособности (по болезни):

- семейным – до 6 недель – 100%, свыше 6 недель – 60%;
- холостым – до 6 недель – 80%, свыше 6 недель – 50%.

Оплата производится на 5% начисления на фонд заработной платы».

Бюджет лечебно-профилактических учреждений на оккупированной территории складывался из средств, выделявшихся местной администрацией (т.е. немецкой управой), из сумм, отчислявшихся хозяйственными организациями, а также платы за оказание медицинской помощи. Но самоокупаемости не получилось, городская управа денег не выделяла, и появился следующий приказ: «Ввиду безвластия и отсутствия денежных фондов выплаты зарплаты прекращаются с 16 марта 1943 г. Сотрудникам, желающим работать бесплатно до установления порядка, предлагается подать заявления» (приказ № 17 от 16.03.1943 г.). Не все были согласны работать бесплатно, некоторые сотрудники уволились.

В Анапе оккупанты пытались регулировать цены на рынке: выпускали свою информационную газету «Анапский вестник», в которой публиковались многочисленные постановления районной управы с установленными твердыми ценами на все виды продуктов питания (молочные, мясные, растительные), одежду, обувь. Но реальные рыночные цены намного их превосходили: дороговизна жизни выросла в 5–8 раз. Очень трудно было с продуктами в больнице. Медикам не хватало самого элементарного, но они лечили людей, а порой спасали местное население от каторги. В Анапском музее хранятся воспоминания анапчанки Ольги Георгиевны Голговской, работавшей в больнице медсестрой венотделения с 13 октября 1942 г. Она вспоминает, что В.А. Антонова делала людям внутривенные уколы с акрихином, применявшимся тогда для лечебных и профилактических целей. После таких инъекций лицо приобретало желтый цвет – признак болезни Боткина. Тем самым врач, с огромным риском для собственной жизни, спасала анапчан от отправки в Германию.

В марте 1943 г. все учреждения города были закрыты «ввиду безвластия и сильных бомбежек» – приказ № 17 от 16 марта 1943 г. Оккупационные войска оставили Анапу. «Ввиду окончания продуктов больным беспризорникам Корсун и (неразборчиво. – Т. Х.) предложено устроиться через вновь открытую управу и освободить больницу как выздоровевшим, а оставшиеся продукты обратиться на питание беспризорной, ослепшей при бомбежке, постоянной м/сестре Петровой и няне Поповой». И опять письменным распоряжением главврача Анапской городской управы доктора Миллера от 1 июня 1943 г. Вере Александровне Антоновой вновь поручается «наладить работу больницы и принять нужное количество штатных единиц». До окончания оккупации оставалось около 4 месяцев, фашисты зверствовали. Это видно из приказов по больнице: «Ввиду ареста ст. медсестры Петерговой...»; «Ввиду изъятия комендантурой дезинфектора Троянского – считать его выбывшим...»; «Ввиду изъятия и эвакуации завхоза Кастриопуло...» Это уже сентябрьские приказы за 1943 год.

Последние записи в книге приказов оккупационного периода по Анапской больнице были такими:

«20.09.1943 г. Бомбардировкой повреждено здание роддома – вылетели все стекла, двери, повреждена крыша. Поэтому больные подлежат переводу в подвал к хирургическим. Разбит гараж, разбито правое крыло головного корпуса, в котором уничтожена аптека».

«21.09.1943 г. Вечером вступила в г. Анапу Красная Армия – период оккупации закончен. Зав. больницей доктор Антонова» – приказ № 34 от 21 сентября 1943 г.

В больнице на 22 сентября с.г. находились 18 человек больных.

Обращение к работе одного конкретного предприятия Анапы в период оккупации (больница, поликлиника и аптека были под единым руководством) позволяет

воссоздать конкретный очередной фрагмент исторической реальности, реконструировать в определенных аспектах повседневную жизнь анапчан в это тяжелейшее военное время.

ЧЕЛОВЕК ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ СУДЬБЫ

Е. И. Маклюк

Учитель истории СШ № 5 г. Анапы

6 февраля 2012 года на 86-м году жизни скончался ветеран войны и труда, отличник народного образования В. И. Попов. Для старшего поколения анапчан он известен как директор школы-интерната в п. Виновградном Анапского района и как директор средней школы № 5 г. Анапы.

Родился Виктор Иванович в селе Тайтурке Иркутской области. Отец Иван Арсеньевич и мать Дарья Филипповна были переселены из средней полосы России в Сибирь для освоения земель, там в заимке Инокентьевской и создали семью. Родились дети – Екатерина, Виктор, Илья, Клара, Людмила. Отец прошел Первую мировую войну, на гражданской вступил в партию большевиков, воевал с бандами – каппелевцев, войсками Колчака. На партийной работе занимался сельским хозяйством. Иван Арсеньевич умер в 1933 году от туберкулеза, не дожив до 40 лет, когда Виктору шел 11 год. Мать осталась с оравой ребятишек на руках. Через три года она сказала старшему сыну: «Витюха, пробивайся сам». Так он и «пробивался» с 14 лет. Никто не помогал, все сам. Детский дом, Иркутская политпросветшкола, учительский институт. Жил в общежитиях, чтобы было на что жить, работал извозчиком.

Организаторские способности, умение понимать людей проявились у него еще в Иркутской политпросветшколе – там в 18 лет его, единственно среди учащих школы, приняли в кандидаты в члены ВКП(б). В августе 1941 года студент Иркутского пединститута сменил общагу на военные казармы. Началась война, и Виктор добровольно пошел в военкомат. Батальон дислоцировался вблизи Читы, в Забайкалье. Через два месяца молодой боец был командирован в Сретенское военное училище. Там он был принят в партию, а сокурсники выбрали его секретарем комсомольской организации. В этом училище Виктор прошел ускоренный восьмимесячный курс обучения и получил звание младшего лейтенанта. Все рвались на фронт, громить фашистов. Новопеченные офицеры мчались в железнодорожном эшелоне на Запад, где шли ожесточенные бои. На станции Улан-Уде пятерых молодых офицеров вдруг сняли с поезда и уже через несколько часов, после короткого инструктажа, вся группа была направлена в противоположном направлении, к восточной границе страны. «В мае 1942 года я командовал пулеметным взводом 3-го отдельного мотострелкового полка, рас-

положенного вблизи границы с Китаем, – вспоминал Попов, – обстановка здесь была тревожной, ведь Китай, Маньчжурия оказались под властью Японии, которая, несмотря на договор о нейтралитете, выжидала подходящий момент для нападения на Советский Союз, чтобы завоевать Сибирь и Дальний Восток нашей страны. Для этого японцы держали в готовности свою квантунскую группировку. Строго засекреченной в те годы «маньчжурский отряд 731» готов был применить в войне с нами бактериологическое оружие».

В мае 1943 года В. И. Попов получил приказ принять под свое командование отдельный 44-й мотострелковый взвод, бойцам которого было поручено охранять важные военные объекты, расположенные в центре безлюдной пустыни Гоби в Монголии. Вокруг не то что населенного пункта, но и случайного монгола-скотовода не встретишь. Виктор Иванович вспоминал, что «заступали на дежурство вместе с собаками Саратовской спецшколы. В земле были шахты, на дежурство нужно было ходить в спецодежде и очках. Объекты охраны – наш ответ на японское химическое оружие. Служба была опасной, т.к. японские разведчики нападали на патрули, были провокации». В пустынных краях довелось ему прослужить до дня Великой Победы 9 мая 1945 года. Когда раздались залпы победного салюта, комендант штаба 149-го полка 17-й армии Попов, конечно же, вспоминал о доме, потому возникали мысли и о прерванной учебе в педагогическом институте.

Но на студенческую скамью удалось вернуться не скоро.

Через неделю он уже ехал в «полutorке» ЗИС-5 по песчаному бездорожью принимать под свое командование 151-й отдельный мотострелковый взвод близ маньчжурской границы. Шла крупная перегруппировка войск. На Восток подтягивались наши части, испытанные в боях с гитлеровцами. 8 августа 1945 года началась война с Японией. Попов служил в войсках, охранявших аэродром в местечке Таанань, через который поступало пополнение войск. Командовал взводом в Маньчжурии, участвовал в боях за Малый и Большой Хинган. В одном из ожесточенных боев погиб друг Костя. В этом же бою и сам был ранен в левое бедро, попал в полевой госпиталь. Но через день сбежал из него, догнал свой 151-й взвод 17-й армии, а перевязки ему делали в перерывах между боями.

В сентябре страна наша торжествовала Победу. Китайцы встречали советские войска как освободителей. В городе Харбин Виктор был искренне удивлен доброжелательности молодежи, говорившей на русском языке, как оказалось, это были дети тех забайкальских казаков, которых увел за границу атаман Семенов в 20-е годы.

Ратный труд Попова был отмечен медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией», медалью Монгольской Народной Республики «За отвагу», позднее – орденом «Отечественной войны» и медалью Жукова. После войны восстановился в Иркутском педин-

ституте. Жизнь заставила его перевестись в институт города Тулун, где он не только учился, но и подрабатывал в городском Доме культуры художественным руководителем: прекрасно пел и играл на аккордеоне. На танцах нашел свою судьбу, Ольгу Леонидовну Рудневу, а с ней – свое семейное счастье, дом и уют. Вместе прожили 55 лет. Это была любовь с первого взгляда. Памятные слова песни «...с той поры, когда мы встретились с тобой, не могу я наглядеться на тебя...» являлись для Виктора Ивановича памятью жене. В семейном альбоме он написал: «Не допускаешь мысли, не веришь, что 15 ноября 2003 года без 3 минут 12 дня остановилось. перестало биться сердце любимой и дорогой. Ты бы знала, как нам тебя не хватает».

Мало кому известно в Анапе, что Ольга Леонидовна была двоюродной племянницей знаменитого капитана первого ранга Всеволода Федоровича Руднева – командира легендарного крейсера «Варяг». Древний род тульских дворян Рудневых верой и правдой служил Отчизне военными морскими офицерами. В доме отца Ольги Леонида Ивановича после революции бывали Дзержинский, Лацис, Коллонтай, Землячка и друг по Санкт-Петербуржскому военному училищу Тухачевский. Летом 1938 года ее отцу и припомнили в ложном доносе дружбу с ним, обвинив в сотрудничестве с иностранными разведками: 16 лет лагерей, работа на лесоповале, жизнь без права переписки. Семью выселили из квартиры. Брат Ольги Василий умер в детдоме, а она сумела поступить в медицинский институт города Иркутска, где и вышла замуж за В. И. Попова, но фамилию своих знаменитых предков сохранила. В 1954 году к дочери из лагерей вернулся Л. И. Руднев, где и жил до конца своей жизни. В то время это могло стоить карьеры Виктору Ивановичу, но он даже и не допускал мысли, что могло быть иначе. Уже будучи директором СШ № 5 города Анапы он написал о своем тесте Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорному. Очень удивились в Анапском горисполкоме, когда им из Москвы пришел документ о том, что Л.И. Руднев полностью реабилитирован и может вернуться в Иркутск, где ему будет предоставлена квартира. Но Руднев отказался. Он умер в 1978 году и похоронен на новом кладбище в Анапе. Вся семья Поповых бережно хранит память о своем знаменитом родственнике – Всеволоде Федоровиче Рудневе. Они были в Туле у памятника командиру «Варяга», в бывшем рудневском поместье – городе Ефремове, где установлены памятные доски дворянам Рудневым, в музее Военно-морского флота в Кронштадте, где крейсеру «Варяг» и его командиру посвящен целый отдел. Гордится семья Рудневых-Поповых другим не менее известным родственником – у легендарного руководителя крупнейшего партизанского соединения на Украине в Великую Отечественную войну дважды Героя Советского Союза генерала-майора С.А.Ковпака был комиссар Герой Советского Союза генерал-майор С. В. Руднев, который погиб в бою в

1943 году. Семен Васильевич – двоюродный брат Леонида Ивановича и Всеволода Федоровича, который тоже бы репрессирован, а затем реабилитирован.

Воспитали Виктор Иванович и Ольга Леонидовна 4 детей: старшего Володю знают все анапские рыбаки – он был капитаном сейнера в рыбколхозе «Дружба», Лариса (по мужу Адакина) работала учителем в вечерней школе; Наталья посвятила себя сельскому хозяйству, сейчас на пенсии, а Галина – крупный предприниматель в Санкт-Петербурге. В следующем поколении – внуках прослеживается гуманитарная направленность: поэты, литераторы, журналисты. Дети, внуки и правнуки – самое большое богатство семьи. В. И. Попов гордился стихотворными сборниками на русском и английском языке «И мир мне под ноги упал» и «Соленый кофе» поэтессы Виктории Пышной, внучки. Счастливо сложилась и педагогическая судьба Попова. Учителем он начал работать с сентября 1953 года. В 1962 году семья переехала в Анапский район, где был назначен директором Виноградненской школы-интерната. Всю жизнь Виктор Иванович помнил всех своих воспитанников по именам – это 300 человек. Приходилось даже жить отдельно от семьи в комнате с учениками. У всех у них были изломанные судьбы. Попову помогала любовь к детям. Он вспоминал свое безрадостное голодное детство. И в лицах, судьбах этих детей он видел свое прошлое, когда хотелось, чтобы кто-то пожалел, выслушал, помог справиться со всеми детскими неудачами и переживаниями.

Сотрудники интерната помнят, как на первой своей линейке директор сказал: «Принимаю под свою ответственность это беспокойное хозяйство, я должен вывести и вывести вас на правильный путь, ведущий в прекрасную, интересную жизнь». Обещание было выполнено. Зарядка – под баян директора, кружки по интересам: столярный, сапожный, кройки и шитья, работа до седьмого пота на приусадебных виноградниках. А как радостно было ездить на море! Авторитет директора интерната повышала и работа жены, которая готова была, как врач, прийти на помощь любому воспитаннику интерната, сотрудникам, жителям поселка. Весь коллектив учителей и воспитанников жил одной дружной семьей. Радость – на всех одна, и в горе – все вместе.

Кто не знает сейчас Виктора Ивановича Лихоносова, одного из лучших писателей Кубани?! Автор известного романа о Краснодаре «Наш маленький Париж». А ведь он с женой Ольгой Борисовной начинали свою трудовую и творческую деятельность в Виноградненском интернате. Тогда им было 25 лет. На работу их принимал В.И. Попов. И, как знать, вышли ли бы в свет дебютные рассказы Лихоносова «Брянские» и «Таня», если бы не поддержка и помощь в трудную минуту, когда было плохо со здоровьем. У Попова есть томик романа «Наш маленький Париж» с пожеланием автора: «Будьте счастливы. Ваш Лихоносов».

Постепенно росла добрая слава о школе-интернате. Виктор Иванович внедрил московский опыт разновозрастных отрядов – это было впервые на Кубани. Укрепилась материальная база, появились спальные корпуса, улучшилось питание. В августе 1965 года Министерство Просвещения РСФСР награждает Попова «За достигнутые успехи в учебно-воспитательной работе» значком «Отличник народного образования».

В 1969 году Попова В.И. переводят на работу в Анапу. Передал он интернат в добрые руки и стал директором средней школы № 5, в которой проработал с 1969 по 1978 год. И здесь многое было сделано для создания крепкого и дружного коллектива, союза единомышленников. Школа одна из первых стала работать по кабинетной системе, широко внедрялись технические средства, было организовано производственное обучение старшеклассников. Выпускники вместе с аттестатом получали дипломы швеи, повара, шофера, т.е. тех профессий, которые так нужны были нашему городу-курорту. В школе работали драмкружок, мастерские. Коллектив жил с перспективой на будущее. Посадили деревья вокруг школьного двора, разбили клумбы, создали теплицу. Появились традиции школы. Авторитет пятой школы был очень высок в городе, в нее старались перевести детей из других микрорайонов Анапы. Одновременно с административной работой Виктор Иванович все время работал учителем истории. Его ученики вспоминают, как увлекательно он рассказывал о египетских фараонах, о мифах Древней Греции, о боях римских гладиаторов... Доверительные и добрые человеческие отношения со своими бывшими учениками он поддерживал всю свою жизнь. Трудовую деятельность закончил в школе при санаторном комплексе «Жемчужина России». Находясь на пенсии, В. И. Попов сохранял интерес к жизни, которую очень любил.

МЕДИЦИНСКИЙ ПЕРСОНАЛ АНАПСКОГО ВОЕННОГО ГОСПИТАЛЯ В 1829–1856 гг.

*К. В. Русанов
г. Харьков, Украина*

В публикациях по истории Анапы нередко упоминается военный госпиталь, работавший в крепости во второй четверти XIX в. Двухэтажное здание госпиталя, построенное в 1830-е гг., долго оставалось одним из крупнейших в городе и в следующем веке. Историки знают, из какого камня было построено здание госпиталя, какие имело размеры и сколько комнат. Но о медиках, работавших в нем, сегодня знают лишь то, что старшим лекарем был И. А. Цветихин.

Чтобы вернуть истории города имена коллег старшего лекаря, мы воспользовались «Официальными известиями о переменах в составе военно-медицинской

части», которые печатались в каждом номере «Военно-медицинского журнала» (далее – ВМЖ), ежегодными справочниками – «Кавказским календарем» и «Российским медицинским списком» (РМС), а также книгой Л.Ф. Змеева «Русские врачи-писатели».

Задача эта усложнялась не только неполнотой источников XIX в. В ВМЖ сообщалась (кроме звания, чина и места службы) фамилия конкретного лекаря, но без имени. А в РМС, фиксировавшем, кроме фамилии, также имя, звание и чин (с 1850-х гг. и отчество), но без места службы, могло значиться 10, 20 и более врачей с одинаковой фамилией, причем несколько из них с одинаковым именем!

Итак, отправимся под стены осажденной Анапы, где у военных медиков было много хлопот с заболеваемостью в войсках. Это отметил в 1829 г. главный медицинский инспектор армии баронет Я. Виллие:

«Нами замечено при осаде Анапы, что экипажи кораблей, стоявших на расстоянии полуторы версты от берега, совсем не знали жестоких лихорадок и натужных поносов, которыми страдали войска, расположенные бивуаками и лагерем на сухом пути. И, если между матросами показывались перемежающиеся лихорадки (малярия. – К.Р.) и натужные кровоиспражнения низом, то это большею частью у тех, которые стояли на берегу или были посланы туда на работу».

Логично поэтому, что вначале 1829 г. на тепер уже русском Высоком берегу заработало Анапское госпитальное отделение. Его возглавил лекарь расформированного Таманского гарнизонного полка Адам Шпрингер, служивший на Кавказе с начала 1820-х гг. Вскоре первый руководитель анапской медицины был произведен в звание штаб-лекаря, награжден медалью «За турецкую войну» (1828–1829 гг.); он проработал в крепости около двух лет.

В 1831 г. А.Шпрингера перевели городским врачом в Екатеринодар ввиду эпидемии холеры, выявившей низкий уровень медицины в войсковой столице. Позже он служил ординатором Тифлиского военного госпиталя, удостоился чина коллежского асессора (1836), Высочайшего благоволения (11.10.1837 г. Николай I осмотрел госпиталь в Тифлисе) и ордена Св. Владимира 4-й степени (1840). С середины 1840-х гг. имя врача не встречается в РМС, что косвенно свидетельствует о его смерти.

Между тем военная медицина в Анапе успешно развивалась: в 1832 г. госпитальное отделение стало самостоятельным военно-временным госпиталем. Его возглавил Иван Алексеевич Цветихин, родившийся в 1797 г. в семье священника. В 1821–1825 гг. Цветихин учился за казенный счет на медицинском факультете Московского университета. Затем молодого лекаря отправили на Кавказ, где он прослужил 6 лет ординатором Ставропольского госпиталя, а с 1831 г. – Анапского госпитального отделения. Здесь И.А. Цветихин был произведен в штаб-лекари (1832), а весной 1833 г. назначен старшим лекарем Анапского военного госпи-

таля. В этой должности он был за отлично-усердную службу награжден подарком (1833) и орденом Св. Анны 3-й степени (1834).

После Анапы Цветихин служил ординатором Екатеринодарского военного госпиталя (1836), полковым штаб-лекарем Куринского егерского полка (1836–1839), ординатором Георгиевского госпиталя (1839–1842), главным лекарем Внезапненского госпиталя (1842–1844). Будучи уволен из армии по болезни коллежским ассесором «с пенсией двух третей жалованья», он служил по Министерству внутренних дел до 1858 г. и вышел в отставку надворным советником. И. А. Цветихин упоминался в РМС даже в 1880-е гг. – кавказская закалка наделила его долголетием!

Выдерживал ее, однако, не каждый: осенью 1834 г. умер ординатор Анапского госпиталя штаб-лекарь Антон Гусаков, прослужив на Кавказе едва 5 лет.

После Цветихина госпиталь возглавил штаб-лекарь Спасский (вероятно – Павел Григорьевич), опытный медик из Навагинского пехотного полка, имевший медали «За персидскую войну» (1826–1828 гг.) и «За турецкую войну» (1828–1829 гг.), орден Св. Анны 3-й степени.

За время работы в Анапе его дважды повышали в чине – до коллежского асессора (1836) и надворного советника (1841). При П. Г. Спасском военный госпиталь стал уже не временным, а постоянным на 300 кроватей; для него было построено новое, вошедшее в историю здание рядом с церковью св. Онуфрия Великого. 24.09.1837 г. Государь, лично осмотрев обновленный Анапский госпиталь, остался доволен «решительно всем», и старший лекарь последнего Спасский был удостоен Высочайшего благоволения. Позже его наградили орденами Св. Владимира 4-й степени (1838 или 1839) и Св. Станислава 3-й степени (1840). Спасскому была назначена (1841) сверх жалованья пенсия 114 руб. 30 коп. серебром в год.

Однако в 1842 г. ВМЖ зафиксировал его перевод старшим ординатором в Новороссийский военный госпиталь, а 12.11.1843 г. – увольнение от службы по болезни с полной пенсией 257 руб. 40 коп. серебром. Вероятно, Спасский начал болеть с конца 1841 г., когда должность старшего лекаря в Анапе занимал вместо него ординатор Е. Я. Гамбурцов (см. ниже). Но Павел Григорьевич справился с болезнью. По данным РМС, он вернулся в военную медицину и окончательно вышел в отставку только через 20 лет – уже статским советником, имея в активе, сверх перечисленных выше, персидский орден Льва и Солнца 3-й степени. Подобно И. А. Цветихину, П. Г. Спасский значился в списках до 1880-х гг.

Ординатор Ефим Яковлевич Гамбурцов (Гамбурцев) тоже принадлежал к старшему поколению (штаб-лекарь еще в 1825 г.); его перевели в Анапу (1835) коллежским ассесором из Моздокского военного госпиталя. При Спасском Гамбурцов выслужил чин надворного советника (1839), орден Св. Анны 3-й степени (1840), пенсию сверх жалованья 128 руб. 61 коп. (1841),

но был уволен от службы в мае 1842 г. Через несколько лет, однако, Ефим Яковлевич, возобновил службу в военном ведомстве, где и числился до второй половины 1860-х гг. Бог дал Гамбурцеву такое же завидное долголетие, как и вышеуказанным коллегам.

Но не все их ровесники были столь удачливы: Федор Преображенский, тоже штаб-лекарь в 1825 г., коллежский ассессор в 1830 г., вернувшийся на службу (вероятно, после болезни) в начале 1838 г. ординатором в Анапский госпиталь, через 2 года умер на боевом посту.

Третий ординатор, также служивший в Анапе при Спасском, лекарь Лисовский отмечен в ВМЖ лишь в связи с награждением денежной премией «за отлично-усердную и ревностную службу» (1838). В РМС в это время значились три лекаря с фамилией Лисовский: Хризостом (начавший служить вскоре после Отечественной войны 1812 г.), Харитон и Онуфрий. Мы пока не знаем, кто из них работал на Высоком берегу. После 1844 г. продолжал служить по Министерству внутренних дел только Онуфрий Фаддеевич Лисовский; он умер титулярным советником в 1860-е гг.

Нелегко идентифицировать и четвертого ординатора Анапского военного госпиталя тех лет: в 1840 г. титулярный советник лекарь Смирнов был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Но Смирновых в РМС на этот год числилось 23 человека!

А с 1843 г. госпиталь в Анапе возглавил тоже Смирнов: штаб-лекарь, коллежский ассессор, и без такого ордена – однофамилец. Благодаря «Кавказскому календарю» мы знаем, что нового старшего (главного) лекаря звали Алексей Иванович. Выходец из духовного звания, А. И. Смирнов родился в 1804 г., окончил Костромскую духовную семинарию, учился за казенный счет в Московской медико-хирургической академии. В его послужном списке до Анапы – 39-й егерский полк (1824); Крымский пехотный полк (1825–1834 гг. – батальонным лекарем, затем полковым); 21-я артиллерийская бригада (1834), Великолуцкий (1835–1838) и Ревельский (1838) егерские полки, 2-я артиллерийская бригада (1838–1839); Ставропольский, Средне-Егорлыцкий и Фанагорийский военные госпитали. В последнем Смирнов уже был старшим лекарем; его «Отчет о больных Фанагорийского военного госпиталя с 1 ноября 1839 по 1 ноября 1840 года» напечатан в ВМЖ, чего удостаивались единицы.

В Анапе он был произведен в надворные (1844), а затем в коллежские советники (1849), награжден орденами Св. Анны 3-й степени (1843) и Св. Владимира 4-й степени (1847). В 1845 г. Смирнову, отслужившему на Кавказе 20 лет, была назначена сверх жалованья ежегодная пенсия 171 руб. 60 коп. серебром.

Но в 1852 г. А. И. Смирнова, как до него Цветихина и Спасского, перевели из Анапы старшим ординатором в другой госпиталь – Пятигорский. Мотивы понижения не были указаны, но на Кавказе самой частой причиной таких перемещений было расстройство здоровья, не позволявшее руководителю госпиталя справ-

ляться с многотрудными обязанностями. В других случаях писали прямо: «главный лекарь Ардонского госпиталя советник Авдаков перемещен старшим ординатором в Хасав-Юртовский госпиталь по болезненному состоянию».

В Пятигорске А. И. Смирнов служил еще долго, пока в 1865 г. не вышел в отставку «за преклонностью лет». Как и его коллеги старой кавказской закалки, третий руководитель Анапского военного госпиталя не выпал из РМС до 1880-х гг.

Под началом Алексея Ивановича в Анапе служили старшими ординаторами штаб-лекари Остовский и Голицынский, а младшими ординаторами – титулярные советники лекари Засадский, Вруцевич, Лукин, Белозветов и Георгиевский.

Ефим Федорович Оставский (Остовский) прибыл в Анапский госпиталь в начале 1844 г. и вскоре был произведен в надворные советники. За его плечами уже было не менее 15 лет службы в Бессарабии и на Кавказе (штаб-лекарь в 1835 г., коллежский ассессор). Е. Ф. Оставский прослужил в Анапе старшим ординатором до самого упразднения госпиталя: он числился в его штате в «Кавказском календаре» на 1857 г. Почему-то Ефим Федорович не удостоился ни одного ордена – только денежных наград. После окончания Восточной войны его перевели младшим ординатором в Екатериноградский военный госпиталь (1858), но через год уволили по болезни. РМС свидетельствует, однако, что старый анапский ординатор сумел вернуться в военное ведомство, где работал до середины 1860-х гг., а долголетием не уступил своему начальнику.

Не таким стойким к болезням оказался его ровесник Филипп Михайлович Голицынский – опытный штаб-лекарь (с 1833 г.) и коллежский ассессор, перед назначением в Анапу (1842) служивший в Кутаисском госпитале. Начав работать на Высоком берегу младшим ординатором, он был произведен в надворные советники (1848), а в 1849 г. стал старшим ординатором и был пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени «за выслугу 35 лет в офицерских чинах» (на Кавказе год шел за два). Но в 1851 г. Ф. М. Голицынский был «уволен от службы за болезнь с пенсией полного оклада жалованья и военно-медицинским мундиром». А вскоре имя Филиппа Михайловича исчезло из РМС: болезнь взяла верх.

Разной была и судьба их коллег из более молодых поколений. Петр Францевич Засадский окончил курс лекарских наук в конце 1830-х гг. и в Анапе начал служить младшим ординатором еще при Спасском. В этой должности он получил денежную премию (1843), еще через год – звание штаб-лекаря, затем был повышен в чине до коллежского ассессора, а в 1849 г. удостоен ордена Св. Анны 3-й степени. Покинув Анапу в начале 1850-х гг., П. Ф. Засадский продолжал служить в других местах и вышел в отставку в середине следующего десятилетия надворным советником. Из РМС Петр Францевич выбыл на рубеже 1860–1870-х гг.

Иван Филимонович Вруцевич, выпускник Московской медико-хирургической академии, летом 1835 г. был отправлен на Кавказ, где долго служил батальонным лекарем в Тенгинском пехотном полку. В 1839 г. лекарь Вруцевич был награжден «за отличию-ревностную службу» орденом Св. Станислава 3-й степени, но чиновпроизводство ему почему-то задерживали: титулярным советником младший ординатор Анапского военного госпиталя стал только в 1844 г., а в штаб-лекари и коллежские ассессоры Вруцевича произвели уже в 1850-е гг. Черту под двадцатилетней карьерой Ивана Филимоновича подвела Восточная война: младший ординатор Вруцевич еще получил орден Св. Анны 3-й степени и денежную премию (1854), но умер весной 1885 г. – перед самой эвакуацией Анапы.

Меньше довелось служить под началом А. И. Смирнова еще двум младшим ординаторам. Лука Александрович Лукин, питомец Воспитательного дома и Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, был направлен в 1842 г. на Черноморскую береговую линию с прикомандированием к Новороссийскому военному госпиталю. Вскоре лекаря Лукина переместили младшим ординатором в Анапу, где он успел получить денежную премию за «отлично-усердную службу» (1845) и чин титулярного советника (1847). Но уже в 1849 г. едва успевший понюхать пороха Лука Лукин выбыл из списков – на Кавказе век был недолог не только в кавалергардах, но и в младших ординаторах.

На три года дольше посчастливилось служить в Анапе Петру Ивановичу Белоцветову, получившему лекарский диплом одновременно с Лукиным: титулярный советник Белоцветов значился младшим ординатором Анапского военного госпиталя до 1852 г., когда разделил участь ровесника. Что ни говори, но этот госпиталь работал в городе, о котором «Кавказский календарь на 1853 г.» писал: «Господствующиe здесь болезни – перемежающаяся лихорадка, эндемическая на восточном берегу Черного моря, простудная горячка, воспалительные болезни, особенно глазовоспаление, и цинга». А его персонал был таким же смертным, как 2,4 тыс. жителей Анапы и 4,5 тыс. окрестных поселян.

Позже других – на рубеже 1840–1850-х гг. – был переведен младшим ординатором в Анапский военный госпиталь лекарь Антон Васильевич Георгиевский, служивший с 1830-х гг. в Черноморских линейных батальонах № 1 и 5. Георгиевский пришел в госпиталь уже штаб-лекарем (1842) и коллежским ассессором (1848), кавалером ордена Св. Анны 3-й степени (1846). До начала войны он успел дважды (1851, 1853) удостоиться в Анапе «Монаршего Государя Императора благоволения» и получить в мае 1853 г. за отличия по службе орден Св. Анны уже 2-й степени («Анну на шее»). Но военные события увлекли А. В. Георгиевского на другие фронты еще до эвакуации города. Антон Васильевич продолжал работать по военному ведомству, выслужил чины надворного (1860) и коллежского (1870) советника; он вышел в отставку в середине

1870-х гг. Бог дал ему дожить до воцарения Государя Александра III.

Аптекой Анапского военного госпиталя при А. И. Смирнове управлял провизор Василий Алексеевич Гусев. Его имя упоминалось в «Официальных известиях» с середины 1840-х гг. либо с очередным повышением в чине (коллежский секретарь – 1848 г.; титулярный советник – 1850 г.), либо с объявлением ему «признательности Его Светлости Военного министра за усердие, оказанное в пользу казны по сбору лекарственных растений» (аптека сама добывала себе сырье для медикаментов). В первые месяцы Восточной войны провизор Гусев оставался в Анапе, где еще успел получить в начале 1854 г. денежную премию. Но уже летом Василия Алексеевича назначили управлять аптекой нового военно-временного госпиталя – Андреевского. Вместо Гусева аптеку в Анапе возглавил гезель (звание ниже провизора), коллежский секретарь Иван Иванович Ромбергер, ранее долго занимавший аналогичную должность в Фанагорийском госпитале.

Жизнь коллег-фармацевтов сложилась по-разному. И. И. Ромбергер умер летом 1855 г., после эвакуации в мае гарнизона Анапы. В литературе не нашлось описаний жизни и работы анапских аптекарей в «экзиле», но, думается, что к ним применим рассказ о скитаниях эвакуированной тогда же Новороссийской аптеки. К 16.06.1855 г. она проследовала по маршруту Керчь – Темрюк – станица Полтавская, где «ее имущество было сложено на базарной площади на открытом воздухе, от чего легко может подвергнуться порче». Как доносил управляющий, «аптека по случаю беспрестанных перевозок с одного места на другое и по неимению ни в одном помещении не сможет продолжать снабжения медикаментами». Поэтому ее решили упразднить «в видах сокращения излишних расходов на ее содержание», а имущество и персонал частью распределить между другими, частью «продать на месте с публичного торга».

Не каждый начальник способен пережить столь бесполезную гибель своего детища. Вот и Ромбергер, по-видимому, принял случившееся слишком близко к сердцу...

Провизор Гусев не горевал по поводу упразднения ни Анапского, ни Андреевского госпиталей, а менял места службы, не упуская шансов повыситься в чине (коллежский ассессор – в 1857 г.; надворный советник – в 1864 г.). После войны сверхкомплектный фармацевт Кавказской армии В. А. Гусев был прикомандирован к Хасав-Юртовскому госпиталю, но позже вернулся и к руководящей работе – управлял аптеками Каладжинского и Екатериноградского военных госпиталей (1864).

Война сильно отразилась и на медицинском персонале Анапского военного госпиталя. После ухода А. И. Смирнова коллектив возглавил, согласно «Кавказскому календарю на 1854 г.», штаб-лекарь Озеров. Но уже в начале этого года должность главного лека-

ря в Анапе исправлял коллежский ассессор Бокевич-Щуковский. А летом сюда был назначен руководить штаб-лекарь, коллежский советник Цветков, до этого служивший главным лекарем Новороссийского госпиталя. Пока мы не знаем, убыл ли Цветков с Анапским госпиталем в эвакуацию и сколько времени оставался в коллективе. Но известно, что в 1856 г., перед самым концом, госпиталем руководил помощник главного лекаря Никольский.

Последний довоенный главный лекарь Анапского военного госпиталя Григорий Иванович Озеров окончил курс лекарьских наук в начале 1840-х гг. и пришел в Анапу уже коллежским ассессором и кавалером ордена Св. Анны 3-й степени. Уйдя в начале 1854 г. руководить в Новороссийск, штаб-лекарь Г. И. Озеров вскоре получил чин надворного советника и орден Св. Анны 2-й степени, «Императорской короною украшенный». А когда Новороссийский госпиталь упразднили вместе с Анапским, Григорий Иванович служил главным лекарем Кизлярского (1858) и Хаджал-Махинского (1860) военных госпиталей, уже в чине коллежского советника. Смертельная болезнь застала его на посту главного лекаря Кутишинского военно-временного госпиталя (1864).

Феоктист Михайлович Бокевич-Щуковский был старше своего предшественника – он начал служить в кавказских госпиталях еще в конце 1830-х гг., но не продвигался по службе, и через 15 лет оставаясь младшим ординатором. Война дала его карьере мощный импульс: после недолгого анапского эпизода Феоктиста Михайловича назначили главным лекарем Константиновского военного госпиталя (на р. Чамлыке). За 10 лет он стал надворным, а вскоре и коллежским советником, удостоился орденов Св. Станислава и Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 3-й степени. В 1865 г. Бокевич-Щуковский по болезни покинул Константиновский госпиталь, но продолжал служить, и в 1881 г. значился в РМС действительным статским советником. Так самый кратковременный руководитель анапской медицины поднялся выше всех в «Табели о рангах».

В отличие от Бокевичей-Щуковских, медиков Цветковых в русской армии всегда было немало – от 5 до 10 человек. Взвесив имеющуюся информацию, мы предположили, что Анапский госпиталь возглавил в самые трудные дни Цветков Николай Иванович (а не Павлович и не Михайлович – были и такие). Из послужного списка ясно, что Н. И. Цветков представлял старшее поколение кавказских военных врачей: уже в 1835 г. он штаб-лекарь, имевший медаль «За турецкую войну», в 1840 г. – коллежский ассессор, в 1849 г. – надворный советник. К концу 1840-х гг. Николай Иванович, работавший в военных госпиталях Ставрополя, Моздока и др., получил опыт руководства лечебным учреждением, после чего и возглавил госпиталь в Новороссийске. Отсюда он пришел в Анапу уже коллежским советником, кавалером ордена Св. Анны 3-й степени.

После войны Н. И. Цветков стал главным лекарем в Хасав-Юртовском военном госпитале, но 19.01.1858 г. по болезни был уволен от службы с мундиром в чине статского советника. Отставку он получил в середине 1860-х гг., но числился в РМС и 20 лет спустя.

Одним приказом с ним летом 1854 г. в Анапский военный госпиталь были назначены: старший ординатор Темир-Хан-Шуриновского военного госпиталя Яков Никольский – помощником главного лекаря, младший ординатор Ставропольского военного госпиталя Константин Шистовский – старшим ординатором. Оба они, как и Е. Ф. Оставский, работали в Анапском госпитале вплоть до его упразднения.

Из трех Яковых Никольских, числившихся в это время в РМС, в Анапе служил Яков Григорьевич (Егорович), а не Александрович или Исидорович. Опытный лекарь тянул армейскую лямку с 1830-х гг.; в 1840-е гг. выслужил в кавказских госпиталях чин титулярного советника, в 1850-е – коллежского ассессора и орден Св. Анны 3-й степени. В Анапу Я. Г. Никольский пришел уже надворным советником. После войны он возглавлял Ардонский военный госпиталь, получил чин коллежского советника (1858) и орден Св. Станислава 2-й степени (1860). Но уже к рубежу 1860–1870-х гг. Яков Григорьевич выбыл из РМС.

Ненамного младше его был Константин Игнатьевич Шистовский (род. в 1815 г. в дворянской семье). Он был выпущен лекарем в отдельный Кавказский корпус в 1841 г.; служил сначала в Темнолесском военно-временном госпитале, потом в Кавказском линейном № 4 батальоне (1845), а с 1848 г. – в Ставрополе. Коллегом был хорошо известен его отчет о работе в Засовском укреплении.

В Анапу К.И. Шистовский пришел коллежским ассессором, кавалером ордена Св. Анны 3-й степени. За время работы здесь он был произведен в надворные советники, а после упразднения Анапского госпиталя возвращен в Ставрополь (1858) младшим ординатором с добавочным жалованьем 83 руб. 62 коп. серебром.

После этого Константин Игнатьевич прослужил на Кавказе еще 16 лет: с 1864 г. – в Хасав-Юртовском, с 1866 г. – в Пятигорском, с 1869 г. – снова в Ставропольском военных госпиталях; стал коллежским советником. В 1874 г. Шистовский вышел в отставку, но еще долго работал врачом при гимназии, читал гигиену на женских педагогических курсах – об этом писал будущий председатель украинской Центральной Рады М. С. Грушевский, живший в Ставрополе в 1870–1878 гг.

Националист-сепаратист Грушевский характеризовал Шистовского как «идеалиста-романтика, охваченного энтузиазмом ко всему хорошему и красивому, с тем кличем свободы и братства народов, среди которых прошла его молодость» (намек на польский мятеж 1830–1831 гг. – К.Р.). «Он был католик, воспитанник Кременецкого лицея, но обнаруживал искреннюю благосклонность также и к украинской идее, и перед смертью прислал мне свою записку о национальном

возрождении, чтобы я напечатал ее в Галичине». Ординатор Анапского госпиталя дожил до 1894 г., когда Грушевский эмигрировал из России в австрийский Львов!

Еще три лекаря встретились в «Официальных известиях» лишь мимоходом. ВМЖ упомянул ординатора Анапского военного госпиталя, коллежского ассессора Ивана Васильевича Смирнова в связи с его смертью в 1855 г. Но не мог ли покойный быть тем титулярным советником лекарем Смирновым, который был в этой же должности награжден орденом Св. Станислава 3-й степени еще в 1840 г. (см. выше)?

Согласно РМС, число лекарей Иванов Смирновых за 1840-е гг. выросло от 2 до 4, в том числе было два Ивана Васильевича. Один из них числился к 1855 г. коллежским ассессором с орденом Св. Анны 3-й степени – по-видимому, это он и умер в Анапе. Но никто из действующих лекарей Ивановых не был обладателем ордена Св. Станислава; выходит, что получатель последнего выбыл из списков живых вскоре после награждения в 1840 г. – и тоже в Анапе. Эти два лекаря были однофамильцами, но их судьбы слились в одну, как говорится, до степени неразличимости.

Всего лишь прикомандированным к Анапскому военному госпиталю (вне штата) состоял перед войной батальонный лекарь 13-го Черноморского линейного батальона Георгий Давидович (Иоганн-Георг) Кин, начавший службу в середине 1840-х гг., к их концу бывший титулярным советником, а в начале 1850-х – коллежским ассессором. Однако его батальон дислоцировался в той же крепости, и Кина можно причислить к военно-медицинскому сообществу Анапы. После войны Георгий Давидович, назначенный старшим лекарем сформированного в 1856 г. Переяславского драгунского Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Александровича полка, выслужил чины надворного и коллежского советника, а с 1870-х гг. долго жил в отставке.

Наконец, лекарь Юлиан Викентьевич Бабянский, кончивший курс наук в 1851 г. (в 33 года – Бабянский родился в 1818 г.) упомянут в ВМЖ в связи с получением денежной премии уже как младший ординатор бывшего Анапского военного госпиталя (1856).

Такой же печальной, как и у последнего, была судьба всей послевоенной Анапы. Как писал М.Я. Ольшевский, «в 1860 г. Анапа уже была не крепостью, взятой в 1828 г., а жалким укреплением, тут же построенным. Я заехал туда, чтобы осмотреть стрелковый батальон лейб-гвардии Эриванского полка, оставленный здесь со времени своего прибытия морем из Закавказья, но по моему настоянию скоро оттуда взятый». Понятно, что госпиталь здесь не был восстановлен.

Напротив, дальнейшая карьера лекаря Бабянского была долгой и успешной: Юлиан Викентьевич дослужился в итоге до статского советника и жил в 1890-е гг. в отставке в Варшаве. Могучее, лихое племя!

А еще можно сказать, что все они, такие разные: матерые кавказские лекари и зеленая молодежь; идеали-

сты и прагматики; православные, католики и лютеране – одинаково честно, не жалея себя, служили здесь, на беспокойной южной границе, интересам России.

К ИСТОКАМ САНАТОРНО-КУРОРТНОГО ДЕЛА В АНАПЕ

З. Е. Харалдина

Исключительно благоприятное сочетание климата и целебных природных факторов – мелководного морского берега, удобных песчаных и галечных пляжей, лечебных грязей, разнообразных минеральных вод – предопределило судьбу Анапы и ее окрестностей как курортных местностей.

С незапамятных времен человек научился находить в окружающей его природной среде лечебные средства. Пользовались щедрыми дарами природы земли анапской античные греки, адыги, генуэзцы, турки и другие народы, чьи исторические судьбы переплелись с историей региона.

Наличие «минеральных богатств» в крае обусловило их использование казаками-переселенцами. В это время были открыты многие целебные источники. Из минеральных грязей наиболее известными были Бугазские и Тузлянские. Полужидкий ил грязевых сопок Тамани стал использоваться казаками как средство от ревматизма и других болезней.

С вхождением этой территории в состав Российской империи будущие курорты обозначились появлением там военных лечебных заведений: госпиталей, лазаретов и грязелечебниц. Благоприятный климат, отсутствие малярии играли главную роль в выборе места.

В крепости Анапа был размещен воинский гарнизон и устроен госпиталь на 300 кроватей, где лечили солдат от «застарелых, многолетних лихорадок» – малярии. Медицинский персонал госпиталя имел возможность на практике наблюдать благоприятное воздействие климата, морских купаний на результаты лечения.

К концу XIX века в России был накоплен определенный опыт курортного строительства и организации санаторно-курортного лечения, но единая государственная политика с административными, экономическими, правовыми составляющими еще не сложилась. Успехи и темпы курортного строительства в значительной степени определялись инициативой и предприимчивостью конкретных людей, прогрессивными взглядами должностных лиц всех уровней власти. На этапе становления санаторно-курортного дела в Анапе личный фактор сыграл огромную роль.

Профессор Военно-медицинской академии Н. П. Гундобин, побывавший в Анапе в 1908 году, в своей статье во «Врачебной газете» дал очень резкую характеристику анапчанам: «Жители Анапы самонадеянные от природы, но в то же время склонные к кри-

тике и самооплеванию, ленивые от рождения и еще более неподвижные от южного климата, не только не делают ничего сами для улучшения своего города и не ценят чужого труда, но еще склонны критиковать и подозревать в личных целях чужую энергию и работу. Отнимите работу двух-трех лиц, и Анапа до сих пор была бы неизвестна». Автор этих строк был, безусловно, прав в том, что на российский уровень проблемы уникальной лечебной местности смогли поднять немногие, действительно выдающиеся личности.

В ряду этих славных имен первым всегда будет называться генерал Дмитрий Васильевич Пиленко (1830–1895). Личность государственного масштаба, незаурядных организаторских способностей, патриот и гражданин, Д.В. Пиленко внес колоссальный вклад в развитие Анапского региона. В своих обращениях к властям он указывал на необходимость изучения и использования природных даров Анапы и ее окрестностей.

Многие годы в качестве городского врача Анапы превратили доктора Александра Ивановича Песоченского (1851–1900), который первым заговорил об Анапе с медицинской точки зрения, в настоящего патриота, страстного пропагандиста целебных факторов курорта. Пиленко Д.В. и Песоченский А.И. останутся в истории курорта Анапа первыми его радателями и активными пропагандистами.

Решающее значение в становлении санаторно-курортного дела в Анапе имело проведение железнодорожной ветки в Новороссийск в 1888 году.

В 1888 году автор статьи «Анапа» в газете «Северный Кавказ» замечает, что «в настоящем году съезд купающихся в Анапе значительно больший, чем в прошлом году: насчитывается 80 семейств, или около 400 человек. Такой небывалый здесь съезд купающихся объясняется тем, что в Новороссийске, при большом наплыве капитальных людей, стала и жизнь дороже, и квартиры позаняты – свободных не имеется».

Выступления в печати Д. В. Пиленко и А. И. Песоченского о климатических достоинствах Анапы привлекли внимание кубанской и российской научной общественности. Начинается целенаправленное изучение целебных факторов курорта. Первыми исследователями климата, лечебных вод и грязей Анапы стали доктор, приезжавшие в Анапу на морские купания из разных городов России.

В 1890 году профессор Харьковского университета И. И. Скворцов делает первое научное описание климатических условий Анапы. В 1894 году доктор медицины, профессор, директор Казанской госпитально-терапевтической клиники Н.И. Котовщиков был в Анапе на морских купаниях. Он заинтересовался грязями озера Чембурка, отослал пробы на исследование профессору В. И. Сорокину и на основании анализов советовал городским властям устроить в Анапе грязелечебное заведение.

В Анапе приобретают земельные участки и строят

дома и летние дачные особняки отставные военные, доктора, чиновники, купцы, деятели науки. При дачах сооружаются первые курортные оздоровительные комплексы – купальни, которые принадлежали частным лицам и приносили определенный доход, потому и назывались «торговые». Городская власть Анапы – полицейское управление – оказалась перед фактом растущего научного, медицинского, общественного интереса к курортной местности и ее целебным факторам и прилагала определенные усилия, чтобы обратить этот интерес во благо.

В апреле 1888 года на заседании анапского полицейского управления решался вопрос об установлении особого сбора с частных купален: «За частные купальни, устраиваемые на стороне главной бухты, с восточной и западной стороны городской пристани – по 5 руб. и в Кучук-бухте – по 3 руб. за каждую, и за торговые купальни – по 8 руб. от кв. саженей».

Постановили: сбором купальни не облагать, в силу незначительности общей «ожидаемой» суммы налога – 76 руб. Но для владельцев была предписана необходимость «введения в виде обязательного постановления правил для купален, выработанных в интересах соблюдения в купальнях благочиния и благоустройства и исполнения санитарно-гигиенических требований, т.е. с полицейско-санитарными условиями, что очень необходимо для купален Анапы, куда для морских купаний каждое лето стекается много приезжих лиц».

Власти Анапы в лице полицмейстера – войскового старшины Алексея Ивановича Штригеля (1842–1897) предпринимают усилия по сооружению первых городских купален на песчаном и галечном пляжах. В рапорте Начальнику Кубанской области с ходатайством об отпуске из запасного капитала города двух тысяч рублей на постройку городской купальни, приводится постановление «общего присутствия» Анапской полиции от 11 февраля 1893 года. В нем говорится о том, что «съезд публики» на морские купания уменьшается в течение последних пяти лет по причине отсутствия элементарных удобств. Купальни необходимы, чтобы «доставить хоть некоторое удовольствие приезжающим».

Начальник Кубанской области Я.Д. Малама телеграммой от 1 мая 1893 года разрешает использование средств, ссылаясь на Указ императора, в котором отмечалось, что «Анапа представляет из себя лучшее место для морских купаний» и купальни станут «доходной статьей» для города.

Городские власти, не имея опыта организации работы нового типа заведений, приглашают содержателя купален в Новороссийске Д. С. Серафимова и заключают с ним договор на строительство купальни, с последующей сдачей ему в аренду сроком на 10 лет. В договоре оговариваются цены за пользование морскими (10 коп.), теплыми (50 коп.) и грязевыми (1 руб. 50 коп.) ваннами, как и в новороссийских купальнях.

Заключаются договоры на строительство и последующую эксплуатацию купален с анапчанами Павлом Колодой и Макаром Зеленским, разрабатываются и утверждаются в области проекты построек. Процесс находится под контролем Я.Д. Маламы, который телеграфирует в Анапу: «Не допускать при постройке купальни никаких отклонений от чертежа».

Открытие первых городских купален состоялось 1 июня 1894 года, об этом было объявлено в центральных газетах, реклама купален была изготовлена типографским способом и расклеена по городу. Этим событием Анапа впервые заявила себя в России как курорт.

На песчаном пляже сооружаются две «раздевальни» – легкие деревянные постройки 9 x 4,5 аршина, (6,4 x 3,2 м) высотой 3 аршина (2,1 м), под двускатной крышей, два окна со стороны моря, внутри каждая оборудована лавками, вешалками. Полы деревянные, имеются «удобные выходные подмостки в море». Купальни сдаются властями в аренду частным лицам на летний сезон с начальной ценой на торгах от 500 руб. (1897), от 1500 руб. (1907) и от 2500 руб. (1913). Многие годы арендаторами купален были Ф.И. Дроздовский и П. Лефтеров.

Городским управлением разрабатываются «Кондиции на отдачу в откупное содержание трех городских купален и раздевален на песках в городе Анапе с 15 мая по 15 сентября 1897 года»:

1. Городские купальни находятся: одна – около пристани, две – в Малой бухте. Две раздевальни на песках.

2. Все они отдаются с торгов, которые начинаются с суммы 500 руб.

3. Лицо, взявшее купальню в аренду, принимает от особой комиссии и сдает ей же 16 сентября 1897 года имущество городской купальни под расписку.

4. По примеру прошлых лет за право купания взимает с лиц, не взявших сотенных марок (2 руб. абонемент на 100 посещений), за 1 раз в общем отделении – 5 коп., в отдельном – 10 коп.

5, 6. Арендатор обязан «исправлять все повреждения» в купальне и раздевальне.

7. Арендатор обязан держать в купальнях приличную прислугу (мужчин и женщин), кассира, «обязывающимся быть с публикой вежливо-предупредительной».

8. Купальни должны быть чистыми и опрятными.

9. Арендатор вносит залог 10% с суммы, взятой на торгах, и платит вперед за месяц.

10. Обязуется иметь достаточное количество утиральников, простынь, кальсон, термометр на видном месте.

Каждое заявление потенциального арендатора на предмет выгодности условий для городской казны рассматривается членами «торгового присутствия» – Толмазовым И.Д., Триполитовым Г.П. и Зубриком Ф.М. Специальная комиссия сдает купальни арендатору в начале сезона и принимает в сентябре.

В июне 1897 года городская купальня отдается в «адресное содержание» анапчанину Георгию Кузьмичу Мавропуло за плату в доход города 700 руб. По расписке, Г.К. Мавропуло принял имущество городской купальни: шесть простынь, пять кальсонов, четыре полотенца, 24 занавески. В конце сезона, после принятия от арендатора купален и имущества, помощник городского старосты И.О. Узляков пишет рапорт И.Д. Толмазову о том, что купальни пришли в негодность от «морского червя», а на следующий год лучше их «приготовить» из дубового леса.

В расписке Узлякова о принятии имущества купальни от Мавропуло значатся еще: термометр – один, круга – два, шара – четыре, пояс пробочный – один, конец травяной – один, указывается, что «паруса изорваны морской погодой». В Малой бухте при купальнях на лето «для порядка» учреждается полицейский пост с 5 до 10 часов вечера.

Развитие городских курортных учреждений находилось под жестким контролем вышестоящих властей. «Анапскому Городскому Голове М. М. Лапареву. Предлагаю вам безотлагательно донести мне, на каком основании приступлено к переустройству и расширению существующих песочно-солнечных купален, когда мною 16 мая 1910 года за № 1172 дано было Вам знать, что к переустройству и расширению должно было быть приступлено не ранее, чем будет заново выстроено и надлежащим образом оборудовано помещение для городской купальни у пристани, в Большой бухте. Требую немедленно прекратить переустройство купален. Начальник Кубанской области М. П. Бабыч».

Стоимость большой городской купальни в 1913 году составляла 17 тыс. руб., ремонтные работы перед курортным сезоном оценивались в 6 тыс. Персонал для обслуживания купален по заявлениям с рекомендациями принимался городской управой после согласования с курортной комиссией.

Еще в апреле 1912 года в Анапскую городскую управу из «агрономической лаборатории» Новороссийского университета Одессы поступило письмо от профессора А. И. Набоких: «Имею честь препроводить полный анализ Анапской грязи, выполненный химиком г. Цоневым по методу профессора Вериги, но полнее. Определен тип соленосных грязей, какими являются целебные грязи Хаджибейского лимана в Одессе и бухты Балаклавы. Все три типа сравниваемых грязей – радиоактивны».

В июле 1913 года на центральном пляже начинает работать городская грязелечебница, состоящая из каменного здания для грязевых и морских ванн и двух открытых площадок для ванн песочных и солнечных. Устав и правила учреждения утверждались постановлением Анапской городской Думы. Ежедневно грязелечебницей отпускалось не менее 75 грязевых ванн, до 150 – песочных, более 200 – солнечных. Использовалась здесь местная лечебная грязь из озера Чембурка. «Устройство городской грязелечебницы и морских

теплых ванн было вызвано не столько соображениями извлечения прибылей, сколько с целью регулирования цен, дабы предотвратить нездоровое повышение цен в частных лечебных учреждениях. Город предоставляет большим грязевые ванны за плату, почти вдвое меньшую», – отметил в своем выступлении на Съезде по улучшению отечественных лечебных местностей городской голова Е. А. Прокопович.

Городской Думой утверждалась «Такса на пользование ваннами в анапских городских лечебных заведениях». Она включала следующие позиции:

1. Грязевые ванны	для неимущих
нормальная цена	с 7 до 9 утра
	с 4 до 6 вечера
	(кроме июля)
полная ванна – 1 руб. 75 коп.	1 руб. 25 коп.
поясная ванна – 1 руб. 25 коп.	80 коп.
лепешка малая – 50 коп.	40 коп.
лепешка большая – 75 коп.	50 коп.
рапная ванна – 75 коп.	50 коп.
разводная ванна – 60 коп.	40 коп.
2. Морские теплые ванны	
разовая ванна – 30 коп.	
абонемент (10) – 2 руб. 50 коп.	
3. Солнечные ванны – 20 коп.	
4. Песочные ванны – 25 коп.	

Морские, солнечные и песочные ванны с 7 до 9 утра и с 4 до 6 вечера (кроме июля) имеют скидки 10% с нормальной цены».

Такса была отпечатана в типографии и вывешивалась как рекламный листок в людных местах города.

Одним из первых частных санаторно-курортных учреждений в Анапе стали «Теплые морские ванны» – водолечебница, принадлежащая мещанину города Воскресенска Московской области М. Е. Ефимову, которая открылась 6 апреля 1897 года. «Приморские номера» рекламируются в газете «Черноморское побережье»: «При номерах теплые ванны, ресторан. Отличная кухня, обеды от 40 копеек».

Появляются водолечебницы екатеринодарского купца Матиаса Францевича Ирзы, одного из владельцев пивоваренного завода «Бавария», открытого в 1901 году в Новороссийске. В 1914 году в доме М.Ф. Ирзы отпускались морские теплые ванны по 40 коп. за каждую.

На Набережной в 1900 году (ныне здание музейной экспозиции) открываются «Морские теплые ванны» анапского купца Михаила Николаевича Фомаидиса.

Отцом анапского курорта современники называли доктора Владимира Адольфовича Будзинского (1865–1923), личность пассионарную и, безусловно, талантливую и яркую. Вехи биографии доктора, историю его здравниц подробно изложили летописцы курорта: врач К.Я. Ведергорн, краевед Н. Д. Молла, врач-курортолог Баклыков Л. И.

Ограничимся тем, что обозначим контуром дея-

тельность В.А. Будзинского по созданию курортных учреждений в Анапе.

Здесь жили родители Будзинского – Софья Константиновна и Адольф Антонович. После смерти матери в 1897 году Будзинский с детьми переезжает в Анапу к престарелому отцу и начинает строительство курортных заведений, проявив при этом незаурядные организаторские и предпринимательские способности.

В 1898 году он покупает у города участок земли на Высоком берегу и 21 июля 1900 года открывает водогрязелечебницу – первое лечебное учреждение в городе и на Черноморском побережье, оборудованное по последнему слову медицинской науки и курортной практики.

Следует отметить, что санаторно-курортное лечение в здравнице доктора В.А. Будзинского было достаточно дорогим, а потому и недоступным даже для людей среднего достатка.

Плата за пользование физическими методами лечения составляла от 25 до 100 руб. за курс. Плата за полный пансион 1-го класса – отдельная комната с верандой и столовая – с лечением составляла от 100 до 250 руб. в месяц. Пансион 2-го класса для лиц с ограниченными средствами – от 75 до 100 руб. Плата за грязелечение составляла от 50 до 75 руб. за курс.

Для сравнения приведем цены на продукты: хлеб – 2–4 коп., говядина – 5–9 коп., свинина – 12 коп. за фунт (400 г). Курица продавалась по 30–35 коп., утка – 35–40 коп., гусь – 60–75 коп. Жилой дом в Анапе стоил от 100 до 8000–11000 руб. Заработная плата в 1909 году составляла: городского головы Анапы – 150 руб. в месяц, городского врача – 75, учителя – 50, контролера курортного зала – 25, библиотекаря – 30, фонарщика – 15, кассирши в купальне – 15, сторожей – 5–20 руб.

Поэтому самыми доступными и популярными из лечебных процедур на курорте были морские купания, на которые приезжали люди среднего достатка. Они жили в частном секторе по 15–30 руб. за комнату в месяц, номер в гостинице – от 75 коп. до 5 руб. в сутки, продукты, овощи и фрукты в Анапе стоили дешево, готовый обед – от 50 до 75 коп.

Анапа становится известной в России «климатической станцией» благодаря активной деятельности В.А. Будзинского по рекламе своих здравниц и курорта в целом. Еще в 1900 году он издает брошюру «Анапа. Ее прошлое, настоящее и будущее», где дает характеристику Анапе как лечебной местности, которая может и будет соперничать с лучшими курортами Западной Европы.

В сентябре 1903 года доктор Будзинский принял участие в работе Второго Всероссийского съезда деятелей по климатологии, гидрологии и бальнеологии, который проходил в Пятигорске. Он выступил с докладом «Анапа – курорт морских купаний и климатическая станция на Кавказском берегу Черного моря», в котором предсказал Анапе большое будущее.

21 июня 1909 года на средства В. А. Будзинского в местечке Джемете открывается санаторий «Бимлюк» с ортопедическим институтом, специализированный на лечении костно-суставного туберкулеза. Идея создания института принадлежала основоположнику отечественной детской ортопедии, профессору Военно-медицинской академии Г. И. Турнеру (1858–1941), который стал научным консультантом лечебного учреждения.

В 1909–1914 гг. ортопедическим институтом заведовал ученик Г. И. Турнера, доктор медицины А. К. Шенк (1873–1943), консультировал ассистент детской клиники Академии – доктор медицины М. Ф. Руднев.

В институте с успехом излечивались рахит, золотуха, ревматизм, подагра, косолапость, искривления позвоночника, горбатость и всевозможные заболевания костной и мышечной системы. Плата за врачебную помощь, лечение ваннами и полный пансион по 1-му классу составляла от 125 до 225 руб., по 2-му – от 85 до 125 руб. в месяц. В санатории имелся телефон, электрическое освещение, сообщение с Анапой осуществлялось на линиях.

Важной вехой в развитии курорта стал период правления городского головы Владимира Илларионовича Пиленко (1868–1944), который занимал этот пост с 1 августа 1906 года по 1 июля 1909 года. Страстный патриот Анапы и талантливый организатор, В. И. Пиленко стал решать многие проблемы курортной жизни: городского благоустройства, водоснабжения, транспорта, связи, образования, культуры, рекламы. При нем вводится ежегодная регистрация приезжающих в Анапу на морские купания.

Пиленко В.И. стал инициатором создания нового структурного подразделения – «Садово-курортной комиссии» при Анапской городской управе. Рождение специальной комиссии было вызвано потребностями «курортной» жизни и ростом числа приезжающих на отдых в Анапу.

«Инструкция садово-курортной комиссии», изданная Анапской городской Думой и одобренная на заседании 15 апреля 1907 года, включала следующие позиции:

1. Члены комиссии избираются городской Думой на срок городских выборов в числе семи членов и двух кандидатов при ежегодном пополнении выбывших членов. Состав комиссии входит в состав Управы.

2. Комиссия состоит под начальством Городского Головы или члена Управы.

5. К ведению садово-курортной комиссии относятся следующие дела:

- заведование городским садом и театром, согласно особым правилам;
- эксплуатация всех курзальных помещений;
- надзор за служащими сада, за буфетом и кухней;
- заведование е городскими купальнями, составление предположений о расширении и улучшении их, производстве своевременного ремонта;

- проектирование по отдаче купален в аренду, по разработке соответствующих условий с арендатором и надзор за исправным содержанием их на время летнего сезона или же эксплуатация хозяйственным способом, при этом – наем и увольнение служащих;

- забота и наблюдение об улучшении и исправности освещения городского сада и бульваров;

- забота об урегулировании морских берегов и улучшении купания;

- освобождение от платы в городской сад и курзал отдельных категорий.

В первую курортную комиссию в 1906 году вошли: городской голова – В. И. Пиленко, члены управы И. В. Остромысленский и И. И. Лавров, доктора В. А. Будзинский и А. Ф. Кулик, фельдшер П. И. Волков, отставной капитан А. А. Антоновский, казак, бывший полицеймейстер Анапы С. К. Голуб, купцы Д. П. Триполитов, В. Е. Пурсалов и Н. Н. Борисов.

В 1910 году в составе садово-курортной комиссии уже 21 человек: врачи – Г. К. Каушман, Д. В. Шабанов, И. Г. Атлас, Г. Л. Антоконенко, П. Л. Фомин, фельдшеры – А. И. Латышев и Ю. Н. Бурдак, купцы – Д. П. Триполитов, Б. М. Ду, П. Т. Толмачев, В. Е. Пурсалов, владелец модно-галантерейного магазина И. Х. Орциев, артист Императорских театров В. А. Кравченко и артист М. В. Сербулов, отставные военные – Ф. И. Бабченко, А. Н. Кашерининов, Н. С. Вороновский, И. Д. Толмазов, А. А. Антоновский, члены управы – В. Н. Соколов, И. А. Шульга.

Комиссия решала многие вопросы: разрабатывала документы, регламентирующие курортную жизнь, заботилась о содержании, аренде и доходности городских курортных учреждений, составляла гастрольную программу сезона, репертуарные планы курортного зала и контролировала его деятельность, осуществляла подбор кадров для работы в городских курортных учреждениях, изучала мнения отдыхающих, рассматривала жалобы о нарушении порядка, экологии, правил торговли и т. д.

«Правила посещения городского сада и курортного зала», разработанные комиссией, утверждались начальником Кубанской области, регулярно обновлялись. Плата за посещение танцевального вечера составляла 50 коп., учащимся – 25 коп., детские танцевальные вечера – по 15 коп., дети до 8 лет заходили бесплатно. Прислуга и малолетние дети в танцевальный зал не допускались. Городской сад был открыт для посещения с 8 утра до 6 вечера бесплатно, а с 6 вечера до часу ночи – за плату, ресторан в саду работал с 11 дня до 2 часов ночи.

Правилами предусматривался «приличный общепринятый костюм». Не допускались «крики, шум и никакие действия, нетерпимые в благопристойном обществе». Игра в карты в курзале разрешалась только по «Высочайше утвержденным» правилам 13 декабря 1897 года. Игры в лото допускались только как семейное развлечение. Азартные игры не допускались.

На заседаниях Анапской городской Думы от 2 марта 1914 года заслушивался доклад садово-курортной комиссии «Об изменении правил для посетителей городского сада и курзала». Постановили: освободить от входной платы – гласных Думы, лиц, служащих по городскому общественному управлению, учащихся городских начальных училищ. Выдавать им особые сезонные контрамарки для входа.

В годы правления В. И. Пиленко великолепный, лучший на Черноморском побережье курортный зал начинает активно работать. Концертный зал востребован гастролерами и анапской творческой интеллигенцией, занятость его расписывается буквально по часам. Здесь читаются лекции по современному воздухоплаванию, энтомологии, природоведению. В сезоны 1907–1910 гг. дают концерты «свободный художник» Борис Александрович Семенов с певицей Ольгой Михайловной Львовой, студент Александр Михайлович Кишкин, учитель танцев Иван Несторович Меликов, ставят спектакли Владимир Рябинин, Григорий Замула, Григорий Аветьян, Павел Базилевский и др.

О характере В. И. Пиленко свидетельствует один документ. Распорядитель танцевальных вечеров на лето 1907 года, преподаватель учебных заведений г. Ростова и Нахичевани Виктор Аведиков в августе обращается в садово-курортную комиссию с заявлением о сложении своих обязанностей, в связи с тем, что «оркестр не оправдывает своего назначения», и до тех пор, пока город не достанет более «приспособленного» оркестра. На заявлении имеется резолюция городского головы В.И. Пиленко: «Назначить дежурить на вечерах членов комиссии: 3 августа – И. В. Остромысленский, 7 – И. И. Лавров, 10 – В. А. Кравченко, 14 – Н. В. Борисов, 17 – Г. Л. Антокоенко, 24 – С. К. Штейфон, 28 – Д. П. Триполитов, 31 – В. И. Пиленко».

При В. И. Пиленко произведено заново мощение многих городских улиц, устроен бульвар на протяжении всей набережной, в городском саду открыта новая бильярдная, построены эстрада для музыкантов и буфет, установлено много скамеек с навесами от солнца, на песках построены городские купальни, улучшено освещение.

В летние месяцы 1909 года в Анапе начинает выходить ежедневная курортная газета «Анапский листок» под редакцией А. У. Львовича-Кострицы, в которой широко рекламируются здравницы В. А. Будзинского, много объявлений с предложениями различных медицинских услуг известных докторов, освещаются городские события.

Большое внимание городские власти уделяют рекламе курорта. В столичных газетах появляются объявления «Куда поехать летом? Курорт Анапа», заказывается иллюстрированный проспект-путеводитель по курорту, содержание которого обсуждается на заседаниях городской Думы, типографским способом изготавливаются и расклеиваются по городу рекламы городских купален, грязелечебницы, издаются чер-

но-белые и цветные открытки с видами Анапы, красочные планы города.

В. И. Пиленко выступает с несколькими докладами на Всероссийском съезде по улучшению отечественных лечебных местностей, в которых поднимаются самые актуальные вопросы развития отечественных курортов. «Курорты нужны всей России. Западная Европа давно осознала значение здоровья в детском возрасте. В России такое сознание отсутствует. И поэтому тысячи взрослых и детей едут за здоровьем за границу, вывозят русское золото – продукт русского труда и русского здоровья – миллионами рублей. А если бы эти деньги остались в России, на ее курортах?» – с возмущением вопрошал эмоциональный докладчик.

Растет популярность курорта: в 1888 году в Анапе отдохало 1234 человека, пик посещаемости пришелся на 1911 г. – 15480 приезжих, то есть за 20 лет число отдыхающих выросло более чем в 12,5 раза.

«Анапу как курорт создали энергия и предприимчивость людей дотеле чуждых этой местности, отдающих Анапе все свои силы и с честью сумевших привлечь к Анапе, как к курорту, внимание всей России», – констатировал оргкомитет сельскохозяйственной и промышленной выставки Черноморского побережья Кавказа.

В. А. БУДЗИНСКИЙ И ХАРЬКОВ: ФАКТЫ И ГИПОТЕЗЫ

К. В. Русанов, Е. Г. Русанова
Харьковский национальный университет
им. В. Н. Каразина, Украина

Сегодня Владимир Адольфович Будзинский (1865–1923) хорошо известен историкам и медикам Анапы как основатель здешнего курорта. В 1900–1913 гг. д-р Будзинский построил в городе и окрестностях три санатория, оснащенных по последнему слову медицинской науки. Он не только руководил здравницами, привлекая тысячи больных, но и избирался в органы местного самоуправления, был городским головой и на этих постах много сделал для развития Анапы.

Однако во времена СССР имя В. А. Будзинского было почти забыто: после некролога об основателе Анапского курорта за семь десятилетий вспомнили один раз. В постсоветское время интерес к личности талантливого врача и предпринимателя снова актуализировался. О деятельности Владимира Адольфовича в Анапе много пишут. Основателю Анапского курорта ставят памятники, в Интернете нет недостатка в текстах о его жизненном пути.

Известно, что В. А. Будзинский приехал в Анапу из Харькова, где получил медицинское образование и работал врачом. По общему мнению, на кредит именно Харьковского земельного банка (ХЗБ) он приобрел в Анапе участок земли и начал строительство своей

первой здравницы на Высоком берегу (1898–1900). Тем самым харьковский период жизни Владимира Адольфовича завершился и начался анапский. Однако обстоятельства харьковского периода его биографии требуют уточнения.

Из «Алфавитных списков студентов Императорского Харьковского университета» по медицинскому факультету видно, что студент Владимир Будзинский был зачислен осенью 1890 г. на 2-й курс и проучился в Харькове четыре года, получив диплом в 1894 г. Вступая год спустя в члены Харьковского медицинского общества (ХМО), он так охарактеризовал свои студенческие годы (рис. 1).

Curriculum vitae.

Владимир Будзинский, сын губернского секретаря, православного происхождения, родился 13 июля 1865 года, среднее образование получил в Кубанской Войсковой Гимназии, по окончании которой поступил сначала в Киевский университет на естественное отделение физико-математического факультета, откуда перешел на медицинский, который и окончил в 1894 году с званием лекаря с отличием и званием врача.

Во время прохождения медицинского курса работал ассистентом в течение двух лет в физиологической лаборатории В. Я. Данилевского. В 1892 году из той же лаборатории вместе с студентом С. И. Костаниным написал работу, предложенную медицинским факультетом для соискания награды: «Исследования над влиянием мускульной деятельности и механических условий кровообращения на содержание гемоглобина и красных телец в крови»; работа эта факультетом удостоена золотой медали и напечатана в Университетских Записках.

В 1892–1893 гг. участвовал в борьбе с холерной эпидемией. В 1894 г. избран факультетом в число сверхштатных ординаторов госпитальной терапевтической клиники.

Рис. 1. Автобиографическая справка В. А. Будзинского.

Показательно, что молодой врач исключил из curriculum vitae революционные увлечения юности – причину того, что его обучение затянулось почти на 10 лет. В Харькове В. А. Будзинский уже не тратил время попусту и старательно учился медицине – в аудиториях, лабораториях и в «поле». И это старание было замечено.

В члены ХМО его рекомендовал Владимир (до перехода в православие – Антон-Викентий) Константинович Высокович (1854–1912), руководивший холерной экспедицией, упомянутой на рис. 1. Высокович был в Харьковском университете доцентом по кафедре общей патологии и прозектором по кафедре патологической анатомии, где читал два часа в неделю бактериологию и вел практические курсы по просьбе студентов и врачей (вероятно, эти факультативные курсы слушал и Будзинский).

Однако в том же 1895 г. Высокович уехал в Киев на профессорскую должность, и Будзинский лишился его благожелательной поддержки.

Событием факультетского масштаба стала и выполненная в 1892 г. научная работа студентов Костина и Будзинского – она мало чем уступала диссертации на степень доктора медицины. Объемистый труд включал большой обзор литературы, описания использованных авторами приборов и методик измерения показателей крови. Опыты, результаты которых заняли десятки страниц, были проведены на 25 собаках; мускульная деятельность последних возбуждалась электрическим током, и т. д.

Руководитель студентов в январе 1893 г. оценил их сочинение как «прекрасную работу», где «благодаря знанию дела и большой затрате добросовестного труда собран и систематизирован огромный фактический материал». Но в 1894 г. проф. В. Я. Данилевский (1852–1939) оставил на своей кафедре только Сергея Костина, который быстро защитился и уже в 1901 г. был доцентом.

А Будзинскому пришлось довольствоваться местом сверхштатного ординатора госпитальной терапевтической клиники, которой с 1891 г. руководил проф. Федор Мечиславович Опенховский (1856–1914). В первый год работы ординатор опубликовал статью о клиническом случае редкого заболевания, закончившегося смертью пациентки. Однако вскоре В. А. Будзинский покинул кафедру проф. Опенховского.

Причин тому могло быть много, но наиболее вероятно такая: Владимир Адольфович женился, назревало рождение первенца, и надо было искать место более доходное, чем в клинике.

По воспоминаниям современников, дети Будзинского – Анатолий (род. в 1897 г.) и Ольга – родились в Харькове; жена доктора не участвовала в его анапском предприятии и умерла в 1914 г.

Согласно адресным данным ежегодных «Харьковских календарей», врач В. А. Будзинский жил долгое время на Старо-Московской улице в домах, принадлежавших разным владельцам: в 1896–1898 гг. – в доме Кочетовых № 68, затем до 1904 года – в доме Лесвицкого № 72, а в 1905 году адресом его проживания и приема как врача назван дом Енько № 99.

Местом работы доктора до 1906 года Харьков был указан и в ежегодных «Российских медицинских списках». Лишь с 1907 года Будзинский значится в них заведующим частной водолечебницей в Анапе. Таким образом, харьковский период жизни основателя Анапского курорта продлевается на несколько лет.

Вернемся, однако, к середине этого периода. В 1896 году обладатель диплома с отличием и золотой медали за научную работу возглавил... оспенный телятник Харьковского губернского земства, располагавшийся на территории бывшего «богоугодного заведения», а теперь Губернской земской больницы по ул. Конюшенной на окраине Харькова. Долгое время этот телятник, не имея квалифицированного руководства и современного оборудования, производил прививочный материал, низкое качество которого вызывало протесты.

сты медиков и отказы от закупок. Земство, решив, наконец, исправить положение, предложило место заведующего В. А. Будзинскому.

Возглавив телятник, он активно взялся за усовершенствование технологии производства, приобрел стерилизатор и холодильник, организовал строгий контроль над состоянием телят и продукции. Продажи прививочного материала увеличились вдвое, а его качество перестало вызывать нарекания. Но заведующий, не остановившись на этом, «выработал на основании просмотренных планов заграничных и русских телятников и оспопрививательных институтов» и предложил земству проект «оспопрививательного института по последним указаниям науки, с кабинетом для микроскопических, патологоанатомических и химических исследований». В проекте были, заметим, не одни слова, но и чертежи со сметой расходов на строительство.

В. А. Будзинский предложил реорганизовать и все оспопрививательное дело в губернии, показав с привлечением зарубежных данных неэффективность расходования земских средств при нынешней его постановке. Конечно, эти проекты не были реализованы Харьковским губернским земством, но в них уже видны те подходы и стиль, которые доктор с успехом применил в Анапе. А свой Оспенный институт в Харькове он позже все-таки открыл (рис. 2).

Но пока жалованья заведующего (500 руб. в год) не хватало семье, и В. А. Будзинский брался за любую дополнительную работу. С 1897 г. он занимал должность врача Харьковского общества призрения бесприютных малолетних сирот, с 1898 г. – врача Харьковского губернского дворянского общества вспомоществования (для призрения престарелых дворян), занимался частной практикой на дому.

Тогда же Владимир Адольфович включился в работу «Харьковского общества распространения в народе грамотности», председателем правления которого был в 1895–1900 гг. проф. П. Т. Степанов, в 1900–1904 гг. – проф. В. Я. Данилевский, а Будзинский – одним из 700 членов.

Общество, в частности, открывало свои народные школы, при которых работали врачи; для детей устраивались физические игры. В 1897 году для наблюдения за состоянием этих школ и здоровьем лиц, их посещающих, Обществом был учрежден Санитарный комитет, а в 1898 г. открыта первая летняя колония для школьников из бедных семей. Тогда же возникла Комиссия (Комитет) летних колоний (КЛК).

Из ежегодных отчетов Общества видно, что В. А. Будзинский был членом Санитарного комитета с момента его основания и один раз избирался казначеем. Он сразу вошел и в КЛК, где занимался составлением инструкций и отчетов, но и здесь оставался рядовым членом.

В дочерних структурах Харьковского общества распространения грамотности Владимир Адольфович познакомился с супругами – врачами С. И. и А. Г. Лагербек.

Л. И. Баклыков в книге «История курорта Анапа» (г. Краснодар, 1999, с. 37), написав, что в 1903 г. Анастасия Григорьевна Лагербек ездила вместе с В. А. Будзинским в Пятигорск на II Всероссийский съезд деятелей по климатологии, гидрологии и бальнеологии, сожалел об отсутствии сведений о ней.

А. Г. Лагербек родилась в 1858 году, получила звание женщины-врача по женским болезням в 1886 г., практиковала в Гродненской губернии, где служил военным врачом ее муж. С середины 1890-х гг. и до 1917 года супруги жили в Харькове.

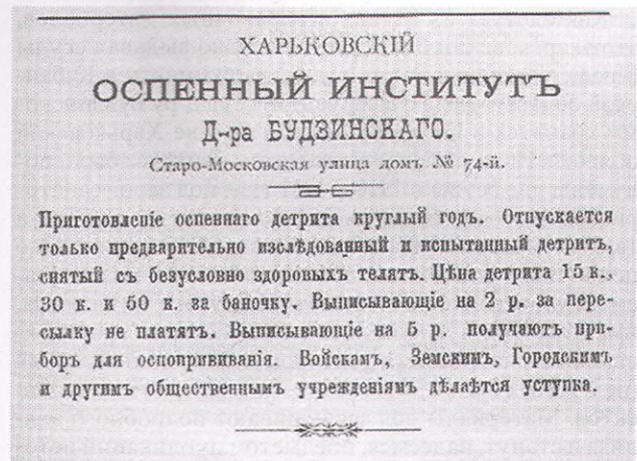

Рис. 2. Реклама из справочника 1901 г.

Большую роль в деятельности КЛК играл учитель немецкого языка Б. А. Краевский. Бронислав Андреевич, работавший в ряде харьковских гимназий, прославился в городе организацией детских гимнастических игр, избирался товарищем председателя Харьковского общества содействия физическому воспитанию детей и попечения о них. Краевский, помимо работ по филологии, имел ряд публикаций по подвижным играм, детской психологии и т. п., некоторые переиздаются и сегодня. Наверняка именно он был главным организатором «детских гимнастических игр» в Анапе в 1899 г., о которых писал Л. И. Баклыков (История курорта Анапа. Краснодар, 1999, с. 27). А его спутник Будзинский научился у Краевского тому стилю руководства коллективами, которым позже восхищались современники.

По мнению некоторых авторов, именно после этого случайного посещения Анапы Будзинский решил навсегда остаться в городе и воплотить в жизнь свою заветную мечту – создать здесь русский курорт. Другие полагают, что причина этого решения была более прозаической: в Анапе жили родители доктора, смерть матери и необходимость ухода за отцом и заставили его бросить работу в Харькове и переехать в Анапу.

Верно, ежегодные «Российские медицинские списки» указывают на то, что в 1900 году уже Будзин-

ский оставил службу в земском оспенном телятнике, открыв частный.

Тогда же он стал членом Харьковского общества ночных дежурств врачей, продолжал работать до 1903 года не только в КЛК, но и в Обществе вспомоществования дворянам, до 1906 г. принимал больных на Старо-Московской, 74, и не только. В общем, доктор имел в Харькове постоянный доход, которого, наверное, недоставало В.А. Будзинскому, чтобы начать на рубеже веков создание курорта. Проверив сведения о получении доктором кредита в ХЗБ, мы пришли к противоположному выводу.

Как следует из Устава и справочных материалов, этот харьковский банк действительно выдавал ссуды (кредиты) под залог земли и недвижимости в Кубанской области. Дела о выдаче ХЗБ ссуд д-ру Будзинскому хранятся в Государственном архиве Харьковской области. Из них следует, что в этом банке им были получены две ссуды в 1910 и 1911 гг. – под залог санаториев на Высоком берегу и Бимлюке, соответственно, а также земельных участков под ними. В делах, помимо подробного описания и денежной оценки закладываемых участков, недвижимости и другого имущества, имеются копии документов о предыстории санаториев – от приобретения доктором земли до получения (не в ХЗБ) ссуд в 1901–1909 гг. под залог этих же объектов. Материалы дел заслуживают подробного анализа и станут, надеемся, предметом публикаций историков. Мы же приведем некоторые факты.

Согласие Собрания городских уполномоченных Анапы на продажу земли В.А. Будзинскому было получено 23.02.1900 г. Первая сделка по продаже доктору четырех плановых участков земли на Высоком берегу под устройство водолечебницы за 251 руб. 25 коп. состоялась 30.04.1900 г. и была утверждена 26 июня 1900 г.

В конце сентября 1900 г. вопрос о разрешении прокладки труб и установки насоса для подачи морской воды в водолечебницу еще только обсуждался городским управлением. Так что торжества по поводу ее открытия 21.07.1900 г. были преждевременными, что и подтверждал очевидец: «Внутренние работы еще не вполне закончены, и водолечебница находится еще в самом зачатии своей деятельности». О фактическом окончании постройки и полном оборудовании водолечебницы, «специальные приспособления которой стоят более 30 тыс. руб.», доктор сообщил Собранию Анапских городских уполномоченных 7.10.1901 г.

Еще два плановых участка, соседних с первым приобретением, отошли Будзинскому за 510 руб. по второй сделке, утвержденной 16.02.1901 г. Последний, седьмой смежный участок был приобретен доктором у города за 300 рублей только 23.02.1906 г.

Итак, деньги, уплаченные Будзинским за первые участки, позволяющие начать строительство, были небольшими (обычное жалование врача за 2–3 месяца). Однако в дальнейшем, согласно материалам д. 351, доктор последовательно занимал под залог этой зем-

ли и санатория на Высоком берегу серьезные суммы у частных лиц: 19.11.1901 г. – 25 тыс. руб. у Н. М. Туроверова, 13.11.1903 г. – 10 тыс. руб. у С. Т. Любарского, 3.11.1904 г. – 20 тыс. руб. у В. Т. Ефимова, 14.12.1906 г. – 5 тыс. руб. у него же, 19.10.1907 г. – 10 тыс. руб. у Н. И. Мицкевича. К помощи ХЗБ В.А. Будзинский прибег, лишь когда пришлось возвращать эти долги – на их уплату пошла почти вся ссуда в 65 тыс. рублей, полученная в 1910 году.

Кроме земли, для строительства нужен был проект водолечебницы. Известно, что ее здание строилось по проекту профессора Харьковского практического технологического института (ХПТИ) Михаила Ивановича Ловцова (1849–1907). Выпускник Петербургского института гражданских инженеров, он с 1875 г. работал в Харькове младшим инженером строительного отделения губернского правления, потом заведующим технической частью Харьковской губернской земской управы.

Уже в 1880-е годы по его проектам был построен ряд зданий. С 1886 года М. И. Ловцов служил архитектором ХПТИ и преподавателем строительного искусства.

Помимо службы, Михаил Иванович активно занимался частной архитектурной практикой, выполняя заказы во многих городах России. В 1893 г. он вместе с архитекторами И. И. и С. И. Загоскиными открыл первое в Харькове проектно-строительное бюро (контору) для выполнения проектов и смет, консультаций и составления обоснований строительства, ведения надзора над ним. Из личного дела М. И. Ловцова видно, как часто он уезжал «по собственной надобности» в разные города России. Но Анапы среди адресов его поездок пока не нашлось, как и здания водолечебницы Будзинского – среди объектов, построенных Ловцовым.

Полный перечень таких объектов, по-видимому, никогда не составлялся, и, характеризуя творчество архитектора, специалисты обычно называют десяток-другой зданий, построенных или отреставрированных им. Так, М. И. Ловцов вошел в историю «выдающимся мастером церковных построек, проектировавшим в формах неорусского, неовизантийского стилей, необарокко», но никак не в мавританском!

Заметим, что водолечебница на Высоком берегу, с ее паровой машиной, электростанцией, насосами, подающими морскую воду на большую высоту, была по типу ближе к фабрике, чем к церкви. А сложный рельеф с подземными пустотами, оставшимися от турецкой крепости, требовал от архитектора геологического исследования подлежащих грунтов и постоянного надзора за строительством.

Но как Будзинский познакомился в Харькове с Ловцовым и приехал ли архитектор в Анапу? Ответить на эти вопросы пока можно только гипотетически. Так, одним из руководителей Общества призрения бесприютных малолетних сирот, где работал Будзинский, был член Харьковской губернской земской управы Л. Д. Лесевицкий. В 1900 г. Леонид Дмитриевич иници-

ировал постройку нового храма Александра Невского по проекту М. И. Ловцова, на Конюшенной улице, недалеко от земского телятника. Не исключено, что этот проект и свел врача, жившего в доме, принадлежащем одному из Лесевичких, с архитектором.

Доказательств поездок Ловцова в Анапу в его личном деле нет. Но есть такой документ: «Свидетельство. Дано мною настоящее жене моей Софии Ивановне Ловцовой с девятилетним сыном Сергеем на проезд и свободное проживание на Кавказе с 15 мая 1900 по 15 мая 1901 г.». Местом лечения Сергея могла стать Анапа – детский курорт, а архитектор – получить уважительный повод ездить к семье.

В последний год жизни М. И. Ловцов, вышедший в отставку по тяжелой болезни (порок сердца), несколько месяцев лечился в Анапе – скорее всего, у д-ра Будзинского. В рапорте на имя директора ХПТИ Михаил Иванович жалуется, что ему приходится получать пенсию из Харьковского губернского казначейства через почтовые переводы на г. Анапу, где он живет, поскольку в этом городе с 12 тыс. населением еще не открыто казначейство. Рапорт датирован 20.04.1907 г. и подписан: г. Анапа Кубанской области, ул. Лечебная, д. № 4. Правда, деньги архитектор получал почему-то через Анапское полицейское управление – например, 18 июня 1907 г.

Скончался М. И. Ловцов в Ялте 2.12.1907 г., похоронен в Харькове. В советское время этот строитель церковей оставался вне поля зрения историков, лишь в последние два десятилетия интерес к личности Ловцова снова возродился. В этом смысле в посмертных судьбах двух создателей первого анапского санатория общего.

Чтобы возвести водолечебницу на Высоком берегу и извлекать из нее прибыль, В.А. Будзинскому следовало хорошо разбираться в бальнеологии и физиотерапии, в богатом техническом арсенале средств последних, а также иметь определенный навык ведения медицинского бизнеса. Ведь трудно поверить в то, что успех анапскому предприятию Владимира Адольфовича принесло одно только горячее желание создать здесь русский курорт – надобно было и немалое умение.

Некоторые теоретические познания на сей счет В.А. Будзинский получил в университете – курс бальнеологии с учением о минеральных водах читался на кафедре фармакологии, а при кафедре нервных и душевных болезней имелось Маньковское электролечебное заведение, где студенты знакомились с основами физиотерапии. Но от поверхностного знакомства до умения правильно выбрать и закупить дорогостоящее импортное оборудование, работать на нем, обеспечивать профилактику и, при необходимости, ремонт – дистанция огромного размера.

По нашему мнению, всему этому В. А. Будзинский научился в Харькове. Да, здесь не было моря и южного климата Анапы. Но рядом функционировали Славянские и Березовские источники минеральных вод и

грязей. На рубеже веков в Харькове работало более десятка частных лечебниц, имевших двух- и трехэтажные стационары, сады с фонтанами, оборудованных импортной медицинской техникой и спрофилированных на лечение определенных групп болезней – внутренних, нервных, женских, скелетно-мышечной системы. Здесь Владимир Адольфович мог увидеть в работе все то, чем потом оснастил свои здравницы. В Харькове он мог заказать такое оборудование у агентов западных фирм-производителей, обеспечивавших монтаж, наладку и сервисное обслуживание, и у российских фирм-посредников.

К этому следует добавить, что к 1901 году сам Владимир Адольфович являлся совладельцем такой лечебницы, по тем временам довольно крупной (рис. 3).

Психіатрическая лѣчебница докторовъ Трутовскаго, Будзинскаго и Ряснянскаго.

(Черноглазовская ул., д. № 7. Телефонъ 925).

Въ лѣчебницу принимаются душевно-больные, нервные и эпилептики. Лечебница учреждена на 50 кроватей съ платой за содержание, врачебный уходъ и лѣчение отъ 75 руб. въ мѣсяць. Завѣдывающій лѣчебницей докторъ медицины Яковъ Яковлевичъ Трутовскій.

Рис. 3. Реклама из харьковского медицинского справочника за 1901 г.

Одно время она называлась «Частный институт физических методов лечения». В арсенале ее средств значились «водолечение и электрические ванны, приспособления для светолечения, дарсонвализации и рентгенотерапии, вибрационный и ручной массаж», даже «радиоэманатоз». Здесь В. А. Будзинский и освоил на практике методы бальнеологии и физиотерапии, а также основы оптимального управления и финансирования крупного лечебного заведения.

Трутовский, шеф лечебницы на ул. Черноглазовской (ныне Маршала Бажанова), будучи двумя годами младше своего компаньона, в молодости не тратил времени зря и окончил с отличием ту же кафедру нервных и душевных болезней, что и Будзинский, на три года раньше последнего. В 1897 г. Трутовский защитил диссертацию по электрофизиологии, как и Костин, а к 1901 г. тоже был доцентом. Однако затем Будзинский, далеко превзойдя своего учителя, убедительно реваншировался на поприще медицинского бизнеса, где стал настоящим профессором своего дела.

Зададимся теперь вопросом: как обозначилось в Харькове основание В. А. Будзинским курорта в Анапе? Прямо скажем – очень немногим.

Начиная с 1900 г., Будзинский издал в харьковских типографиях несколько брошюр-проспектов, рекламирующих как водолечебницу на Высоком берегу, так и перспективы Анапы в качестве климатического, мор-

ского и бальнеологического курорта. Но эти брошюры ушли в другие города – сегодня их нет в харьковских библиотеках.

В 1902 году доктор сделал доклад о природной лечебной среде Анапы в Харьковском отделении Русского общества охранения народного здоровья. Летом того же года в Харькове проводился XII Всероссийский археологический съезд. На заседании оргкомитета 28 января Будзинский в качестве своего вклада в эту науку передал фотографии с памятников древности, находящихся в Анапе.

Вероятно, последним фактом в этом ряду был выход в свет брошюры, книгой ее назвать трудно ввиду малого объема, написанной приват-доцентом и прозектором кафедры физиологии Императорского Харьковского университета И. А. Чуевским, летом 1904 г. Он несколько раз посетил Семигорские минеральные источники со специальной целью: на месте ознакомиться с ними и возможностью их эксплуатации.

В брошюре была подробно изложена недолгая предыстория источников и вклад в нее д-ра Будзинского, а также результаты трех химических анализов воды, два из которых проводились в Харькове – в фармацевтической лаборатории Харьковского университета (декабрь 1902 г., проф. А. Д. Чириков) и в технической лаборатории минеральных веществ ХПТИ (ноябрь 1903 г., проф. В. А. Гемилиан).

Рис. 4. Физиолог И. А. Чуевский (1858–1926).

Конечно, данным почтенных профессоров можно было доверять, однако убежденность автора брошюры в блестящем будущем Семигорских источников и его рекомендации назначать воду источника св. Владимира при тех же заболеваниях, при которых назначаются обычно эссендукские воды № 6 и № 17, были основаны, по его собственному признанию, исключительно на теоретических соображениях, вытекающих из химического состава. Говоря проще, эти рекомендации не были проверены на больных в харьковских клиниках.

Не случилось этого и позже. Такое отношение резко

контрастировало с тем большим вниманием, которое ученые Харьковского университета уделяли исследованию состава и клинических эффектов вод и грязей Славянских источников, а затем, ближе к концу XIX в. – и источников Кавказа: Боржома, Эссендуков и др.

Профессорами Д. К. Родзаевским (фармакологом) и особенно И. П. Скворцовым (гигиенистом) были написаны десятки статей о курортах Кавказских минеральных вод. Сменивший Родзаевского в 1895 г. проф. С. А. Попов до этого около 10 лет проработал старшим врачом КМВ. При Попове на кафедре стали выполнять диссертационные работы на местном материале: «К вопросу о физиологическом действии Кавказских минеральных вод Эссендукской группы № 18 и 20», или Боржомской минеральной воды Екатерининского источника, «Влияние минеральной воды Эссендуки № 4 на секрецию пищеварительных желез» (вариант – на газообмен) и т. п.

Но вода Семигорья была в Харькове полностью проигнорирована. Доцент И. А. Чуевский (рис. 4), выступивший в ее защиту, еще не был тем авторитетом, которым стал позже. К тому же современники-харьковчане знали, что Владимир Адольфович был земляком-кубанцем и давним знакомым Ивана Афанасьевича. После смерти Будзинский и Чуевский попали в 3-й том («Восьмидесятые годы») библиографического словаря «Деятели революционного движения в России», но статью о первом успели опубликовать в 1933 году, а о втором – нет.

Чуевский, выходец из духовного звания, родился в 1858 г. в станице Кавказской (Будзинский – в Зассовской), окончил Ставропольское духовное училище и Кавказскую духовную семинарию. Он начинал учиться (1879 г.) на естественном отделении Новороссийского университета в Одессе, но в итоге окончил с отличием медицинский факультет в Киеве в 1885 г. как раз тогда, когда туда приехал Будзинский – так их судьбы пересеклись в первый раз. В Харькове они оба приехали в 1890 г.: один – доучиваться, второй – делать диссертацию в лаборатории В. Я. Данилевского. В 1892 г., когда Будзинский и Костин приобщались здесь к науке, им наверняка помогал в работе Чуевский, только что ставший доктором медицины. А в 1894 г., когда Владимир Адольфович окончил курс с отличием, Ивана Афанасьевича произвели в доценты, и земляки-кубанцы наверняка вместе отпраздновали этот успех.

Но в итоге И. А. Чуевский тоже не прижился в Харькове – в 1907 г. он навсегда покинул этот город, с его мелочными интригами и субординацией, корпоративной моралью и душной теснотой университетского мирка. По-настоящему развернулся Иван Афанасьевич только в Саратове, где стал профессором, деканом факультета и т. д.

Этим же временем – 1906–1907 гг. – можно датировать прекращение связей с Харьковом и В. А. Будзинского. Его имя надолго перестает упоминаться в ежегодных адресных справочниках «Весь Харьков». Вскоре после этого по адресам на нечетной стороне

Старо-Московской улицы начинает появляться в качестве самостоятельного лица Лидия Гавриловна Будзинская – по-видимому, жена Владимира Адольфовича.

Тогда же или немного раньше дети Будзинских начинают регулярно приезжать в Анапу с харьковской сестрой милосердия М. К. Седлецкой.

Мария Кирилловна, работавшая с Будзинским по крайней мере до 1920 г., оказалась, пожалуй, самой стойкой из нескольких представителей харьковской медицины, последовавших за доктором в Анапу – кто на год-другой, кто редкими наездами. Парадоксально, но Анапский курорт чаще получал поддержку публикациями и кадрами от петербургских профессоров, тогда как в Харькове его словно не замечали.

Однако в Анапе городское сообщество относились к деятельности В. А. Будзинского примерно так же, как харьковская медицинская элита.

Но ниточка, связывающая его со «столицей Юга России», оставалась необорванной до 1914 г., когда адресный справочник «Весь Харьков» в последний раз назвал В.А. Будзинского жителем этого города – врачом по нервным и внутренним болезням: его адрес: ул. Старо-Московская, 69, с припиской «Зимой в Анапе». Вероятно, этот последний приезд доктора был связан с болезнью и смертью его жены – с 1915 г. тот же справочник больше не упоминал Лидию Гавриловну Будзинскую. Как, впрочем, и Владимира Адольфовича.

Такой жизнь основателя Анапского курорта видится в свете данных архива и библиотек сегодняшнего Харькова. Авторы настоящей работы, предпринятой ими по предложению анапского историка З. Е. Харалдиной, сознают, что часть изложенного материала не совпадает с устоявшимися представлениями на этот счет. Все же они надеются, что приведенные в работе факты и высказанные гипотезы помогут краеведам и курортологам Анапы уточнить биографию одного из отцов прославленного города-курорта – жемчужины российского Черноморья.

О ПРЕБЫВАНИИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В АНАПЕ

Е. В. Хмара

Уже несколько десятилетий продолжается спор: был ли М. Ю. Лермонтов в Анапе, если да, то сколько раз? Еще в конце XIX века писательница Е. И. Зарина-Новикова, чей отец плац-майор Новиков служил в Анапе в 30-е годы, вспоминала о пребывании Лермонтова в Анапе. Сама писательница не была свидетельницей этого события, поэтому ее свидетельство нельзя принимать за реальность. Она была уверена, что в 1825 году в Анапу, где ее отец служил помощником коменданта крепости, приезжал Лермонтов вместе с бабушкой и несколько дней гостил в семействе Новиковых. Но это была только легенда. Анапа вошла в со-

став Российской империи только в 1829 году, поэтому ни Новиковы, ни Лермонтов с бабушкой не могли находиться в это время в Анапе.

Второй спорный момент, связанный с пребыванием М. Ю. Лермонтова в Анапе, относится к 1837 году. На нем следует остановиться подробнее. В феврале 1837 года за стихи, написанные на смерть А. С. Пушкина, корнет лейб-гвардии гусарского полка Михаил Лермонтов был сослан на Кавказ в Нижегородский драгунский полк. Дорогой Лермонтов заболел и сразу попал в Ставропольский военный госпиталь, но для продолжения лечения его вскоре переводят в Пятигорский госпиталь. 18 июля отправляет из Пятигорска бабушке письмо: «Эскадрон нашего полка, к которому барон Розен велел меня причислить, будет находиться в Анапе при встрече Государя, тут же, где отряд Вельяминова, и, следовательно, я с вод не поеду в Грузию».

Однако при чем здесь Анапа? Нижегородский драгунский полк дислоцируется в Грузии, и Лермонтов должен сначала явиться в штаб полка и только затем, если будет приказ по полку, отправится в Анапу. Однако происходит иное. Его родственники и друзья понимают, что ссылка в Нижегородский полк может продлиться много лет. Михаил Юрьевич мог вернуться в Санкт-Петербург, только отличившись в боевых действиях, а затем переведясь в гвардию. Но полк в военных действиях не участвовал. Ослушаться распоряжения императора Николая I и перевести корнета Лермонтова в другой действующий полк никто не решился. Однако лазейка была найдена.

Ходатаи обращаются к В.Д. Вольховскому. Это друг семьи Лермонтова и начальник штаба Кавказского корпуса. В отсутствие командующего Вольховский мог самостоятельно принимать решения и отдавать приказы. Он пользуется тем, что командующим корпусом и одновременно экспедиционным отрядом на Западном Кавказе является А.А. Вельяминов, эскадрон Нижегородского драгунского полка входит в состав отряда, направляет в состав отряда Лермонтова. Участие в стычках с горцами давало прекрасный шанс корнету отличиться. И еще одна возможность вернуться в столицу. В сентябре отряд должен был встречать в Геленджике императора Николая I. Хорошая аттестация Вельяминовым Лермонтова также давала шанс перевода в гвардию.

Однако в эти планы вмешивается болезнь Михаила Юрьевича. Выехать в отряд он смог только в сентябре. Из Ставрополя дорога проходила по Кубанской линии: Прочный Окоп, Усть-Лабинское укрепление, Екатеринодар, Ивановская, Тамань, Анапа. Из Анапы морем переправлялись в Геленджик. 26 сентября 1837 года поэт прибыл в приморский городок Тамань. Там он ожидает формирования окаязии, то есть группы людей, под охраной конвой отправляющихся в Анапу. Прошло несколько дней. В Таманскую бухту прибывает транспорт «Буг». Приходит известие, что отряд Вельяминова 25 сентября, за день до приезда Лермон-

това в Тамань, начал движение к Ольгинскому укреплению и далее по правобережью Кубани на зимние квартиры. Поэт должен возвращаться назад. В журнале исходящих бумаг штаба войск на Кавказской линии и в Черномории была сделана следующая запись: «Октября 22, № 4636. Предписание в комиссию Ставропольского комиссариатского депо от начальника штаба. Просить об отпуске прогонных денег Нижегородского драгунского полка прапорщику Лермонтову от Пятигорска до Тамани и обратно до Ставрополя». Так Михаил Юрьевич не попал в Анапу.

Теперь из 1837 года перенесемся в 1840 год. 18 февраля под Петербургом произошла дуэль Лермонтова с де Барантом, за что поэт был вторично сослан на Кубань в Тенгинский пехотный полк. Но туда не попадает.

10 июня 1840 г. Лермонтов снова в Ставрополе. Приехав, Лермонтов добывается прикомандирования в экспедиционный отряд в Малую Чечню, которым командовал генерал-лейтенант А.В. Галафеев. 18 июня он выезжает в крепость Грозную. В течение всего лета и осени, вплоть до 20 ноября, поручик находился в экспедиции, лишь на незначительное время приезжал в Ставрополь и Пятигорск.

Лишь 30 октября 1840 года командир Тенгинского полка подполковник Выласков узнает о местопребывании Лермонтова. 14 октября он получает требование начальника штаба войск Кавказской линии флигель-адъютанта полковника Траскина представить формулярный список о службе поручика Лермонтова в Тенгинском полку для награждения последнего. Из этого документа командир полка узнает, что он находится в отряде генерал-лейтенанта А.В. Галафеева. Генерал-лейтенант пытается с помощью поощрений перевести Лермонтова в гвардию и вернуть в Центральную Россию. Но на сей раз император отказал в переводе.

В декабре поэт едет в свой полк. В конце месяца он опять в Тамани. «Я жил тогда в Фанагорийской крепости в Черномории, – пишет Лорер в своих записках «Мое первое знакомство с Лермонтовым». – В одно утро явился ко мне молодой человек в сюртуке нашего Тенгинского полка и рекомендовался поручиком Лермонтовым, переведенным из лейб-гусарского полка.

Он привез мне из Петербурга от племянницы моей Александры Осиповны Смирновой письмо и книгу «Imitation de Jesus Christ» в прекрасном переплете. Я тогда еще ничего не знал про Лермонтова, да и он в то время не печатал, кажется, ничего замечательного, и «Герой нашего времени», и другие его сочинения вышли позже!»

Но каким образом поэт оказался в Тамани? Еще в конце июля 1840 года в станицу Ивановскую прибыли маршевые батальоны 6-го пехотного корпуса на укомплектование людьми. Места в станице для всех не хватало. Было принято решение штаб-квартиру полка и 4-го батальона переместить в крепость Анапу. В Ивановской остались лишь мастеровые и инвалидные роты, часть полковых лошадей, обоз, цейхгаузы. Путь Лермонтова лежал в крепость Анапу, проехать куда

можно было только через Тамань. Исследователь жизни и творчества Лермонтова В.А. Захаров считает, что это произошло до 24 декабря. В этот день Лорер выехал в Керчь, а Лермонтов – в Анапу.

Небезопасной была обстановка на левом берегу Кубани. Осенью 1840 года декабрист Лорер и доктор Николай Васильевич Майер (именно он стал прототипом доктора Вернера в романе «Герой нашего времени») выехали из Тамани в крепость Анапу. Переночевав в казачьем посту на Кубани, рано утром по барабанному бою собрались у квартиры начальника казачьей «Караван наш был велик и разнообразен. Крестьяне-поселенцы с женами, с детьми, отправляющиеся в Анапу за покупками, татары, мирные черкесы – все это составляло мирную толпу под прикрытием 150 рядовых и 30 казаков. Мы выступили, соблюдая обычный порядок, и продвигались медленно.

На Кавказе нельзя никому отставать, выдвигаться в сторону, и предосторожности строго соблюдаются. Чуть сломалось что-нибудь у кого бы то ни было, весь караван останавливается и движется не прежде, как все приведено в порядок. Правый фланг нашего небольшого подвижного отряда упирался в море, левый шел по наибольшему песчаным возвышенностям, из-за которых стали показываться горцы, сначала конные, а потом и пешие, и наблюдалось их несколько десятков.

Я шутил над доктором Майером, предрекая ему неизбежный плен, но на всякий случай мы намеревались его экипаж в крепость и не дешево продать свою свободу. К большой радости нашей мы достигли каменной передовой башни, устроенной для сигналов. На верхней платформе стоит постоянно заряженная пушка и 6 казаков зорко следят за окрестностью. Незавидное местечко, не желал бы я там жить. От башни открылись нам турецкий минарет и Анапа – цель нашего путешествия». По этому же пути проехал и Лермонтов. Историк Тенгинского полка Д.В. Ракович в своей книге «Тенгинский полк на Кавказе» сообщил, что Лермонтов 31 декабря 1840 года «приказом по полку за № 365 был зачислен налицо». Но пробыл в Анапе он только несколько дней.

«Анапа имеет вид богатой малороссийской деревни; дома большею частью мазанки, покрыты камышом; улиц почти нет, и жилья разбросаны по азиатскому образцу, там и сям. Дом турецкого коменданта сильно пострадал от нашего флота во время осады и теперь пуст. Жители отправляются с конвоем брать воду в речке Анапа, в расстоянии двух верст от крепости. Крепостные лошади пасутся за крепостью под прикрытием пушки», – писал в те годы один из путешественников. В настоящее время по Анапе гуляет легенда о том, что Лермонтов любил гулять в районе Сукко. Но это только легенда. Вот цитата из донесения начальника Черноморской береговой линии генерал-лейтенанта Будберга от 30 июля 1846 года:

«9-го июля, возвращаясь ввечеру из кр. Анапы в станицу Николаевскую, Черноморского линейного № 1-го батальона Штабс-капитан Сакович, отстав от конвой-

ных, был атакован тремя хищниками, ограблен и изранен пятью ударами шашками и одним кинжалом». Из этой цитаты видно, что передвижение вне крепости без конвоя было невозможно.

Но пребывание в Анапе было всего несколько дней. 11 декабря 1840 года военный министр А. И. Чернышев отношением за № 10415 сообщил командиру отдельного Кавказского корпуса о том, что «Государь Император, по всеподданнейшей просьбе г-жи Арсеньевой, бабки поручика Тенгинского пехотного полка Лермонтова, высочайше повелеть соизволил: офицера сего ежели по службе усердие и в нравственного одобрительн, уволить к ней в отпуск в С.-Петербург сроком на два месяца».

Подобные новости на Кавказе распространялись очень быстро. Официальный приказ еще двигался по кубанским дорогам в штаб полка, а Михаил Юрьевич едет в обратном направлении – в Ставрополь. Там 14 января он получает отпускной билет, а через две недели – уже в Москве.

Всего несколько дней в крепости Анапа. Но его имя не забыто. В современном городе есть улица, названная именем поэта, неистребимы легенды о его прогулках в окрестностях крепости.

В конце статьи – несколько слов о штабе Тенгинского полка. Новый командир полка Семен Ильич Хлюпин выяснил, что новая дислокация полка очень неудобна для руководства. Роты разбросаны по укреплению Черноморской береговой линии, штаб находится в Анапе. Бумаги и все распоряжения отправлялись из канцелярии через Тамань в Керчь, в дежурство Черноморской береговой линии, а оттуда при оказии, которые были редки, рассылались уже по укреплениям. В зимнее же время, до открытия навигации, сношения частей полка между собой совершенно прерывались. Снабжение продовольствием, сеном для лошадей затруднено из-за постоянных стычек с горами, ведущихся за пределами крепости. Хлюпин добился своего, и в мае 1841 года штаб возвращается в станицу Ивановскую.

В заключение хочется выразить благодарность лермонтоведу Владимиру Александровичу Захарову, много лет изучающему материалы о пребывании Лермонтова на Кубани и в Закубанье. В этой статье использовались его исследования.

АНАПСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ПО УЛУЧШЕНИЮ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛЕЧЕБНЫХ МЕСТНОСТЕЙ

В. А. Константинов

С 7 по 11 января 1915 г. в Петрограде состоялся Всероссийский съезд по улучшению отечественных лечебных местностей. Проходил он в залах Таврического дворца, где размещалась Государственная Дума. На

открытие съезда прибыли и. о. Председателя Государственного Совета И. Я. Голубев, Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко с супругой, Государственный Контролер П. А. Харитонов, Обер-Прокурор Святейшего Синода В. А. Саблер, Министр Торговли и Промышленности С. И. Тимашев, Министр Путей Сообщения С. В. Рухлов и другие высокие и почетные гости и члены, а также делегаты съезда в количестве около 800 человек.

Столь представительному форуму предшествовали два других съезда деятелей климатологии, гидрологии и бальнеологии, проходивших в Петрограде в 1898 г. и в Пятигорске в 1903 г. Они дали существенный импульс в развитии будущих отечественных курортов, обозначив перед российской общественностью значимость наличия превосходных лечебных качеств целого ряда местностей, не решив, однако, своей главной задачи – привлечения к ним внимания жителей империи, предпочитавших, как и прежде, европейские курорты. Ситуация сложилась, как отметил на съезде его председатель академик Г. Е. Рейн, таким образом, что «избега русских лечебных местностей из-за их неблагоустройства, русские люди не вливали в них средств на необходимые улучшения. Не было улучшений – не было притока больных; не было больных – не могло быть улучшений» (Труды съезда по улучшению отечественных лечебных местностей. Вып. 3. Петроград, 1915, с. V–VI).

Следующим важным шагом в развитии лечебных местностей стало высочайшее утверждение прошедшего через Государственную Думу и Государственный Совет закона «О санитарной и горной охране лечебных местностей». Для введения его в действие предусматривался 2-летний срок.

Положение стало меняться с началом Первой мировой войны, лишившей возможности посещения европейских курортов. Кроме того, с фронтов войны стали поступать многочисленные раненые, которым после госпиталей необходимы были санаторные курсы оздоровления. Понимание необходимости развития отечественной лечебной климатической базы в России, изобилующей минеральными источниками, месторождениями лечебных грязей, морскими пляжами и другими объектами климатолечения, стало заметно ощущаться у различных слоев общества. Отражением этого и стали инициативы властей, гражданских и военных медицинских учреждений, ученых и других заинтересованных кругов по проведению съезда в Петрограде.

Важным шагом стало создание в столице Всероссийского Общества для усовершенствования и развития русских лечебных местностей (почетный председатель – Главноуправляющий Землеустройством и Земледелием А. В. Кривошеин, председатель – барон Н. В. Остен-Дризен), осуществившего огромную практическую работу по организации этого съезда. Отметим, что в Анапский отделение этого Общества входили В. А. Будзинский (председатель), А. С. Добровольский,

С. Д. Добровольская, Л. В. Пиленко (секретарь), В. И. Пиленко, М. К. Седлецкая, А. И. Пезе-де-Корваль, В. К. Несмелов, М. О. Поночевный, Г. М. Назарова (Баклыков Л. И. История курорта Анапа. Краснодар, 1999, с. 125).

В своем вступительном слове на открытии съезда председатель академик Г. Е. Рейн обозначил его основные задачи: «1) обеспечение лечебных местностей лечебными средствами, 2) санитарное упорядочение их, 3) поднятие их благоустройства, 4) популяризация их среди врачей и клиентов и 5) развитие удобных путей сообщения с лечебными местностями» (Труды съезда..., вып. 3, с. IX). В связи с насыщенной повесткой, в которой было заявлено около 200 докладов, бюро съезда образовало пять следующих отделов: отдел I – санитарный и благоустройства, отдел II – климатологии и климатотерапии, отдел III – бальнео- и гидротерапии, отдел IV – кумысолечения и диетотерапии, отдел V – о призрении раненых и больных.

Молодой курорт Анапа был представлен на съезде делегацией из шести человек. Так, городским общественным управлением были направлены в Петроград городской голова Евгений Александрович Прокопович, гласные Городской думы Владимир Илларионович Пиленко и доктор Виктор Петрович Семенов, а также граф Таризл Михайлович Лорис-Меликов. Акционерное общество «Курорты Анапа и Семигорье» представляли председатель Владимир Адольфович Будзинский и директор Александр Степанович Добровольский. Анапские делегаты прибыли на съезд с рабочим настроением: с докладами выступили В. И. Пиленко (дважды), Е. А. Прокопович и, конечно, В. А. Будзинский. В актив представителей Анапы можно причислить и ряд высказанных в ходе обсуждений докладов существенных предложений по усовершенствованию молодого курорта.

Первый доклад В. И. Пиленко был посвящен проблематике управления лечебными местностями. Закон «О санитарной и горной охране лечебных местностей» предполагал поэтапную передачу курортных мест в ведение местных земских и городских управлений, и у такой формы управления курортами было немало сторонников. Зная положение дел на местах как никто другой, Владимир Илларионович высказал свои опасения, что городские управления в силу малых возможностей своих бюджетов, а также малой компетентности не смогут эффективно управлять лечебными учреждениями. Далее докладчик заметил, что нужды курортных местностей, в чьей оздоровительной деятельности должно быть заинтересовано правительство, настоятельно требуют увеличения субсидий и льготного кредитования, направленных на улучшение благоустройства курортов.

Второй доклад В. И. Пиленко «Курорт Анапа и ее окрестности» был посвящен характеристике Анапы как города и как лечебного места. Подробно описав ее социально-экономическое положение, природные условия, имеющиеся лечебные учреждения, докладчик перечислил перечень необходимых городских

улучшений, касающихся благоустройства, водоснабжения, электрификации, транспортного сообщения и т. д., назвав предполагаемую сумму, необходимую для превращения «захолустного городка в первоклассный курорт», – 1,5 млн. рублей. Он также высоко оценил и поддержал санаторно-курортную деятельность доктора В. А. Будзинского, достаточно зарекомендовавшего себя за 15 лет своей работы в Анапе (Труды съезда..., вып. 1, с. 30–31).

Вечером 9 января на 3-м заседании III отдела с докладом «Анапа и ее окрестности», близким по содержанию предыдущему, выступил В. А. Будзинский. Однако здесь характеристику Анапе и ее природно-климатическим условиям давал врач-практик, уже немало потрудившийся на ниве санаторно-курортного лечения, что вызвало большой интерес присутствующих к докладу. Положения доклада В. А. Будзинского тесно перекликаются с содержанием его статей, которые немало освещались в краеведческой литературе, поэтому считаем более важным акцентировать внимание читателя на ходе его обсуждения.

Итак, в прениях первым взял слово доктор А. К. Шенк. Он представился перед присутствующими заведующим единственным в своем роде на Юге России ортопедическим институтом д-ра Будзинского в Анапе, специально оборудованным для этой цели и имеющим необходимый штат специалистов-ортопедов, во главе с консультантом института профессором Г. И. Турнером, которые направляются на летний сезон вот уже пять лет из Петрограда в Анапу. Далее А. К. Шенк отметил, что в ортопедическом институте в сочетании с прекрасными целебными климатическими факторами при интенсивном применении гелиотерапии и лечения грязями, морскими и прочими ваннами получило полное излечение до 85% лиц с костным туберкулезом, среди которых большинство имело тяжелые формы, не поддававшиеся ранее излечению.

Из комплекса потребностей Анапы, обозначенных докладчиком, А. К. Шенк выделил главными и требующими решения в первую очередь следующие: строительство железнодорожного пути, обещанное железнодорожным департаментом, осушение плавней и проведение водопровода. Он отметил также, что решение этих проблем позволит курорту развиваться гигантскими шагами. Доктор А. К. Шенк подчеркнул далее важность настоящего момента, когда появляется значительное количество раненых калек, нуждающихся в специальной ортопедической помощи, и посылную помощь им при соответствующей поддержке правительства мог бы оказать уже зарекомендовавший себя курорт Анапа.

Следующим взял слово известный московский врач А. А. Кисель, отметивший, что анапский Золотой пляж является единственным чисто песчаным пляжем на всем Кавказском побережье, а поэтому весьма пригодным даже для очень маленьких детей, не уступающим по своим природным качествам даже пляжам Остенде и Лидо.

Далее в прениях выступил профессор А. Н. Шкарин, также отметивший исключительные достоинства анапского пляжа, являвшего собой превосходный детский курорт, по своим природным условиям схожего с известными западными пляжами типа Berk-Plage и др., а следовательно, заслуживающего самого пристального внимания к себе. Он отметил также необходимость осушения низких мест за пляжем, где во время весеннего разлива скапливается вода, на что обратили свое внимание выступавшие с докладами на съезде В. И. Пиленко и В. А. Будзинский.

Доктор А. К. Трилесский, продолживший прения по докладу, также обратил внимание участников заседания на необходимость увеличения зеленых насаждений в Анапе и осушения прилегающих плавней.

Завершил прения приват-доцент В. Ф. Сигрист, особо подчеркнувший наличие близости от Анапы Семигорского источника, крайне интересного по своему составу солено-щелочности с громадным содержанием йода – 0,02 мг/г., большим, чем во всех других щелочных источниках России. Далее он сообщил, что рядом с источником, находящимся в здоровой гористой местности, имеется хорошая санатория с 30 комнатами. В. Ф. Сигрист заметил также, что Анапа по своим климатическим условиям является в летнее время лучшим в России местом для лечения хронических нефритов («Труды съезда...», вып. 3, с. CLII–CLIV).

На пятом общем собрании съезда 10 января прозвучали доклады о лечебных местностях Кавказского побережья Черного моря. В этот день среди выступавших был и Евгений Александрович Прокопович. В его докладе «Город Анапа как лечебная местность» содержались краткий обзор города, описание лечебных факторов местности, перечисление проблем, стоящих перед органами городского управления в благоустройстве молодого курорта и др. («Труды съезда...», вып. 1, с. 34–38).

В прениях по докладу выступили В. А. Будзинский, еще раз отметивший уникальность лечебных факторов Анапы, конкретизировавший острые насущные проблемы курорта и наметивший пути их решения, и А. С. Добровольский, обративший внимание на не отвечающее его потребностям пароходное сообщение (недостаток рейсов, перегруженность пароходов, прибытие на рейд ночью и т. д.). На шестом общем собрании, состоявшемся поздним вечером того же дня, А. С. Добровольский выступил в прениях по докладам, относящимся к проблемам развития железнодорожного сообщения в лечебных местностях. Заметим, что этот активный представитель анапской делегации выступил в обсуждении вопросов финансирования лечебных мест и 8 января на третьем общем собрании съезда.

Среди других докладов пятого общего собрания вызывает интерес выступление секретаря Общества изучения Черноморского побережья Н. И. Воробьева «Черноморское побережье Кавказа как ряд лечебных местностей и его нужды», где докладчик среди первоочередных задач, стоящих перед черноморскими

курортами, отмечает следующие: 1) изучение Черноморского побережья в курортном отношении; 2) уничтожение болот и осушение почвы; 3) улучшение путей сообщения; 4) введение земского положения в губерниях и областях, составляющих Черноморское побережье; 5) введение городского положения в тех местах, где оно отсутствует; 6) для усиления дачевладения в курортах и вблизи их необходимо скорейшее земельное устройство на побережье (укрепление прав собственности); 7) для улучшения положения курортов необходимо скорейшее заселение побережья; 8) устройство на побережье охраны (усиление органов полицейского надзора); 9) организация дешевого и легкого кредита местностям, имеющим курортное значение, и отдельным владельцам; 10) Черноморское побережье от Анапы до Батуми находится в ведении нескольких высших установлений (министерств и наместничества) и нескольких различных по характеру гражданских и военных местных учреждений, поэтому необходимо устранение их разобщенности (Труды съезда..., вып. 3, с. LXXI–LXXIII). Отметим, что проблематика, затронутая в этом докладе, была актуальной и для Анапы. По итогам пятого общего собрания делегаты съезда приняли постановление и высказали пожелания, содержащие целый комплекс мероприятий, направленных на улучшение лечебных мест Черноморского побережья. Заметим также, что основные положения доклада Н. И. Воробьева легли в основу итоговых решений съезда.

С интересом был заслушан доклад горного инженера М. В. Сергеева «Железнодорожные пути к отечественным лечебным местностям», прозвучавший на 3-м заседании первого отдела. В нем была выражена озабоченность автора доклада о недоступности отечественных лечебных мест для российских больных из-за отсутствия развитых путей сообщения и отмечена необходимость строительства прямых железнодорожных линий и хороших шоссейных дорог для более комфортного проезда к лечебным местам. Среди выступивших в прениях по докладу был и В. А. Будзинский, отметивший важность решения транспортного вопроса для нормального функционирования курортов. В своем слове он просил для Анапы благоустроить существующую грунтовую дорогу до постройки железнодорожной ветки, а также выделить особый вагон для Анапы на ст. Тоннельную для дальнейшего следования, т. к. в Анапу приезжают до 15 тыс. человек, и при краткосрочной остановке поезда из Новороссийска больные очень страдают, тяжелобольные и раненые воины будут обречены на еще большие страдания, а для их перевозки следует приспособить и вагоны. Далее В. А. Будзинский заметил, что необходимо просить Владикавказскую железную дорогу, которая заинтересована в развитии лежащих на ее линии курортов, о приведении в порядок поездных путей к Семигорию и Ильским минеральным источникам, услугами которых решило воспользоваться военное ведомство для больных и раненых воинов, а также от-

крыть продажу билетов прямого сообщения в Анапе (Труды съезда..., вып. 3, с. СХV). Отметим также, что на соединенном заседании II, III, IV и V отделов после доклада П. Г. Мезерницкого «К вопросу о гелиотерапии» в обсуждении принял участие тот же В. А. Будзинский, который указал на важность и эффективность солнцелечения, исходя из своих наблюдений и опыта работы в Анапе.

Представителям городских общественных управлений было поручено на съезде подготовить и сдать в Финансовую комиссию съезда материалы, содержащие перечень необходимых улучшений курортов и предполагаемые необходимые суммы для их реализации. Интересен документ, составленный Анапским городским управлением:

«Из общего городского бюджета в среднем за три года на благоустройство и санитарную часть расходовалось до 27000 р. ежегодно.

Чтобы внести сколько-нибудь заметное улучшение в городское благоустройство, производившийся доселе расход необходимо по меньшей мере удвоить. Такое увеличение расхода позволило бы несколько расширить площадь нового замощения городских улиц, поддержать в большем порядке существующие замощения; привести в благоустроенный вид высокие крутые берега возвышенной части города (в городском саду) устройством террас и спусков к морю (для пешеходов), насадить небольшой сквер у городской часовни близ пляжа, где в сезон наблюдается наибольшее скопление публики; устроить новые площадки для детских игр; оборудовать ресторан при городской гостинице и т. п.

Что касается других необходимых улучшений, выполнение которых представляется возможным произвести к предстоящему сезону, главнейшие из них следующие:

1. Необходимо увеличить настоящий размер грязелечебницы втрое, для чего потребуются единовременная затрата 30–35 тысяч рублей.

Если бы правительство нашло возможным ссудить город для этой цели указанной суммой, то Городское Управление почло бы своим прямым долгом возместить материальную помощь Правительства представлением совершенно бесплатного пользования грязевыми и тепловыми морскими ваннами в течение мая и июня ежегодно для питомцев Об-ва Красного Креста. Расширенное лечебное учреждение могло бы в одну очередь пользоваться 150 человек и при обычном 2-недельном курсе лечения, в четыре очереди, могло бы провести лечение 600 человек ежегодно. Если взять стоимость лечения грязевыми ваннами каждого больного в 30 р., Правительство возместило бы свою затрату по 18000 руб. ежегодно. Город не был бы в убытках. Эксплуатируя следующих два месяца сезона, оно вполне покрыло бы понесенный расход по отоплению, содержанию медицинского персонала и штата рабочих при грязелечебнице в первые два месяца бесплатной ее работы.

2. Оборудование солнечно-песочных ванн. Ванны должны быть отнесены дальше за р. Анапку, устроив чрез последнюю легкий мост для пешеходов, и оборудованы заново. Потребный расход – до 10 тысяч рублей.

3. Возможно скорейшее соединение Анапы рельсовым путем со ст. Тоннельной, Владикавказской железной дороги, всего 30 верст.

4. Устройство заново водопровода, стоимость которого определяется составленной, согласно технического проекта, сметой в 160 тысяч рублей.

5. Устройство канализации» (Труды съезда..., вып. 3, с. CLXXIX–CLXXX).

А вот такой документ представили Финансовой комиссии представители акционерного общества «Курорты Анапа и Семигорье» В. А. Будзинский и А. С. Добровольский:

«Общество, владеющее 4-мя санаториями, просит на сезон 1915 года для приведения в порядок и расширения двести тысяч рублей, в таком случае к маю 1915 года Общество предоставит помещения и полное оборудование на 1000 (тысячу) кроватей.

Акционерное общество владеет в настоящее время имуществом, стоимостью в 410000 р.» (Труды съезда..., вып. 3, с. CLXXXVIII).

Наши делегаты возвращались в Анапу удовлетворенными. Дни, проведенные в Таврическом, не прошли даром. Во-первых, предложения и пожелания, высказанные ими на заседаниях, были услышаны и учтены в итоговых решениях съезда, имевших огромное значение для дальнейшего развития российских курортов, и прежде всего черноморских. Кавказское побережье по-прежнему оставалось в стадии освоения, не имело надлежащей инфраструктуры, и реализация решений съезда значительно продвинула бы его развитие. Во-вторых, с высоких трибун российской общественности, включая ее высшие круги, было заявлено о том, что Анапа, имея такие превосходные лечебно-климатические условия и уже ставшая на путь становления курорта, может стать первоклассным лечебным местом. И для решения этой благородной задачи необходимо не только усилить анапских энтузиастов, но и правительственная помощь, которая, в-третьих, была обещана и, кстати, чуть позже оказана. Так, в том же году Анапе была выделена правительственная субсидия в размере 125 тыс. руб. для развития курортных лечебных учреждений. В-четвертых, за дни работы на съезде, куда собрались светила отечественной медицины, включая ведущих специалистов по климатологии, климато-, бальнео- и гидротерапии, был получен важный опыт, внедрение которого на месте могло бы качественно улучшить лечебные процессы, а следовательно, сделать их более эффективными. В-пятых, возникли чувства патриотического воодушевления от осознания того, что маленький черноморский городок будет принимать в своих лечебных учреждениях больных и раненых воинов, а значит, Анапа внесет свой посильный вклад в несение тягот этой жестокой германской войны.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РАЙОНЕ АНАПЫ В МАРТЕ 1920 ГОДА

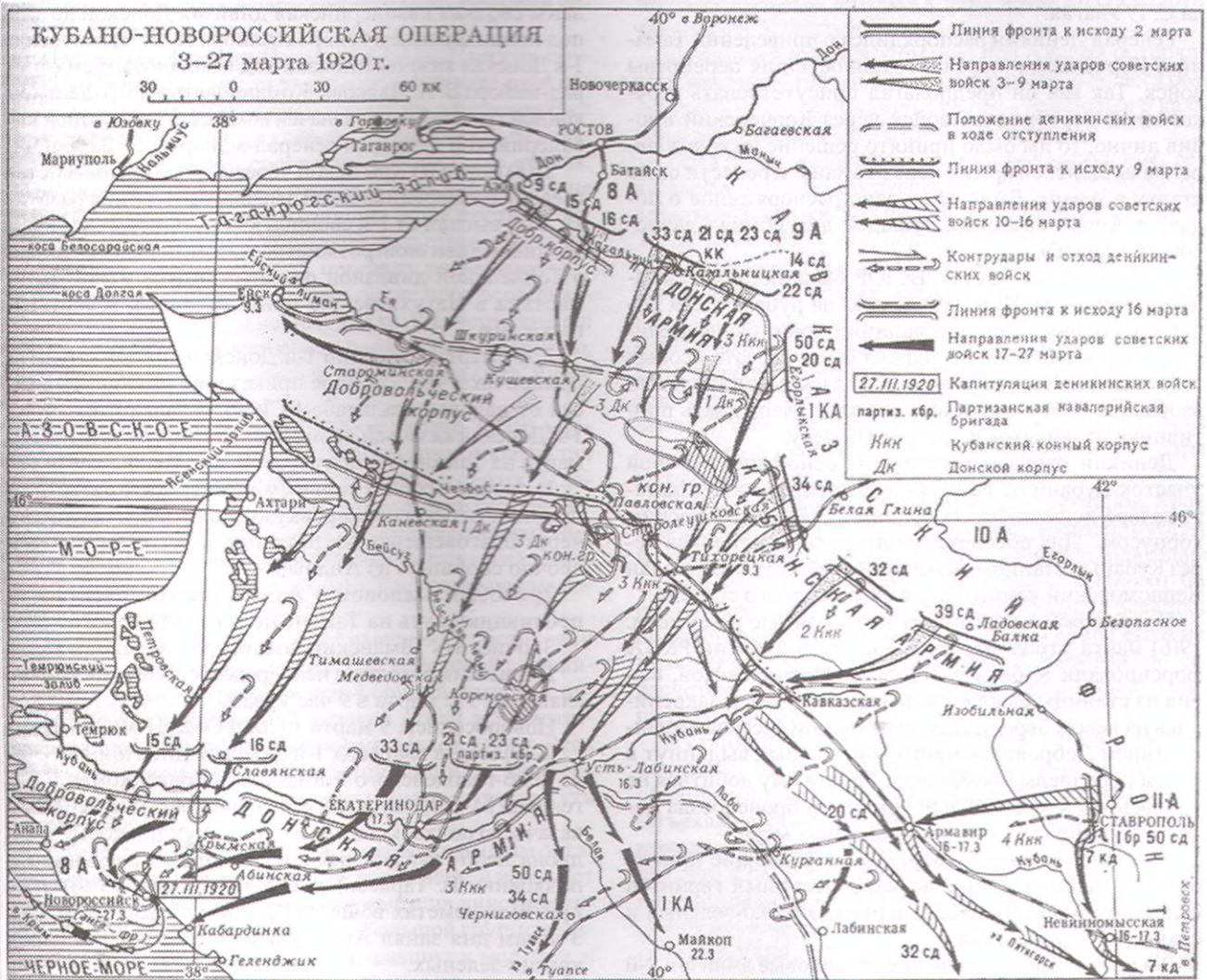
С. В. Козлов

О боевых действиях в районе Анапы в период эвакуации Белой армии генерала А. И. Деникина весной 1920 года практически не рассказывается в краеведческой литературе. Скучны упоминания об этих событиях и в советских изданиях о Гражданской войне на Кубани. В основном описывается взятие частями Красной армии Новороссийска.

Известно, что в начале 1920 года от Ростова на юго-запад вдоль побережья Азовского моря наступала 8-я армия РККА, состоящая из 9-й, 15-й и 16-й стрелковых дивизий. А отсутствие печатных материалов об этих частях, видимо, связано с личностью командующего этой армией Г. Я. Сокольников. Это был известный большевик, о котором после 30-х годов XX века почти не упоминалось в советской литературе.

Г. Я. Сокольников состоял в РСДРП с 1905 года, был активным участником Декабрьского вооруженного восстания 1905 года в Москве. Он являлся одним из соратников В. И. Ленина, вместе с которым вернулся в Россию в «пломбированном вагоне» в 1917 году, был одним из организаторов Октябрьской революции в Петрограде. После отказа Л. Д. Троцкого от руководства делегацией в Брест-Литовске Г. Я. Сокольников сменил его на этом посту и подписал 3 марта 1918 года Брестский мир от имени Советской России. В 1922–1926 годах Г. Я. Сокольников – первый нарком финансов СССР, успешно руководивший проведением денежной реформы в стране. В 1936 году был репрессирован, погреб в тюрьме в 1939 году. Вот такой человек с неординарной судьбой командовал армией, бойцы которой заняли Анапу в марте 1920 года.

В воспоминаниях участников Белого движения, опубликованных в последнее время в российской литературе, нередко встречаются упоминания о боевых действиях в районе Анапы весной 1920 года. Описания в

последовательности изложения событий практически не противоречат друг другу, есть только разночтения в хронологии. Но это и неудивительно, ведь мемуары участники Белого движения писали уже спустя годы, а то и десятки лет после окончания Гражданской войны. На этих воспоминаниях с привлечением фактов, опубликованных в изданиях советского периода, основана эта попытка реконструкции событий марта 1920 года.

17(4) марта 1920 года после оставления Екатеринодара белогвардейцами в штабе Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (далее ВСЮР) А. И. Деникина рассматривались способы и порядок эвакуации боеспособных частей в Крым. Было намечено произвести эвакуацию по двум направлениям. Добровольческий корпус предполагалось эвакуировать через Новороссийск для отхода с боями и прикрытия Таманского направления. Через Керченский пролив планировалось эвакуировать Донскую армию под командованием генерала В. И. Сидорина и сводную Кубанскую дивизию под командованием генерала С. Г. Улагая.

Генерал Деникин распорядился о приведении Тамани и Керченского порта в готовность для переправы войск. Так как он предполагал присутствовать и руководить переброской войск через Керченский пролив лично, то им было принято решение на время переправы Донской армии через Тамань перенести свою ставку в Анапу. Было даже дано распоряжение о подаче в Анапу верховых лошадей для штаба Главнокомандующего.

Боеспособным частям ВСЮР была поставлена задача остановить Красную армию на рубеже реки Кубани. Оборона здесь при наличии конницы, как считали в штабе ВСЮР, не должна была вызвать особых затруднений. Вода в Кубани поднялась, все мосты были взорваны. Белые надеялись надолго удерживать противника от попыток форсировать реку.

Деникин издал директиву, на основании которой участок Кубани от ее устья до переправ ниже Екатеринодара должен был обороняться Добровольческим корпусом. Для обеспечения прикрытия переправ через Кубань у станицы Варениковской туда был выслан Черноморский конный полк очень слабого состава.

Но задержать части противника белые не сумели. 19(6) марта утром передовые части 8-й армии РККА форсировали Кубань у станицы Варениковской, выбив из станицы слабые силы черноморцев, и закрепились на левом берегу. Для ликвидации десанта командованием Добровольческого корпуса был выдвинут в район переправы бронепоезд. Успеха ему добиться не удалось, но в штаб ВСЮР командир бронепоезда доложил о принятии им «необходимых мер».

В Анапе зеленые – партизаны, воюющие против белых – выбили из города малочисленный гарнизон белогвардейцев. Оказалась в руках красно-зеленых и станица Гостагаевская.

9-я и 15-я красноармейские стрелковые дивизии 8-й

армии РККА продолжали переправу через Кубань у Варениковской. Полностью разбив находившихся там добровольцев, красные стали быстро наступать от Варениковской переправы на Гостагаевскую. Для ускорения наступления командование стрелковых частей мобилизовало лошадей в казачьих станицах и из пехотинцев формировало кавалерийские группы.

Однако в штабе Деникина о развитии наступления красными на Гостагаевскую не знали, и решение об эвакуации через Тамань отменено не было. Считалось, что Добровольческий корпус занимает указанный ему участок на левом берегу Кубани, хотя там частей ВСЮР к этому времени уже не оставалось.

20(7) марта Деникин отдал приказ оборонять линию реки Кубани, занять Таманский полуостров и прикрыть от красных северную дорогу от Темрюка.

Для выполнения поставленной задачи в штабе ВСЮР было решено использовать наиболее боеспособные кавалерийские части. К 1-й сводной кавалерийской дивизии Добровольческого корпуса были приданы сводная кавалерийская дивизия Донской армии под командованием генерал-майора П. В. Чеснакова и 1-я Донская казачья дивизия под командованием генерал-майора В. А. Дьякова. Командовать этой отдельной конной группой был назначен командир 1-й сводной кавалерийской дивизией генерал-майор И. Г. Барбович.

21(8) марта из Крымской через Тоннельную – Гостагаевскую к Варениковской с целью проведения разведки был выслан от 1-й сводной кавалерийской дивизии сводный дивизион ротмистра князя Черкасского. Но в Тоннельной дивизион оказался только утром 22(9) марта, а в Натухаевскую прибыл лишь к вечеру того же дня.

22(9) марта командир 1-й Донской конной дивизии Дьяков получил срочное приказание из Новороссийска от начальника штаба ВСЮР: «Главком приказал 1-й Донской казачьей дивизии выступить девятого сего марта на Таманский полуостров, имея задачей:

1) срочно особым сильным офицерским разъездом произвести рекогносцировку южной дороги на Тамань через Благовещенскую, результаты рекогносцировки срочно сообщить из Анапы;

2) особым заслоном у Ахтанизовской преградить противнику путь на Тамань по северной дороге;

3) очистить Таманский полуостров от зеленых.

Дивизия переходит в непосредственное подчинение главкому 9 с. марта в 9 час утра.

Новороссийск. 9 марта 1920. РОМАНОВСКИЙ».

22(9) марта авангард 1-й Донской дивизии в составе лейб-гвардейского атаманского полка (командир – генерал М. Г. Хрипунов), 6-й сотни лейб-гвардейского казачьего полка (командир – есаул Кундрюков) и эскадрона лейб-гвардейских конногренадер (командир – полковник В. Тарасов), всего 427 сабель, 78 штыков при 10 пулеметах вошел в Раевскую и 23(10) марта к 3 часам дня занял Анапу, выбив занимавших город красно-зеленых.

Остальные части 1-й Донской конной дивизии 22(9) марта сосредоточились в станице Раевской, войдя в подчинение генералу Барбовичу, который одновременно с выдвижением авангарда дивизии на Анапу остальными силами должен был занять станицу Гостагаевскую. Однако 23(10) марта отряд Барбовича вошел только в станицу Натухаевскую.

Утром этого же дня через станицу Натухаевскую на станицу Варениковскую для занятия переправы через Кубань была послана сводная кавалерийская дивизия генерала Чеснакова. Части, подчиненные Чеснакову, присоединив к себе дивизион князя Черкасского, из Натухаевской через перевал начали движение на Гостагаевскую. Здесь от Ахтырского эскадрона, шедшего в авангарде, было получено донесение, что красные не только переправились через Кубань, но значительными силами уже заняли Гостагаевскую. С горного перевала, господствующего над станицей, уже можно было наблюдать, как в нее со стороны Варениковской все время подходила красноармейская пехота, а из Гостагаевской на Анапу вытягивалась большая колонна красной конницы.

В составе дивизии Чеснакова было 2 легких орудия, но белые не смогли задержать движение противника артиллерийским огнем – путь его движения был вне досягаемости артиллерии, а спустить с перевала вниз орудия из-за состояния дороги было нельзя. Чеснаков спешил кавалеристов и занял оборону, не решаясь атаковать превосходящие силы противника, ограничившись лишь высылкой разведов к станице. Подошедший вечером к перевалу разведывательный отряд красных был отбит, после чего особой активности обе стороны не проявляли. К вечеру генерал Чеснаков отвел свою дивизию назад в Натухаевскую, оставив на перевале дивизион подполковника Яновского (2-й и 4-й эскадроны).

Занявший Анапу во второй половине 23(10) марта авангард 1-й Донской конной дивизии производил зачистку города от оставшихся в нем зеленых. Плохо вооруженные партизаны, неся большие потери, отступили в сторону Су-Псеха. А вечером совершенно неожиданно для белых со стороны станицы Анапской, где был слабый разведотряд сотника Клевцова, послышалась ружейная стрельба.

Направленный туда в целях выяснения обстановки с полусотней и двумя пулеметами войсковой старшина Иванов был встречен огнем 4 орудий и многих пулеметов. Из-за станицы Анапской стали выдвигаться эскадроны красных и разворачиваться в лаву. Весь горизонт покрылся густой массой конницы. Красная дивизия со всех сторон окружила Анапу, отрезав путь на Раевскую.

Единственным путем отступления атаманам оставался мостик, переброшенный через реку Анапку, от которого шла дорога на пляж и далее на виноградники. Генерал Хрипунов лично с небольшой группой атаманцев атаковал красных, подходивших к мостику, и

отбросил их. Отход увлек за собою назад целый участок красной лавы. Этого выигрыша времени оказалось достаточным для сбора и выхода из города остальных сотен, и Хрипунов быстро двинулся на хутор Благовещенский, находившийся в 2 верстах южнее Витязево. Около хутора, пытаясь выйти из кустарника, атаманцы натолкнулись на пехоту противника, которая открыла по казакам пулеметный и оружейный огонь. Выручили отряд Хрипунова наступившая темнота и ошибка артиллеристов Красной армии, перенесших в наступившей неразберихе огонь орудий на занявшие Анапу свои же части, которые немедленно ответили ответной артиллерийской стрельбой.

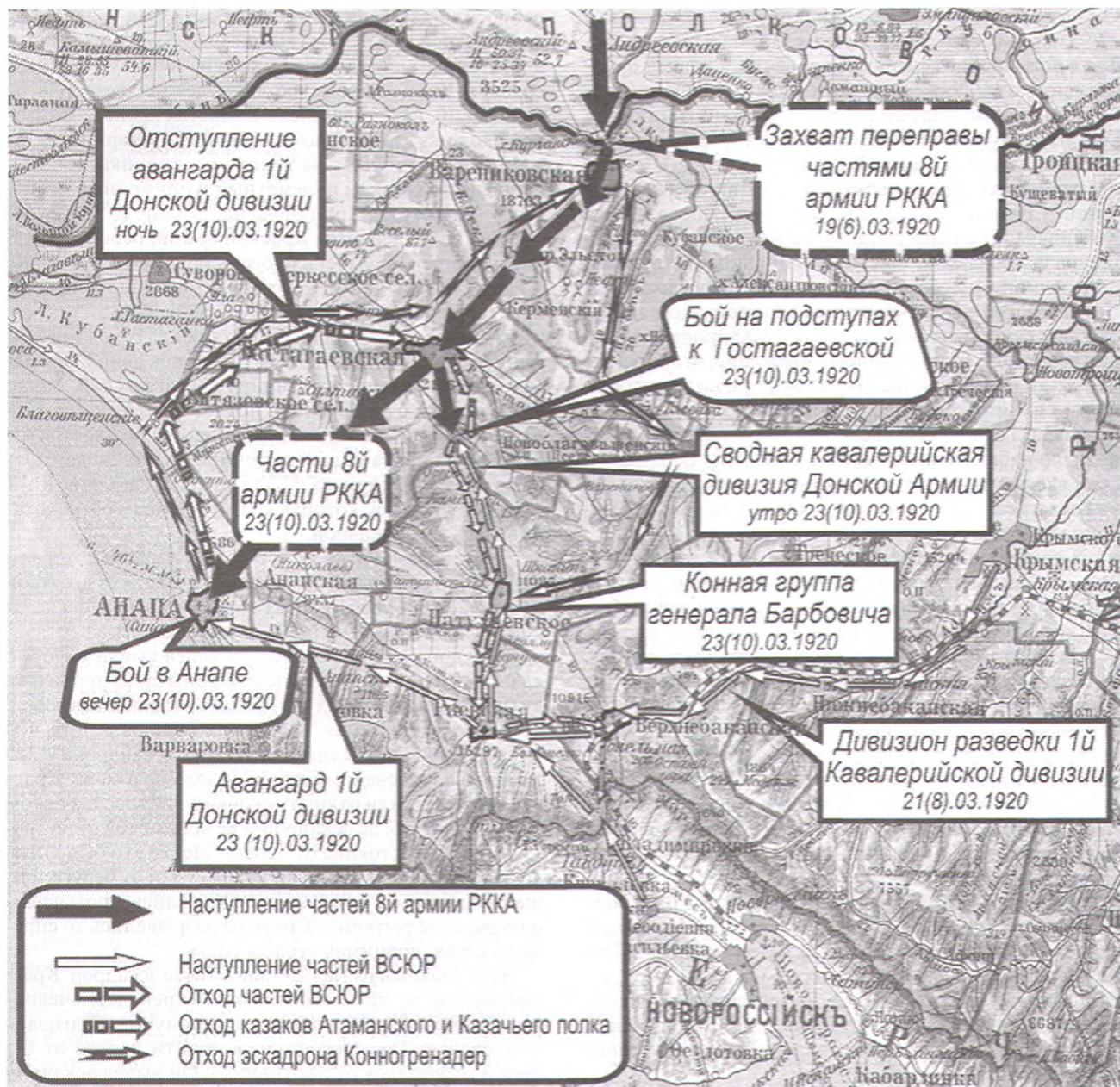
Снаряды обеих сторон пролетали над головами атаманцев. Пользуясь темнотой, Хрипунов двинулся прямо на север и вышел к станице Гостагаевской. Узнав от пленного, что в станице ночует пехотная дивизия Красной армии, казаки направились на юго-восток и к утру 24(11) марта вышли к станице Натухаевской. Отсюда отряд Хрипунова пошел на присоединение к 1-й Донской дивизии, которая к тому времени сосредотачивалась в Тоннельной.

Казаки-атаманцы в этом бою под Анапой потеряли убитыми и ранеными 38 казаков и несколько десятков лошадей, а 6-я лейб-казачья сотня – ранеными 6 казаков и убитыми и ранеными 10 лошадей.

Эскадрон конногренадер, не успев выйти вместе с казаками из Анапы, безуспешно попытался пробиться в тыл красноармейских частей, уже входивших в город. Тогда, не долго думая, полковник Тарасов решил, что единственный путь спасения для его эскадрона – это двигаться к песчаному пляжу и дальше в море. Красные не замедлили открыть огонь из винтовок, а потом и из орудий, когда эскадрон уже успел отойти на значительное расстояние от берега. Место это было мелкое, и кавалеристы смогли далеко уйти от берега. Лошади по брюхо в воде еле передвигались, спотыкаясь о подводные рытвины. Снаряды разрывались то справа то слева, поднимая столбы воды.

Этот удачный и смелый маневр спас эскадрон. Красноармейцы не преследовали конногренадер, очевидно предполагая, что гибель их неминуема. Благодаря мелководью Тарасову удалось пройти далеко от берега и оторваться от противника. Он вывел эскадрон на берег уже в тылу красных частей и повел его в направлении станицы Варениковской, которая, по его расчетам, должна была быть занята бригадой генерала Чеснакова.

В станицу Варениковскую эскадрон прибыл к 2 часам ночи. Но неожиданно для себя конногренадеры обнаружили, что она занята частями Красной армии. Отъехав от станицы примерно с полверсты, Тарасов приказал разведке вернуться в станицу и взять «языка», что и было исполнено. Получив от пленного сведения о расположении противника, полковник Тарасов повел эскадрон дальше. Путь эскадрона проходил через поселки, которые уже были заняты красными,

Боевые действия у Анапы в марте 1920 года

но их караулы спали мертвым сном. Поэтому конногренатеры без задержек 24(11) марта прибыли в станицу Натухаевскую, за одни сутки совершив переход более чем в 90 верст.

24(11) марта ранним утром генерал Барбович построил свой отряд в Натухаевской на площади у церкви и объявил командирам полков о необходимости оборонять станицу, так как красными уже были заняты Варениковская, Гостагаевская и Анапа. Вскоре части Красной армии начали наступление на станицу Натухаевскую.

Белогвардейцы, не пытаясь организовать серьезной обороны, отступили в направлении станицы Раевской. А вечером того же дня ввиду обхода красными Натухаевской с востока отряд Барбовича начал отход к Тоннельной.

24(11) марта в штабе Донской армии, который еще находился в станице Крымской, была получена из штаба Деникина телеграмма, говорившая о том, что «ввиду изменившейся обстановки на фронте отход на Тамань не возможен».

25(12) марта части Красной армии, входящие в 8-ю армию, заняли рубеж Натухаевская – Раевская – Тоннельная и вечером 27(14) марта, соединившись с частями 9-й армии, наступавшими от Екатеринодара через Крымскую, вошли в Новороссийск.

Таким образом, блестяще проведенный 8-й армией РККА быстрый обходной маневр в марте 1920 года не позволил организовать эвакуацию в Крым белогвардейских частей через Керченский пролив. И не суждено было нашему тихому приморскому городу в это далекое уже для нас время стать местом размещения штаба Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России Антона Ивановича Деникина.

КУРОРТ АНАПА ПЕРВОГО ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ (1943–1953) НА СТРАНИЦАХ РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ «ЗНАМЯ КОЛХОЗНИКА»

3. Е. Харалдина

Анапа в 1940 году была административным центром Анапского района, территория которого включала 527 кв. км, 10 сельсоветов, с населением 36249 человек, из них: городское – 16998, сельское – 19251 человек, по национальному составу: русские – 27764, украинцы и армяне – 7501, греки, немцы, чехи – 984 человека. Экономическая характеристика: район сельскохозяйственный. Главное направление – шампанские виноградники и производство шампанских вин. Также выращиваются лучшие столовые сорта винограда. Наряду с этим является в крае одним из основных районов хлопкосеяния. Город Анапа – грязевой, виноградно-лечебный, приморский, а равно имеющий союзное значение детский курорт включал 13 домов отдыха и санаториев, из них четыре детских. В годы войны и оккупации городские постройки и все здравницы были разрушены.

Этапы возрождения, проблемы развития, жизнь района и города-курорта в первое послевоенное десятилетие находили отражение на страницах анапской районной газеты «Знамя колхозника». Значение газетных публикаций как источника по истории Анапы трудно переоценить. В них не только конкретные даты, факты, люди, но и неповторимый колорит ушедшего времени – советской эпохи первых послевоенных лет.

В каждом номере газеты была передовица – редакционная статья на актуальную тему: «К новым победам коммунизма!», «Хорошо подготовить семена», «Годовой отчет колхоза», «Создать прочную кормовую базу животноводству», «Шире развернем агитационно-пропагандистскую работу», «Лучше готовиться к курортному сезону», «Чутко относиться к письмам трудящихся», «Шире социалистическое соревнование» и т. д.

На первых страницах газеты нашли отражение все важнейшие политические события страны: пленумы ЦК КПСС и их постановления, Указы Президиума Вер-

ховного Совета СССР, обращения и речи руководителей партии и государства.

Постоянными были разделы: «Международный обзор», «В странах народной демократии», «В странах капитала», «По родной стране». В них находили отражение все важнейшие события в мире и стране.

Газета регулярно информировала население о деятельности партийных, комсомольских, профсоюзных организаций Анапы, городских и районных советских органов власти, публикуя материалы пленумов, собраний активов, конференций, совещаний, сессий Советов депутатов трудящихся.

В постоянных рубриках «Партийная жизнь» и «Комсомольская жизнь» освещались вопросы идеологического воспитания, пропаганды, социалистического соревнования: «Укреплять связи с массами», «Улучшить лекционную пропаганду», «Отчетно-выборное собрание в колхозе имени Ленина», «В отрыве от масс», «В авангарде соревнования», «Поднять активность масс», «Как мы готовим партийное собрание» и т. д.

Большая часть статей посвящалась вопросам сельскохозяйственным: от подготовки техники к посевным работам до сбора урожая, включая организацию и итоги социалистического соревнования, выполнение плановых показателей, чествование передовиков и победителей.

Много внимания уделялось агрономическому просвещению населения, в постоянной рубрике «Советы виноградарям» появлялись статьи научных сотрудников Анапской зональной опытной станции о болезнях винограда, сорняках и мерах профилактики и борьбы с ними.

В публикациях журналистов газеты освещались самые разные аспекты жизни Анапы и района: сельское хозяйство, строительство, транспорт, связь, торговля, культура, здравоохранение, образование, спорт. В них отражались успехи и критиковались недостатки.

Острые городские проблемы рельефно обозначались в каждом номере газеты в рубриках «Письма в редакцию» и «По следам наших выступлений». В них высказываются сдельные предложения по улучшению жизни, критические замечания, приводятся конкретные факты, называются фамилии нерадивых работников и руководителей. Редко, но появлялись фельетоны на злобу дня. Газета почти в каждом номере информировала о возбуждении дел о разводах, об итогах судебных процессов, печатала объявления в рубриках «Срочно требуются на постоянную работу», «Книжная полка» и др.

Курортная отрасль не была главной в эти годы, район оставался сельскохозяйственным, и сравнительно немногочисленные публикации о летнем отдыхе появлялись в газете только в весенне-летний период.

Но курортный фактор оставался важнейшим стимулом всех усилий властей и горожан по благоустройству Анапы, ее озеленению, организации работы торговых и промышленных предприятий, транспорта и связи, учреждений культуры.

Возрождение курорта начиналось с палаточных городков на песчаном берегу моря. Организаторами летнего отдыха выступали профсоюзы, ведомства и отдельные предприятия. Старшие школьники спали в палатках на раскладушках, младших детей размещали в зданиях городских школ.

В мае 1946 года начинает работать учительский дом отдыха имени Н. К. Крупской на 150 коек. В 16 пионерских лагерях за сезон 1946 года отдохнули 2800 детей. В 1947 году принял отдыхающих один корпус санатория имени Ленина, за сезон в нем пролечилось более 800 человек.

В июне 1947 года открылся пионерлагерь ЦК профсоюза работников рыбной промышленности юга. Летом 1947 года открывается пионерский лагерь ЦК профсоюза мукомольной промышленности, осенью здесь отдыхают 120 взрослых.

В 1948 году открываются детский железистый санаторий «Всекопромсоветкасс», санаторий Северо-Кавказского военного округа.

В 1948 году открылся санаторий водников (Азово-Донско-Кубанского водздравотдела) на 45 коек в зимний период и на 100 коек – в летний. Санаторий размещался в небольших помещениях, которые не соответствовали требованиям, предъявляемым к лечебным учреждениям.

В 1949 году начато строительство нового детского санатория с учетом использования новейших достижений в области лечения костного туберкулеза. Строительство шло медленно и трудно. В газете появляется большая статья «Так строить нельзя», в которой приводятся многочисленные факты «безобразия, воровства, безответственности при отсутствии руководства и контроля».

Открылся он 7 апреля 1953 года и принял 80 детей. «На высоком берегу раскинулись светлые, веселые корпуса детской здравницы водников, где отдыхают и набираются здоровья сотни детишек. Санаторий Азово-Волго-Донского водздравотдела по праву считается одной из передовых круглогодичных здравниц. Партия и правительство окружают детей – будущих строителей коммунизма неослабной заботой и вниманием».

В конце 1952 года Совет Министров РСФСР вынес постановление о проведении в текущей пятилетке больших работ по восстановлению города-курорта Анапа. Планом предусматривалось вложение 55 млн. руб. на восстановление города-курорта.

Об этом сообщалось в статье заведующего коммунальным отделом Анапского горисполкома Г. В. Гридасова «Анапа – всесоюзная здравница». Он пишет, что по плану мероприятий горисполкома в этом году начнутся работы по устройству бульвара на набережной, продолжено асфальтирование улицы Крымской и начато улицы Ленина, начнутся работы по замощению площади около пункта «Заготзерно», куда будет перенесен рынок (ныне Центральный рынок. – З. Х.). Большие работы намечались по озеленению города,

уличному освещению, установке новых водоразборных колонок. «Восстановление курорта ставит перед городом задачу – резко улучшить благоустройство, привести в порядок жилой фонд, парки, улицы, дворы».

«Резко улучшить» было невозможно, город восстанавливался энтузиазмом и руками анапчан на почти еженедельных общегородских субботниках. Осенью 1949 года жители улицы Тургенева собрались обсудить проблемы своей окраины. «Исконная грязь на улице надоела, опостылела. Нет тротуаров, нет радио, нет света. Если возьмемся дружно за дело – все это будет». И проложили 300 метров тротуаров, вырыли ямы и поставили столбы – появились свет и радио.

«Много сил затратили трудящиеся города, чтобы очистить центральную площадь от развалин. Много средств затрачено на посадку деревьев и кустарников. Бочками подвозили воду для полива молодых деревьев. Но эти затраты труда и средств не ценятся. На площади пасется скот, портит насаждения, через площадь ездят на автомашинах, на лошадях».

Передовица газеты «Знамя колхозника» от 26 марта 1953 года называлась «Лучше готовиться к курортному сезону» и начиналась словами: «Партия и правительство неустанно заботятся о росте благосостояния трудящихся нашей страны». В ней говорилось, что исполком Анапского горсовета рассмотрел план по благоустройству города в 1953 году. Все намеченные мероприятия связаны с проведением предстоящего курортного сезона. Горсовет поручил артели «Трудовой инвалид» благоустройство анапского пляжа. Пляж должен быть огорожен, распланирован, на нем надо устроить раздевалки, поставить «грибки», скамейки, организовать медпункт. Первого апреля откроется дом отдыха «Анапа».

В течение апреля откроются все остальные санатории и дома отдыха. В этом году более 10 тысяч детей побывают в пионерских лагерях. К встрече отдыхающих обязаны подготовиться и торгующие организации. Они должны развернуть сеть столовых, закусовых, ларьков, киосков.

Огромное значение имеет организация культурного отдыха. Однако культпросветотдел не предусмотрел в плане работы обслуживание отдыхающих. С большим опозданием начато строительство летнего кинотеатра. Партийные и профсоюзные организации советских учреждений, санаториев, домов отдыха, торгующих организаций должны повседневно заниматься вопросами подготовки к курортному сезону».

12 апреля в газете уже появляется статья «Курортный сезон начался» В. Орлова: «Первого апреля дом отдыха «Анапа» принял первую партию отдыхающих. Коллектив дома отдыха подготовился лучше, чем в прошлом году: 240 новых деревьев, 1000 кустарников, новые клумбы, газоны, дорожки усыпаны гравием и песком. Здания отремонтированы, палаты радифицированы. Красиво оформлена столовая: на полу – дорожки, на стенах – картины, на столах – живые цветы.

7 апреля открылся детский санаторий водоздравотдела на 80 детей. 135 человек будут лечиться в санатории имени Ленина, пока прибыли 43 человека. Значительные работы по благоустройству территории проведены в доме отдыха имени Крупской, оборудованы волейбольные и баскетбольные площадки. 17 апреля в дом отдыха заедут 175 человек.

25 апреля откроется детский санаторий Всекопромсоветстрахкасс, в нем будут лечиться 210 детей».

В заметке «Пионерские лагеря готовятся к открытию» сообщается, что в 1953 году в Анапе готовятся к открытию 25 пионерских лагерей – авиаработников, крайкома союза работников леса и сплава, крайкома союза нефтяной промышленности: «В помещении средней школы № 2 после окончания занятий будут открыты пионерские лагеря Краснодарского нефтеперегонного завода и крайкома союза работников начальной и средней школы». В этом сезоне работали пионерские лагеря ЦК союза рабочих нефтяной промышленности «Нефтяник», ЦК союза рабочих лесной и бумажной промышленности, рабочих мукомольной промышленности и элеваторов, профсоюза работников местной промышленности, Кубанского сельскохозяйственного института, Краснодарской государственной швейной фабрики № 12, железнодорожников».

Передовица газеты называлась «Детям – здоровый летний отдых»: «Скоро гостеприимно распахнутся двери пионерских лагерей. Только в Анапе за лето в них побывает более 10 тысяч ребят».

« На курортах Кубани»: «Курортный сезон на Кубани в полном разгаре. Более чем в 150 санаториях и домах отдыха края отдохнет около 30 тыс. трудящихся. В течение года на Кубани отдохнет 400 тыс. человек», – сообщает ТАСС.

Передовица «Летний отдых трудящихся» началась словами: «Право на отдых – одно из великих прав советских людей, закрепленных за ними Конституцией СССР». В статье перечисляются проблемы: «Анапа – приморский город, но до сих пор не имеет водной станции, пятый год сооружается стадион, нет даже футбольной площадки. Сейчас только начало курортного сезона, а за керосином уже приходится стоять продолжительное время в очереди. Необходимо принять действенные меры, чтобы в изобилии обеспечить торговую сеть продуктами и товарами летнего ассортимента».

Ставятся задачи перед культурно-просветительными учреждениями, работниками автотранспортной конторы, городским Советом, профсоюзами. Заканчивается передовица словами: «Организация отдыха трудящихся и их детей – большое государственное дело. Надо сделать все, чтобы отдых советского человека был полноценным и радостным».

В газете регулярно появляются заметки о том, что в городе улучшается для такого отдыха:

«14 июня 1953 года открылся новый летний кинотеатр «Победа», рассчитанный на 800 зрителей. Мест-

ные жители и трудящиеся, приезжающие в Анапу на отдых и лечение, получили возможность смотреть кинофильмы на свежем воздухе».

«Курортный сезон в разгаре. Ежедневно более пяти тысяч трудящихся посещают пляж. В Анапе стоят жаркие летние дни. У киосков, продающих безалкогольные напитки, всегда много отдыхающих. В этом году не было ни одного случая перебоя в снабжении безалкогольными напитками как на пляже, так и в городе. Главным поставщиком безалкогольных напитков является райпищекombинат. На 24 июня райпищекombинат месячный план выпуска валовой продукции выполнил на 106 процентов, а по безалкогольным напиткам – на 132,6», – сообщает директор Н. Бандура.

«Для предупреждения инфекционных желудочно-кишечных заболеваний районная санитарно-эпидемиологическая станция провела в районе большую работу по борьбе с переносчиками инфекции – мухами. За короткий срок обработано свыше полутора тысяч мест общественного пользования. Борьба с мухами продолжается», – сообщает заведующий райздравотделом Н. Беляев.

В заметке «Пионерское лето в разгаре» сообщается, что в 18 открывшихся лагерях и детских садах отдыхают 3607 ребят.

В большой статье «В пионерском лагере» осталась для истории один день жизни «наиболее благоустроенного» лагеря «Нефтяник» Краснодарского крайкома профсоюза нефтяников:

«На обширной территории два каменных корпуса на 200 детей, два деревянных на 270 человек, поставлено 25 палаток, каждая на 10 человек – всего в лагере 550 детей. Жизнь в лагере начинается рано утром. В 7 часов по звуку горна из корпусов и палаток выбегают сотни мальчиков и девочек. Утренняя зарядка – у самого моря. После зарядки ребята умываются морской водой. Незаметно проходит время до завтрака. Основательно подкрепившись, все снова устремляются в море. Купаться любят все.

12 часов. Пора возвращаться в лагерь. Сытно пообедав, ребята укладываются спать. Не все привыкают к этому сразу, но режим делает свое дело. Спят вплоть до чая. Кипучую деятельность развивают ребята от чая до ужина. Особенно оживленно на спортивных площадках. На футбольном поле игра всегда идет в быстрых темпах. Немало в лагере любителей баскетбола, волейбола. Недавно состоялась товарищеская встреча с волейболистами соседнего лагеря профсоюза работников лесной и бумажной промышленности. Много в лагере всяких заманчивых вещей.

Здесь и настольные игры, и всевозможные инструменты, и библиотека. Немало любителей китайской игры «Бель-Бег». Во всех отрядах популярна игра «Пропавшее звено». С увлечением работают ребята над устройством телефонной сети, лагерь имеет специальную детскую установку с 20 аппаратами. Многие увлекаются дисковым стереоскопом. В большом

ходу балалайки, гитары, мандолина. Всегда шумно у настольного крокета. Немало есть и любителей шахмат и шашек. Десятки ребят уходят в тихие уголки под маслины, чтобы в спокойной обстановке заняться любимой игрой. Все, чем занимаются ребята, не перечислишь, каждый находит увлекательное занятие.

После ужина начинается самое интересное. Во всех отрядах идет деятельная подготовка к очередному выступлению художественной самодеятельности. Свыше 90 человек в хоровом кружке, но, когда они поют, к ним присоединяются и все находящиеся вблизи. Каждый отряд готовится к показу новых номеров. Разучиваются танцы, стихотворения, отрывки из произведений классиков. Нет ни одного человека, который бы не участвовал в подготовке к выступлениям.

В начале учебного года многие пионеры вступят в комсомол. В отрядах проводятся сборы на темы: «В труде и науке, как Ленин и Сталин, пойдем неустанно вперед», «Комсомолцы на великих стройках коммунизма», «Четырежды орденосный комсомол».

Школьники младших классов готовятся вступить в пионеры. В отрядах младших проводятся сборы на темы: «Красный галстук», «Что означает слово «пионер»?» и другие. Врач лагеря Надежда Антоновна Шелютто неустанно работает над тем, чтобы приучить ребят к чистоте и порядку. Соревнование за чистоту между всеми 12 отрядами не угасает. Вначале переходящее санитарное знамя лагеря завоевали девочки второго отряда, потом оно перешло в четвертый, затем в шестой отряд, но, как это ни покажется на первый взгляд странным, в конце концов им прочно овладели мальчики третьего отряда.

Большая работа проводится в кружке юных натуралистов. Составляются коллекции бабочек, жуков, насекомых, собираются растения, делаются гербарии.

Много интересного видели ребята во время двухдневного похода в район Сукко. Они ходили по горам и лесам, познакомились с ловом рыбы. Побывали ребята и в исторических местах города Анапы, в музее.

Весело, интересно проходит день в лагере. До самого отбоя не утихают песни, музыка, веселые голоса. Но вот играет горн. 10 часов вечера. Дежурные по лагерю делают последний сегодня обход. Все спокойно в лагере до следующего утра».

«Экскурсия пионеров в колхоз имени Ленина на ток бригады тов. Боброва приехали экскурсанты из пионерских лагерей Анапы. Они ознакомились с работой двух агрегатов, каждый из которых за смену очищает по 24–25 тонн зерна. Особенно интересовались пионеры, как агрегаты включают, как очищают зерно. Все это показал им зав. током тов. Бондарь. Пионеры остались довольны пояснениями тов. Бондаря и благодарили его».

«В этом году в Анапе отдыхающих значительно больше, чем в прошлом году. Ежедневно прибывает 150–300 человек. Каждый день на пляже бывает до 10 тыс. человек, не считая детей в возрасте до 7 лет. В

27 пионерских лагерях, детских садах и домах отдыхает более 6,5 тысячи пионеров и школьников».

«На отдыхе в Анапе»: «В этом году все санатории и дома отдыха работают с полной нагрузкой. С начала года здесь отдохнуло более пяти тысяч трудящихся. Но отдыхают не только в здравницах. Тысячи рабочих, служащих, инженеров, врачей, агрономов, художников, учителей приезжают без путевок. Наш город становится год от года лучше и завоевывает все большую популярность. Никогда еще в Анапе не было так много отдыхающих, как сейчас. Анапский пляж – одно из самых оживленных мест на курорте. В полдень вода в море кипит и пенится от тысяч отдыхающих. Пускаются в ход все плавсредства: пробковые пояса, надувные автомобильные шины, резиновые лодки и т. д.

Прекрасно в этом году лето. В садах обильный урожай фруктов. Цветут циннии, душистый табак, петунии, вербены, львиный зев и многие другие цветы. Скоро в Анапе начнется виноградный сезон. Лучший столовый сорт винограда Шасла появится на рынке в первой половине августа».

«Июль. Стоят яркие солнечные дни. Температура воды в море от 20 до 23 градусов. Ежедневно от трех до четырех тысяч отдыхающих посещают Золотой пляж. Курортный сезон в разгаре. Провести отпуск в Анапе ежедневно прибывают до 100 человек. В начале июля к нам прибыли депутат Муромского Совета депутатов трудящихся Петр Васильевич Коломийцев, художественный руководитель Дома культуры из Магадана Галина Петровна Епифанцева, рабочий из города Горького Петр Васильевич Столешников, сотни трудящихся из Москвы, Ленинграда и других городов. Около пяти тысяч ребят отдыхают в пионерских лагерях и детских садах».

Часто появлялись критические заметки: «Прекрасен Анапский пляж. Он привлекает тысячи трудящихся со всех концов Советского Союза. Особенно много на пляже детей. Много людей и на Высоком берегу. Отсюда открывается чудесный вид на море, на горы. Здесь купаться менее удобно, зато хорошо загорать. Хорошо в Малой бухте, но спуститься к воде не так просто. Когда-то была здесь хорошая лестница, но она разрушена.

Видимо, хозяева города Анапы не ходят на Высокий берег, а если и ходят, то только по верху, не заглядывают они вниз, не видят, что сотни людей ежедневно испытывают неудобства, спускаясь к морю и поднимаясь после купания наверх».

«При входе на Анапский колхозный рынок вывешены правила торговли. Однако никто их не читает, многие торгующие правил не соблюдают. Рыбу продают кучками и десятками, кукурузу, семечки, фасоль – баночками, постное масло – стаканчиками, свиное сало – кусочками. Не ведется борьба с перекупщиками. Ежедневно можно наблюдать, как товары с вozов перекочевывают на прилавки и продаются по значительно завышенным ценам. Каждый год директор рынка тов.

Костогрыз на заседании горисполкома чистосердечно признается, что правила советской торговли на рынке нарушаются. Каждый год горисполком принимает решение о наведении порядка на колхозном рынке, но все остается без перемен.

В рубрике «Письмо в редакцию» большая заметка «Кому это нужно?», в которой поднимается проблема бесконтрольно «свиристующих» мощных репродукторов в Пушкинском сквере, на стройплощадке школы № 2, в районе автотранспортной конторы, автовокзала: «Это была не музыка и не пение, а сплошное завывание. Репродукторы начинают работать в 5.30 утра и беспощадно будят всех. На автостанции приехавшие из Тоннельной, уставшие после поездки женщины с детьми, сидящими на чемоданах, ждут автобуса, договариваются со сдатчиками комнат, а тут им репродуктор преподносит «Чилиту».

В доме отдыха «Анапа» на танцевальной площадке установлен репродуктор, который слышно на Джемете. Через этот репродуктор передают и разные объявления: о том, что дом отдыха не отвечает за пропажу вещей, не сданных на хранение, что директор будет проводить беседу с вновь прибывшими отдыхающими и т. п. Может быть, директору и лестно, что полгорода будет знать, когда он будет проводить беседу, а интересно ли это гражданам? Нужно навести порядок в деле установки и использования мощных репродукторов и радиол. В городе и неизбежного шума достаточно», – завершает автор.

В рубрике «Письмо в редакцию» заметка «Мелочи»: «В магазинах торгового и курортного пояса появился в продаже табак разных сортов. Многие курящие с удовольствием покупают табак краснодарских, крымских и московских фирм. Табак есть, не хватает «мелочи» – гильз или папиросной бумаги. Когда покупатели спрашивают папиросную бумагу, им вежливо отвечают: «Курите газетку, у нас в Анапе к этому привыкли». В магазинах и ларьках можно купить сигареты, а вот мундштуков нет ни в торговле, ни в курортной торговле».

В рубрике «Письмо в редакцию» заметка «У автостанции». Автор подчеркивает слаженную работу персонала автостанции, водителей автобусов и такси, диспетчерской службы, но останавливается на недостатках: «Прибывающие и отходящие машины поднимают клубы пыли. Скамейки установлены кое-как, их недостаточно, нет ни клумбы, ни цветка. От палящих лучей солнца люди ищут убежища в тени акаций: навес у кассы очень невелик. Витрины со свежими газетами нет. Ничем не отражены грандиозное строительство, происходящее в нашей стране, борьба советского народа за мир. Воды на станции пассажиры получить не могут.

Прибывшие с детьми идут в близрасположенные частные дома, просят воды для детей. Но в этом районе нет водоразборной колонки. Гражданам, проживающим здесь, приходится носить воду за несколько кварталов, поэтому и у них не всегда удается напиться

ся. Неужели невозможно покрыть подъездную площадку твердым покрытием, держать ее в чистоте, избавить граждан от пыли?»

Фельетон «Один в двух лицах» поднимает очень острую для Анапы проблему: «Во дворе одного из зданий, близ колхозного рынка длинная очередь. Женщины и детишки нетерпеливо толпятся у входа в уютное темноватое помещение. Слышны возгласы: «Билеты продают?» – «Гражданка, вы куда пробираетесь? Мы часами ждем, а вы...» – «А я по вчерашнему списку! Нельзя же два дня мучиться! У меня ребенок!» – «Все мучаются, у всех ребенок! Станьте в живую очередь!»

Пусть не подумает читатель, что перед ним любители киновинок или страстные болельщики, собравшиеся на футбольный матч. Дело происходит у входа в городскую баню. Лаконичная подпись поясняет: «Среда, суббота – мужская баня. Четверг, пятница – женская». Что делает баня в остальные дни – покрыто мраком неизвестности. Но в четверг и пятницу у бани всегда жарко. Приехав на курорт, отдыхающие стремятся смыть дорожную пыль и, натываясь на ряд неприятностей, приходят в негодование.

Особенно накаляется банная атмосфера в прямом и переносном смысле часам к шести вечера. Именно в это время иногда прекращается подача холодной воды, и из бани несутся гневные возгласы намыленных людей, не решающихся обливаться крутым кипятком. Волнуются и те, кто ждет в очереди: согласно заведенному порядку купленные билеты обратно не принимаются, даже если баня прекращает процедуру по «независящим обстоятельствам» в связи с недостатком воды.

Директору бани тов. Крынину трудно ответить на вопрос, когда горводопровод даст бане воду – директором горводопровода является сам товарищ Крынин, который не склонен заниматься такими мелочами, как нормальная работа бани».

В статье «Одних решений недостаточно, нужны решительные меры» поднимается проблема сохранения анапского песка на пляже: «Десятки, сотни автомашин днем и ночью шли и шли в Анапу из Новороссийска, Тоннельной, Крымской и многих других станиц и поселков. Сперва песок выбрали по левую сторону реки Анапки.

Когда здесь не осталось песка, перешли на правую. В сравнительно короткий срок весь сухой песок с поверхности пляжа исчез. Тогда начали брать сырой песок. Только когда на пляже появились выемки, в которые набегала вода, и возникла угроза, что вместо пляжа образуется болото, горсовет принял решение о запрещении брать песок для строительства с городского пляжа, а было отведено место между Нижним Джемете и хутором Благовещенским. Но не действуют ни надписи, ни решения. Вывоз песка с центрального пляжа продолжается».

«Ежедневно у водоразборных колонок можно наблюдать длинные очереди жителей с ведрами. Вода

еле течет, часто ее совсем нет. Руководящие работники ссылаются на то, что источники не успевают давать достаточное количество воды, но очень часто население остается без воды по вине работников горводопровода, которые не обеспечивают своевременный ремонт прорванных труб. Так было на углу улиц Терской и Гребенской, на улице Крымской и в других местах. 26 августа прорвало водопроводную трубу у моста через речку Анапку, и до 3 сентября никаких мер не было принято. Много воды ушло за эти несколько дней в речку.

В заметке «Надо организовать торговлю овощами» врача К. Я. Ведергорн поднимается вопрос о снабжении населения овощами и фруктами через государственные торговые организации: «Не найдешь в ларьках торга и курортторга капусты, огурцов, изредка появляются виноград, помидоры и другие овощи. Этим пользуются перекупщики. Во время привоза они закупают у колхозников овощи, а затем продают их по повышенным ценам».

В письме в редакцию «Всемерно развивать торговлю» анализируются проблемы торговых организаций Анапы в свете решения Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О мерах дальнейшего улучшения развития советской торговли». На вопрос: «Как улучшают торговлю и повышают ее культуру торговые организации города?» – ответ один: «Плохо». Возрос спрос на зимнюю одежду, а купить ее в Анапе невозможно. «А в каком из магазинов нашего города можно купить соленые огурцы, помидоры, квашеную капусту, не говоря уже о картофеле? Ни в каком». Было время, когда в любом Анапском хлебобулочном магазине можно было купить сдобное и простое тесто. «Сейчас об этом забыли, или вернее, не хотят возиться».

На весах в продовольственном магазине в качестве противовеса лежит тоненький лист бумаги. «Товар же вам обязательно отпустят в толстой бумаге и ее не пожалуют. Если вы не запротестуете, то при покупке колбасы будет взвешен и кусок веревки. Сельдь, как правило, будет отпущена с рассолом. Хлеб бросают на весы, и покупатель и глазом не успевают моргнуть, как ему объявят стоимость».

Трудно сдать пустую бутылку из-под пива или вина. «Специализированных магазинов, которые торговали бы мясом, в городе нет. Было бы неплохо иногда «созывать конференции покупателей, на которых бы изучались запросы населения и предложения трудящихся по улучшению работы торговых предприятий», – завершает автор.

В заметке «Несколько слов о пуговицах» говорится о том, что в Анапе нельзя купить простой вещи – пуговиц: «Во всех магазинах торга и курортторга их нет. Вам могут предложить бельевые пуговицы, пуговицы для дамского пальто и еще несколько сортов, но нужных пуговиц по расцветке, фасону найти невозможно».

В письме в редакцию «Где купить химикаты?» указывается, что «население нашего района не имеет воз-

можности приобрести необходимые для ухода за насаждениями инструменты и оборудование. Где купить секатор, опрыскиватель, купорос, серу и многое другое, без чего нельзя обойтись?»

«Городской сад должен быть восстановлен» – называется другое письмо в редакцию К. Я. Ведергорн. Она пишет, что до войны сад на Высоком берегу был излюбленным местом отдыха трудящихся города и отдыхающих, что в саду «имеется памятник глубокой старины – гробница». Необходимо уже нынешней осенью начать посадку деревьев, чтобы восстановить любимое место отдыха.

«Большим спросом, особенно в дни курортного сезона, в Анапе пользуются детские ведерки, которые изготавливает артель «Металлтруд». В этом году за 11 месяцев артель изготовила свыше 80 тысяч ведерок, огромное большинство которых уже реализовано. В этом году артель продала почти три тысячи духовок. В декабре промартель возобновила изготовление полутораспальных кроватей на пружинных сетках. Первая партия кроватей уже поступила в продажу.

В заметке «В колхозном доме отдыха» подводятся итоги сезона: «На Черноморской улице Анапы есть небольшой особняк, у парадных дверей которого висит вывеска: «Дом отдыха колхоза «Путь Ильича» Марьянского района». Во дворе – танцевальная площадка, беседка для отдыха, цветы. Все выглядит скромно, но уютно. 16 октября дом отдыха закончил свою работу. В этом сезоне в нем отдохнуло 146 человек. Путевки в дом отдыха правление выдавало бесплатно. Здесь побывали лучшие стахановцы – передовики животноводства, полеводства, садоводства, во время летних каникул – 300 школьников – детей колхозников этой артели».

«Правление колхоза имени Буденного Брюховецкого района приобрело в Анапе дом по Крепостной улице. Здесь в 1954 году должен быть открыт дом отдыха для колхозников».

«С 17 апреля по 27 октября в Анапе работал дом отдыха ЦК союза работников начальных и средних школ имени Крупской. За сезон отдохнуло 2600 учителей со всех концов Советского Союза: из Южно-Сахалинска, Ессентуков, Свердловска, Иркутска, Печоры и т. д. В книге отзывов учителя оставили много благодарностей работникам дома отдыха за внимательное отношение, за хорошую организацию досуга и отличное питание».

К десятилетию со дня освобождения Анапы от фашистских захватчиков появляется статья заведующего горкомхозом Г. Гридасова «Анапа строится», в которой подводятся итоги восстановления. Жилой фонд города увеличился на 23000 квадратных метров. Восстановлены все промышленные предприятия. Работают шесть санаториев и домов отдыха. Построены здания пионерских лагерей. Заканчивается восстановление двухэтажного здания больницы. Методом народной стройки построена высоковольтная электролиния Анапа – Тоннельная протяжением 36 км. Электрическая сеть по городу составляет более 26 км.

Строятся красивые здания сельхозтехникума, корпуса санатория морского флота, двухэтажное здание средней школы, холодильник на 100 тонн, сооружается летняя эстрада. С каждым годом улучшается внешнее благоустройство города. Замощены улицы имени Кирова, Владимирская, Джеметинское шоссе, продолжается гудронирование улиц Крымской и Ленина. На благоустройство города в 1954 году будет отпущено более миллиона рублей.

С 18 октября 1953 года установлено регулярное автобусное движение по маршруту Анапа – Варваровка. Автобус по пути в Варваровку делал остановки в селах Супсех и Павловка.

Ко Дню Конституции в газете появляется статья «Право на отдых» директора дома отдыха «Анапа» В. Новикова: «В противоположность конституциям стран капиталистического мира, которые только на словах провозглашают права граждан, наша Советская Конституция на деле обеспечивает права каждого человека».

На примере только нашего дома отдыха «Анапа» можно убедиться в том, как в нашей стране осуществляется право на отдых. В нынешнем году у нас отдохнуло 1157 человек – преимущественно работников сельского хозяйства. Здесь были агрономы, бригады тракторных и полеводческих бригад, комбайнеры, трактористы и рядовые колхозники.

Отдыхающие оставили много записей в книге отзывов, в которых благодарят нашу Коммунистическую партию и Советское правительство за то, что они дали право свободно трудиться для себя, на благо Родины, трудиться для того, чтобы еще краше стала жизнь советских людей, чтобы еще более могучей и прекрасной стала наша страна».

ОДИН ИЗ РОДА ТОЛСТЫХ

Е. В. Хмара

В формировании истории нашего края и нашего города есть имена знаменитые и имена малоизвестные. Об одних написаны целые тома исторических исследований, о других – несколько строк в энциклопедии. А некоторым повезло еще меньше – их биографии создаются на материалах пристрастных мемуаристов. Одной из таких личностей был Владимир Сергеевич Толстой.

Он родился 10 мая 1806 года в селе Курбатове Скопинского уезда Рязанской губернии. Его отец гвардии капитан-поручик Сергей Васильевич Толстой (1771 – 1831) принадлежал к нетитулованной и обедневшей ветви Толстых. За ним в Рязанской и Тверской губерниях числилось 647 душ крестьян. Мать Елизавета Петровна Толстая, урожденная Долгорукова (1774 – 1813), находилась в родстве с представителями многих знатных дворянских родов России. Ее братья Петр и Михаил Долгорукие были генерал-адъютантами императора Александра I.

Большинство дворянских детей того времени получали домашнее образование. Этим же путем пошли и родители Владимира. Сначала у него были два воспитателя – француз Куант-де-Лаво и англичанин Гарвей. Когда пришло время учения, для него учителями были взяты московский священник Покровский, студент Брезгун и учитель гимназии Кудрявцев.

Видимо, еще при рождении Владимир был записан в полк. Ему был предназначен путь, связанный с военной службой. В августе 1823 г. Владимир Толстой поступает на службу в Екатеринославский кирасирский полк и получает чин унтер-офицера. И сразу двинулся вверх по карьерной лестнице. Уже 30 октября становится юнкером. Затем – подпрапорщиком и 10 мая следующего года переведен в Московский пехотный полк. 9 марта 1825 г. произведен в прапорщики.

Московский пехотный полк оказался местом, где служили члены как Южного, так и Северного обществ декабристов. Летом 1824 г. по рекомендации А. П. Барятинского Владимир Сергеевич Толстой стал декабристом. Долгое время историки спорили о том, какому – Северному или Южному обществу – он принадлежал. Найденные в Государственном архиве Краснодарского края документы позволили уточнить этот вопрос. Но об этом ниже.

Наступил 1825 год. Имя декабриста Владимира Сергеевича Толстого стало известно властям из доноса провокатора В. Д. Шервуда. Приказ о его аресте был подписан 18 декабря 1825 года. Но сделать это трудно, так как Владимир в отпуске и гостит в имении своего отца. Арест, доставление в Москву, а 4 января 1826 г. доставлен в каземат № 4 Кронверкской куртины Петропавловской крепости с пометкой: «Содержать под строгим арестом». 30 января переведен в каземат № 5.

Он обвинялся в том, что «знал цель – введение конституции. Слышал, что общество, может быть, принуждено будет ускорить кончину некоторых священных особ царствующей фамилии... На совещаниях нигде не был и о замыслах в возмущения 14-го декабря не знал». По некоторым показаниям, он принимал участие в организации типографии. Однако все эти обвинения в ходе следствия подтверждения не получили.

Был осужден по VII разряду и 10 июля 1826 года по конфирмации был приговорен «в каторжную работу на 2 года». В этот раз родственные связи сыграли свою роль. 22 августа 1826 года срок был сокращен до одного года с последующим поселением в Сибири.

Владимир Сергеевич испытал все «прелести» осенней и зимней поездки по Заволжью и далее. Только 9 апреля 1827 года он был доставлен в Читинский острог. Здесь его догоняет высочайшее повеление. В. С. Толстой «обращен прямо на поселение в Тункинскую крепость Иркутской губернии». 15 мая начинается новый переезд. Но остаться на поселении в Сибири ему не суждено.

15 июня 1829 года Владимир Сергеевич Толстой был отправлен в действующую армию – рядовым на Кав-

каз – с установлением надзора. Идет очередная война с Турцией, и есть шанс заслужить первый офицерский чин, после чего уйти в отставку и вернуться в Европейскую Россию. На Кавказе он определен рядовым 7-го Кавказского линейного батальона 43-го егерского полка. Об этом мы узнаем из доклада командующего отдельным Кавказским корпусом генерала от инфантерии И. Ф. Паскевича-Эриванского военному министру генерал-адъютанту А. И. Чернышеву об определении декабристов по войскам корпуса. Толстой принимает активное участие в военных действиях, за что награжден серебряной медалью.

Война завершена, но боевые действия продолжают. Толстой принимает участие в экспедициях против горцев и произведен в унтер-офицеры. В октябре 1832 года он переведен в линейный Кавказский батальон № 2.

И здесь начинается расхождение между официальными документами и воспоминаниями одного из современников Владимира Сергеевича. Это воспоминания Г. И. Филипсона, в конце 30-х годов – начальник штаба Черноморской береговой линии. Он приписывает продвижение по службе Толстого родству с командующим отдельным Кавказским корпусом генералом Е. А. Головиным, который был женат на двоюродной сестре Владимира Сергеевича Елизавете Павловне Фонвизиной. Но была ли протекция?

Начнем с дислокации линейного Кавказского батальона № 2. Он располагался в Джеметейском укреплении близ крепости Анапа на узкой косе между Черным морем и Кизилташским лиманом. По ней проходила дорога, соединяющая крепость Анапу с Таманью. Оно состояло из плетня с тремя амбразурами на расстоянии около 500 метров одна от другой. Внутри было несколько строений из прутьев, обмазанных глиной. Укрепление со всех сторон продувалось ветрами, во время штормов вода подходила к брустверу, а то и затопливала укрепление. Летом – жара, зимой – холод. В этих условиях и нес службу Владимир Сергеевич Толстой. Батальон, в котором он служил, охранял дорогу в Анапу, занимался заготовкой дров для крепости Анапы, сопровождал колонны транспортов, двигавшихся в Анапу и обратно на Тамань. Кроме того, он принимал участие в возведении укреплений на Западном Кавказе и экспедициях против горцев.

16 июля 1834 года вышел высочайший указ о переименовании 1-го и 2-го Кавказских линейных батальонов в Черноморские. Батальон, в котором служил Толстой, теперь получил название: 1-й Черноморский линейный батальон.

Послужной список службы Владимира Сергеевича противоречит мнению Г. И. Филипсона о легкости продвижения Толстого по военной лестнице. В начале 1835 года он участвует в возведении Абинского и Николаевского укреплений на р. Атакуаф. За эту экспедицию он награжден орденом Св. Станислава 4-й степени. 19 июня этого же года производится в пра-

порщики. Позже награждается медалью за спасение погибавших. 13 ноября 1837 года он поставлен на вакансию в подпоручики.

В фондах Государственного архива Краснодарского края сохранилось описание двух экспедиций, в которых участвовал Владимир Сергеевич. Именно после этих экспедиций он стал подпоручиком. Вот краткое описание этих походов.

На берегу реки Анапки рядом с крепостью Анапа располагался небольшой кожевенный заводик. В ночь на 6 января 1838 года отряд горцев, оставив коней за рекой, скрытно переправились через нее и утащили 18 кож, сушившихся рядом с заводиком. Они провели это нападение и отступили затем в горы настолько скрытно, что караул поднял тревогу только спустя несколько часов.

На следующий день лазутчики сообщили, что нападение совершили горцы из ущелья Бид (ныне район ст. Раевской). Здесь же происходит сбор натухайцев и шапсугов для набега на правобережье Кубани. Опираясь на эти сообщения, комендант Анапской крепости генерал-майор граф Цукато решает совершить рейд в ущелье. Формируется отряд из четырех рот Черноморских линейных батальонов № 1 и 2 при двух легких орудиях и отряда пеших и конных казаков 5-го пешего полка Черноморского казачьего войска. Комендант был болен, поэтому отряд возглавил командир казачьего полка подполковник Орел.

В ночь на 7 января отряд двинулся в ущелье. Движение отряда было произведено так скрытно и неожиданно для горцев, что они обнаружили его уже на подходе к ущелью. Местное население отошло в горы и не оказало никакого сопротивления. В аулах были найдены 15 из 18 украденных шкур, захвачены коровы и овцы. В числе отличившихся был назван подпоручик Толстой. Судя по рапорту подполковника Орла, Владимир Сергеевич уже получил чин подпоручика. За эту экспедицию Толстому было объявлено Монаршее благоволение.

Прошло несколько дней, и Анапский отряд вынужден был совершить новый поход. На побережье Черного моря между адыгами и турками процветала торговля, которую русское командование считало контрабандной. Днем 16 января, получив известие о появлении в море у Сукковского ущелья двух турецких кораблей – кочермы и баркаса с контрабандным товаром, граф Цукато отдает приказ о выдвигании того же отряда в ущелье для уничтожения кораблей.

В 11 часов вечера отряд начал движение в сторону ущелья. Когда они поднялись на возвышенность Псехопсин, поднялся сильный ветер, дождь хлестал в лицо, и отряд был вынужден остановиться, пережидая шквал.

Переждав непогоду, отряд двинулся по Хендереиской гряде. Прямо в Сукковское ущелье отряду тихо пройти не удастся, т. к. у входа стоял отряд горцев. Пришлось совершать обходной маневр, очень труд-

ный для людей и артиллерии из-за крутых подъемов и спусков, зарослей держидерева. В ущелье отряд вошел уже утром, не замеченный горцами. Подполковник Орел разбил отряд на несколько групп и поставил несколько задач. Главная – сжечь корабли, вытасенные на берег бухты. Для этого два отряда должны были скрытно обойти аул и не дать горцам возможности поднять шум и оказать помощь командам кораблей. Стрелки под командой подпоручика Толстого, 10 конных и 20 пеших казаков должны были занять окружающие корабли высоты, захватить их или сжечь.

Первого сделать не удалось. С гор спустился отряд горцев, и началась перестрелка. Команда кочермы, стреляя, бросилась в горы. Удалось захватить двух матросов, один был убит. Было решено выстрелами и горючим веществом поджечь корабли, что и было сделано. На обратном пути отряд Толстого неоднократно вступал в перестрелку с горцами. За свои действия во время похода он был представлен к ордену Св. Анны 3-й степени.

Единственная осуществившаяся протекция Е. А. Головина Толстому – это письмо от 16 августа 1838 года начальнику Черноморской береговой линии Н. Н. Раевскому-младшему. Головин писал: «Отправляю к вам, дорогой Николай Николаевич, меньшова Толстого, поручая его вашему благосклонному и начальническому попечению. Употребите его в предстоящей вам еще высадке, если воспоследует на нее соизволение свыше. Ему надо выкарабкаться так, чтобы он мог располагать собою на просторе, не подвергаясь напоминаниям о давно прошедшем... Пожалуйста, поберегите моего Толстого и помогите ему выбраться на свежую воду». Однако протекция относительная. Толстой должен был отправиться не в тыл, а в отряд Н. Н. Раевского, с боями строившего укрепления Черноморской береговой линии.

9 января 1839 года Владимир Сергеевич был переведен в Навагинский пехотный полк. Вместе с полком он принимал участие во всех высадках десантов Н. Н. Раевского на Черноморское побережье. В августе 1839 года Толстому присвоено воинское звание поручика. Уже в этом звании в сентябре он принимал участие в строительстве Раевского укрепления.

В сентябре же судьба могла улыбнуться поручику. Откроем послужной список, хранящийся в Государственном архиве Краснодарского края: «... Командовавший войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-адъютант Граббе ходатайствовал о назначении поручика Толстого, как особенно отличающего по службе и скромным поведением, в должность адъютанта к нему генерал-адъютанту Граббе; по всеподданнейшему докладу Государю Императору о таковом ходатайстве, Его Величество не соизволил изъявить на сие соизволения».

Продолжается служба в строю. 11 марта 1840 года очередное перемещение Толстого. Он переведен в Кавказский линейный казачий полк, «с состоянием по кавалерии».

В 1842 году очередной поворот судьбы. 9 октября Владимир Сергеевич получает 4-месячный отпуск, а 17 января 1843 года был уволен по болезни от службы. Свобода! Но ее не было. Император Николай I лично следил за перемещениями по службе своих бывших противников. Издевательством звучит разъяснение: «С дозволением жить, где пожелает, исключая обеих столиц и г. Одессы». За ним продолжает осуществляться секретный надзор.

Все средоточие культурной жизни в России осуществлялось в Москве и Санкт-Петербурге, кроме того, в них проживало большинство родственников Толстого. Он вынужден поселиться в имении сестры в Сычевском уезде Смоленской губернии. Родственники хлопочут за него. Уже в феврале 1843 года московская тетка Римская-Корсакова, урожденная княжна Долгорукова, обращается по инстанциям с просьбой разрешить Владимиру Сергеевичу приехать в Москву для встречи с ней, т. к. они не виделись более 17 лет. Высочайший отказ.

Родственники продолжают просить. В марте того же года они обращаются к, казалось бы, всеильному графу Бенкендорфу с просьбой о разрешении приехать на время в Москву для встреч с родственниками и затем переехать для службы в г. Одессу, где климат схож с кавказским. «На сие ответствовано графу Бенкендорфу, что как Государь Император, двукратно не изволил изъявить Монаршего соизволения на дозволение поручику Толстому жить в Одессе и приехать в Москву на свидание с родственниками; то за силою Высочайшего повеления, объявленного в приказе по военному ведомству, 14 июля № 87-й, невозможно войти с новым докладом Его Величеству».

Два года в деревне. После деятельности – бездействие. Остается одно: возвращаться в армию, на Кавказ. 8 мая 1845 года ему разрешено вернуться на военную службу, на Кубань, в Кавказское линейное войско.

Для возвращения в строй требовалось высочайшее соизволение, а для него формулярный список военной службы. Главнокомандующему отдельным Кавказским корпусом было послано уведомление о возвращении в строй поручика В. С. Толстого за подписью военного министра А. И. Чернышева с приложением этого списка. Как выше было сказано, его копия хранится в Государственном архиве Краснодарского края. И в списке есть фраза, проливающая свет на то, к какому обществу принадлежал В. С. Толстой: «... Состоя прапорщиком в Московском пехотном полку, был членом Северного общества с 1824 г.».

Отношение к нему в Петербурге постепенно меняется в лучшую сторону. 12 октября 1845 года Владимир Сергеевич был освобожден от секретного надзора. Но походы, сражения продолжают еще четыре года.

10 января 1849 г. в чине есаула он освобождается от воинской службы. Кстати сказать, чин есаула в казачьих частях соответствовал ротмистру в кавалерии и

капитану в пехоте. Но что делать дальше? Высочайший запрет продолжает действовать. Остается два выхода – безделье в деревне или гражданская служба на Кавказе. Толстой выбирает второй путь, переезжает в Тифлис и становится чиновником Тифлисской губернской дорожной комиссии. В 1851 году кавказский наместник князь М. С. Воронцов назначает его чиновником по особым поручениям. Видимо, суть его службы – разведка и контрразведка. Армейские офицеры отрицательно относились к этой службе. С такой оценкой разведки мы встречаемся в воспоминаниях Г. В. Филиппсона. Ему не нравится разведчик штаб-капитан Г. В. Новицкий. Он уничижительно пишет о Толстом: «... Сделался шпионом, сыщиком, доносчиком и всем, что нравилось его патрону, он был посылаем секретно в разные места, переодевался, посещал кабаки и харчевни, где собирал сведения и где не раз был оскорбляем телесно». К огромному сожалению, подобные характеристики Филиппсона служивших, с ним лиц становятся основой характеристик современных историков, вопреки документальным материалам.

Еще будучи на военной службе, в 1844 году он заканчивает работу «О Кавказе». В ней Владимир Сергеевич рассматривает военную политику России на Кавказе. Он критикует деятельность военной и гражданской администрации, выдвигает ряд предложений: об укреплении гарнизонов и крепостей, о борьбе с болезнями на Кавказе, об оборудовании морских портов, обеспечении войск продовольствием. В тех условиях подобный труд не имел шансов увидеть свет. К сожалению, и в наше время эта работа не опубликована.

В 1855 году М. С. Воронцов на своем посту был заменен М. М. Муравьевым-Карским. Он также принадлежал к ранним декабристским обществам, но положения в обществе из-за этого не потерял. Но при новом наместнике Толстому пришлось служить мало. 25 августа 1856 года была объявлена амнистия всем декабристам, по которой Толстой уходит в отставку, селится в полученном им по наследству от тетки княгини Елены Васильевны Хованской имении Баранова Подольского уезда Московской губернии.

С 1864 по 1884 год в исторических журналах появилось несколько сочинений В. С. Толстого. Наиболее известным произведением В. С. Толстого является произведение «Биографии разных лиц, при которых мне приходилось служить или близко знать», над которым он работает с 1881 г. и по год смерти – 1888-й.

На этом произведении лежит печать невостремленности талантов автора обществом, обида на людей, бывших в декабристских обществах, но не понесших никакого наказания со стороны государства. Они продолжали делать карьеру, достигали высот, которых мог достичь автор, если бы не участие в известных событиях.

Реалии Российской армии были таковы, что большинство высших должностей в ней было занято лицами с «немецкими» фамилиями. Это также накладывает

отпечаток негативной субъективности на характеристики Толстого.

27 февраля 1888 года он скончался и был похоронен в с. Переделец.

С 1832 по 1839 год включительно Владимир Сергеевич Толстой нес службу в крепости Анапа и окрестных закубанских укреплениях. Можно точно сказать о пребывании Толстого в Анапе, Джеметинском укреплении, станице Николаевской (ныне Анапской), участвовал в строительстве Раевского укрепления. И возможно, исследователей жизни и деятельности В. С. Толстого ждут новые открытия в фондах Государственного архива Краснодарского края.

Уважаемые читатели!

Редакция журнала «Санаторно-курортное лечение и отдых в Анапе» продолжает публиковать рассказы Леонида Ивановича Баклыкова, которые ранее не издавались.

ГОЛИЦЫН Л. С. – ГЛАВНЫЙ ВИНОДЕЛ РОССИИ

Л. И. Баклыков

Лев Сергеевич Голицын – представитель одного из древнейших и широко известных дворянских родов России. Начинается род от великого князя литовского Гедимина, княжившего в первой половине XI в. На службе у России Голицыны с тех пор, как правнук Гедимина Патрикей становится в 1408 г. союзником московского князя Василия I. Их дети, Юрий и Анна, вступают в брак, а их правнук боярин Михаил Иванович Патрикеев, прозванный Голицей (железная перчатка), стал родоначальником всего своего рода и по старинному обычаю дал новую фамилию всему роду.

На всем протяжении истории Российской империи многие из князей Голицыных снискали славу, служа своему Отечеству.

Отец Льва – Сергей Григорьевич был отставным штабс-капитаном, меломаном, писателем, встречался с А. С. Пушкиным, рассказавшим поэту анекдот о своей бабушке Наталии Петровне Голицыной, об известной ей тайне «трех карт». Анекдот лег в основу «Пиковой дамы» Пушкина. Дружил с композитором М. И. Глинкой, автором знаменитой оперы «Жизнь за царя» (Иван Сусанин), который на стихи Голицына написал несколько романсов. Отец отличался либеральными общественно-политическими взглядами, был близок к декабристам.

Мать – графиня Мария Ивановна Езерская (1819–1881) родилась в Польше, принадлежала в старинному аристократическому роду князей Великого Княжества Литовского. По наследству ей достался в местечке Стара-Весь Люблинской губернии Царства Польско-

го замок Радзивиллов. В этом замке в августе 1845 г. родился сын, названный Львом. Мать слыла убежденной католичкой и всех своих детей хотела приобщить к католической вере. Однако род Голицыных издавна был одним из столпов православия в России. В итоге спор родителей завершился компромиссом: сыновья получили право на православие, дочери – католическую веру.

В юности он мечтал стать правоведем, но судьба распорядилась иначе, связав его жизнь с виноградарством и виноделием.

Родители дали сыну прекрасное домашнее воспитание. Он свободно говорил и читал по-польски, в совершенстве владел французским и неплохо немецким языками. В родовом имении, в замке находилась уникальная библиотека западно-европейской классики древнего мира и периода Возрождения. Здесь он обычно проводил свой досуг. Он был неперменным участником литературных, музыкальных вечеров и балов, которые устраивал отец, общался с интересными, всесторонне образованными людьми.

Учитывая увлеченность сына историей и общественными науками, отец отправил мальчика учиться во Францию, в Парижский университет, в Сорбонну, которую окончил с ученой степенью бакалавра, что давало ему право для поступления в университет. Продолжение учебы или несение службы без хорошего знания русского языка было невозможно. По словам Льва Сергеевича, будучи русским, родного языка он совершенно не знал. Вернувшись в Россию, он усиленно штудировал русский язык.

Поступление на службу в Министерство иностранных дел и петербургская светская жизнь не удовлетворяют Голицына, он через три года выходит в отставку и в чине коллежского регистратора князь в 1867 г. становится студентом юридического факультета Московского университета. По воспоминаниям однокурсника Н. В. Давыдова, Лев «занимался урывками, запоем, запираясь один или с кем-либо из приятелей и работая днем и ночью, а там внезапно совсем исчезал из Москвы, занимался своими материальными делами, уезжал за границу... Был он человеком большого роста, широкоплечий, с крупными чертами лица, большой бородой и с длинной шевелюрой, а голос у него был громоподобный. Он не признавал никаких условностей и часто превращал ночь в день, и наоборот...» Любил спорить и спорщиком был отчаянным.

По окончании учебы в 1871 г. Совет Московского университета по ходатайству юридического факультета оставляет Л. С. Голицына «на два года для усовершенствования в науках и приготовления к профессорскому званию». Он слушает в Германии лекции известных ученых, юристов в области гражданского права, возвращается в Москву, задавшись целью получить ученую степень магистра. Уже близилась к завершению работа над диссертацией, посвященной римскому праву, но неожиданно он бесповоротно бросает все.

Его буквально захлестнули дела во Владимирской губернии, где он был избран почетным мировым судьей, гласным Муромского уездного и Владимирского губернского земского собраний. В преддверии Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он обратился через Муромское уездное земское собрание с воззванием к общественности России собрать на нужды Отечества двойной земский сбор. Воззвание было единодушно принято и представлено на рассмотрение правительства. Призыв князя нашел широкий отклик в самых различных слоях русского общества.

Но этим сфера деятельности Голицына не ограничилась. У него появляется новое научное увлечение. На одном из земских собраний в Муроме он знакомится и близко сходитя с известным археологом графом Уваровым. Занявшись археологией, Лев Сергеевич самостоятельно нашел несколько стоянок первобытного человека. Раскопки он вел начиная от своего имения по обоим берегам Оки, от Зяблицкого погоста до Муромы. Материалы археологических исследований он публикует в статьях, а также в фундаментальном двухтомном труде А. С. Уварова «Археология России. Каменный период». Его избирают членом-корреспондентом Императорского Московского археологического общества.

Однако главной причиной, почему Лев Сергеевич оставил университет и занялся совершенно новым делом, отличным от всего того, чем он занимался до этого, состояла в другом.

По соседству с имением Л. С. Голицына, там же в Муромском уезде, находилось владение помещика Д. П. Засецкого, с которым он познакомился еще в 1867 г. Они подружились. А некоторое время спустя Лев Сергеевич страстно полюбил жену Засецкого, красавицу Надежду Захаровну. Она ответила взаимностью, оставила мужа и семью (у нее было несколько детей) и уехала с Л. С. Голицыным в заграничное путешествие. Эта романтическая история надела много шума и вскоре стала достоянием гласности. Слухи о взаимных претензиях Д. П. Засецкого и Л. С. Голицына, о ссоре и даже драке просочились в газеты. Но истинная причина конфликта держалась обоими в строжайшем секрете. Имя героини этой драмы, Надежды Захаровны Засецкой-Херхулидзево, не упоминается вовсе. Возникшие между Голицыным и Засецким антипатии представлялись как не сложившиеся между ними личные взаимоотношения.

Надежда Захаровна Засецкая была дочерью известного российского генерала З. С. Херхулидзева, оставившего своим детям в наследство имение «Новый Свет» на Черноморском побережье Крыма неподалеку от Судака. Половина имения отошла Надежде Захаровне, а вторая – ее брату Николаю, эту часть у него выкупил Лев Сергеевич.

Лев Сергеевич и Надежда Захаровна не были повенчаны, находились в гражданском браке. Вскоре у них родилась дочь Софья, а позже еще одна дочь – Надежда

да. Девочки были объявлены воспитанницами Голицына. Только спустя годы ему официально разрешили удочерить детей указом Александра III.

Теперь супруги стали часто посещать имение, и очарованный благодатным местечком Голицын надолго обосновывается здесь, создавая виноградарское хозяйство на площади в 230 га. Заложив питомник на 20 га, стал культивировать до 500 сортов винограда, вести селекционную работу. Насадил виноградники близ г. Феодосия, у деревни Токлук (ныне село Богатое), а также на Кавказе в местечке Алабашлы Елизаветпольской губернии. В конце 1880–1890-х гг. построил в Новом Свете винодельческий завод и наиболее протяженные в России трехкилометровые подвалы в горе Коба-Кая. Тогда же наладил производство вин по шампанскому (бутылочному) способу, а также выпуск шипучих вин. Вина поставлялись в Петербург, Москву, города Европейской России и в Сибирь, удостоивались многочисленных наград на всероссийских, всемирных и иных международных выставках.

Вскоре в России его вина составили конкуренцию зарубежным. Причем их качество вынуждена была признать и Европа. Сначала голицынские вина получали призы и медали на российских выставках, затем покорили США (золотые медали в Луисвилле и Нью-Орлеане), в 1889 г. удостоились внеконкурсного «золота» (золотой медали в Париже).

В. А. Гиляровский в книге «Москва и москвичи» рассказал немного о Голицыне при посещении Английского клуба.

«В одно из моих ранних посещений клуба я проходил в читальный зал и в «говорильню» на ходу, мельком увидел старика военного и двух штатских, сидевших на диване в углу, а перед ними стоял огромный, в черном сюртуке, с львиной седоющей гривой, полный энергии человек, то и дело поправлявший свое соскакивающее пенсне, который ругательски ругал «придворную накипь», по протекции рассылаемую по стране управлять губерниями.

Это был известный винодел Лев Голицын, когда-то блестяще окончивший Московский университет, любимец профессора Никиты Крылова, известный краснойбай, горячий спорщик, всегда громко хваставшийся тем, что он «не пострадал никакими чинами и орденами».

Сидящий военный был А. А. Пушкин – сын поэта. Второй, толстый, с седоющими баками, был губернатор В. С. Перфильев, женатый на дочери Толстого-«Американца».

Льва Голицына тоже недолюбливали в Английском клубе за его резкие и нецензурные по тому времени (начало восьмидесятых годов) речи. Но Лев Голицын никого не боялся. Он ходил всегда, зиму и лето, в мужицком бобриковом широченном армяке, и его огромная фигура обращала внимание на улицах.

Извозчики звали его «диким баринном». Татары в его кавказском (вероятно, в крымском – Л. Б.) имени прозвали его «Аслан Дели» – сумасшедший Лев.

Он бросал деньги направо и налево, никому ни в чем не отказывал, особенно учащейся молодежи, держал на Тверской, на углу Чернышевского переулка, рядом с генерал-губернаторским домом, магазинчик виноградных вин из своих великолепных крымских виноградарников «Новый Свет» и

продавал в розницу чистое, натуральное вино по двадцать пять копеек за бутылку.

– Я хочу, чтобы рабочий, мастеровой, мелкий служащий пили хорошее вино! – заявил он.

В России было много попыток начать производство собственного шампанского мирового уровня: знаменитый Луи Родерер начал производство шампанского в Одессе, в Крыму вблизи Судака князь Голицын основал винзавод «Новый Свет». Однако действительного успеха и признания при царском дворе и у высшего света столицы достигло только шампанское «Абрау-Дюрсо».

На празднике русского винодела, посвященном 25-летию деятельности Л. С. Голицына, последний, будучи большим патриотом, сказал гостям следующее: «Мы все, господа, верим в русское виноделие – это будущее богатство России, но нам нужно сплотиться, чтобы создать это богатство... Мы читаем иностранные книги, слушаем иностранных людей и вместо критики отступаем перед ними с благоговением. Да разве иностранец желает, чтобы наша промышленность возникла, чтобы мы ему явились конкурентами на всемирном рынке? Никогда! Разве иностранец может любить нашу родину больше своей? Получать хорошее жалование, вернуться к себе, посмеяться со своими над этими идиомами, о которых расскажет, – вот идеал всякого (иностранца – Л. Б.)».

Именно к этому юбилею и приурочил открытие своего фешенебельного магазина знатный купец и предприниматель Елисеев.

При открытии магазина Г. Г. Елисеева в Москве на Тверской Л. С. Голицын также присутствовал, и Гиляровский писал об этом так:

«В половине молебна в дверях появилась громадная, могучая фигура, с первого взгляда напоминающая Тургенева, только еще выше и с огромной седоющей львиной гривой – прямо-таки былинный богатырь.

Странным показался серый пиджак среди мундиров, но большинство знатных гостей обернулось к нему и приветливо кланялось.

А тот по своей близорукости, которой не помогало даже пенсне, ничего и никого не видел. Около него суетились Елисеев и благообразный, в черном сюртуке, управляющий новым магазином.

Это был самый дорогой гость, первый знаток вин, создавший огромное винопроизводство Удельного ведомства и свои образцовые виноградарники «Новый Свет» в Крыму и на Кавказе, Лев Голицын».

Триумфальным для Голицына стал 1895 г. – Гран-при на выставке в Бордо, а в 1900 г. Гран-при на всемирной выставке в Париже, где его игристое вино – шампанское «Абрау-Дюрсо» было признано лучшим в мире! Но к этому времени Голицын представлял своими винами уже не только себя как винодела, но и Россию.

Олег Новиков в 2010 г. пишет: «Новый Свет – удивительный по красоте, очаровательный уголок крымской природы, одно из семи природных чудес Крыма. Величественная гора Сокол, нависшие над морем дикие утесы Караул-Обы, похожий на ископаемого ящера мыс Капчик, таинственные гроты и лазурные бухточ-

ки – Зеленая, Синяя и Голубая – создают незабываемую картину, ансамбль, сотворенный вдохновенной природой. Недаром в давние античные времена селение, что находилось здесь, называлось Парадизио, что в переводе с древнегреческого означает «сад», «парк», а в поэтической литературе – «рай».

...Вам непременно захочется пройти так называемой Голицынской тропой, побывать в гроте, где пел великий Шаляпин, где угощал почетных гостей коллекционными винами князь Лев Голицын, искупаться на Царском пляже, где, по преданию, соизволил искупаться сам император Николай II при его посещении Нового Света в 1912 году. И конечно, принять участие в дегустации прекрасного шампанского!..

Новый Свет знаменит заводом шампанских вин. Новосоветское коллекционное шампанское не раз удостоивалось самых высоких наград на международных конкурсах и выставках вин. В музее, расположенном в доме князя Льва Голицына, патриарха отечественного виноделия, можно ознакомиться с историей поселка и винзавода, узнать много интересного о жизни и деятельности его основателя.

При жизни он был неудобным и прямым человеком. Даже Государю Российскому Николаю II он сказал однажды, что род Голицыных намного старше рода Романовых, но он – «счастлив своей свободой». И царь простил ему эту дерзость, как и многое другое, что позволял себе Голицын, человек не просто независимый, но дельный.

Построив новый подвал Массандры, он оставляет должность главного винодела Удельных ведомств и возвращается в свое имение Новый Свет, а заработанные на службе 100 000 рублей сдает в банк для выдачи премий, печатания учебников по виноделию и заграничных командировок наиболее одаренных молодых виноградарей и виноделов России...

Скупает знаменитые вина Испании, Франции, Португалии и часть из них передает в Массандру, закладывая начало уникальной коллекции вин. Впервые в России налаживает промышленный выпуск «русского шампанского» и выводит его и другие вина в Европу. Становится общепризнанным экспертом вин в Париже. Отказывается от жизни в Москве и Санкт-Петербурге и большую часть времени отдает любимому делу в имении Новый Свет.

В 1892 году была издана книга «Род князей Голицыных». В предисловии сказано: «Издателем настоящего труда пожелал быть один из достойнейших представителей нашего рода князь Лев Сергеевич Голицын».

К сожалению, на Льве Сергеевиче прерывается мужская линия его семьи (он имел четырех дочерей). В наши дни в Тбилиси живет последняя представительница прямых потомков князя – Татьяна Александровна Глonti, его правнучка. В свой последний визит 2008 г. подарила музею «Новый Свет» личные вещи князя, оставила в книге почетных гостей трогательную благодарственную запись.

В Абрау-Дюрсо

Абрау-Дюрсо – это небольшой поселок недалеко от Новороссийска (а не в Крыму, как многие почему-то считают) на берегу красивейшего, с бирюзовой водой озера – от него всего пять километров до моря. После исследования почв и климата в 1870 г. было принято решение создать там винодельческое хозяйство. Вначале князь Голицын здесь выступал только консультантом, собственность принадлежала царской семье, это было так называемое удельное имение императорской фамилии.

Всего жителей 2,8 тыс. человек. Ныне это заповедное место на Северном Кавказе. Здесь находится легендарное озеро Абрау, что в переводе с тюркского «обрыв, провал». Его питают воды речки Дюрсо, родники и ручьи, стекающие с окружающих вершин. Это самое большое озеро Северо-Западного Кавказа (его площадь 160 га). Расположено оно на высоте 84 метра над уровнем моря, его длина 2600 м, наибольшая ширина достигает 600 метров, а глубина 10 метров.

История «Абрау-Дюрсо» начинается с 1870 г., когда Министерство Императорского Двора и Уделов для строительства царской резиденции приобретает здесь и в окрестности земли. По указу императора Александра II от 25 ноября 1870 года у озера Абрау и речки Дюрсо было создано удельное имение «Абрау-Дюрсо», которое стало принадлежать царской семье. Развитие Абрау-Дюрсо начинается в 1891 году – с назначением князя Л. С. Голицына управляющим удельным виноделием. Первостепенное внимание уделялось развитию игристых вин шампанским способом. В 1894 году князь Голицын построил подвал на 10 тысяч ведер вина. В период с 1894 по 1897 г. по личным проектам Льва Сергеевича в Абрау-Дюрсо было построено 7 винных подвалов, в пяти из которых сосредоточилось производство шампанского.

Первый тираж в количестве 13 тысяч бутылок был произведен в Абрау-Дюрсо под руководством французских специалистов в 1896 году. А в декабре 1898 года выпущена первая партия шампанского с маркой «Абрау» (25 тысяч бутылок), которая была продана за несколько дней.

В качестве управляющих были приглашены французские специалисты, которые разбили виноградники, вырыли туннели, в которых происходил процесс шампанизации напитка. Привезли технологов, которые основали производство игристого вина по классической технологии «шампануаз» – это когда вино приобретает игристость в результате естественной ферментации при хранении в подвалах не менее трех лет при строго определенной температуре. Только тогда вино по качеству может называться шампанским.

Вокруг поселка и в долине реки Дюрсо расположены виноградники, а у самого озера Абрау – винодельческое хозяйство «Абрау-Дюрсо».

Французские специалисты проработали вплоть до Октябрьской революции, но своих секретов изготовления шампанского русским виноделам не раскрыли. Объем производства был небольшим, шампанское поставлялось лишь для царского двора и аристократии.

В 1920 году на базе бывшего царского имения был создан винодельческий совхоз «Абрау-Дюрсо». Тогда же руководителем предприятия становится А. М. Фролов-Багреев – основоположник резервуарного метода производства игристых вин. Без помощи иностранных специалистов советским виноделам удалось получить игристые вина высокого качества. Объем производства в 1980–1985 гг. достиг своего максимального уровня – 3 млн. бутылок.

В связи с революцией и Гражданской войной иностранцы прекратили свою деятельность, покинули Кубань, не оставив никому секрета производства шампанских вин. Один из учеников Голицына, Антон Михайлович Фролов-Багреев, работавший у французов, разгадал секрет технологии изготовления шампанского, а в 30-е годы XX века разработал на базе «Абрау-Дюрсо» собственную, совершенно новую технологию производства игристых вин – акратофорную. Этот способ позволил значительно увеличить объемы производства игристых вин, сделал игристые вина истинно народным напитком (Борис Титов). В 1920 г. на винзаводе «Абрау-Дюрсо» он заложил для шампанзации первую отечественную партию вина в 35 тысяч бутылок. Со временем советское шампанское получило международное признание. В советское время общая протяженность тоннелей превысила три километра.

Сегодня фирма «Абрау-Дюрсо» – ведущий и лучший российский производитель игристых вин, получаемых как классическим, так и резервуарным способом. Вино с надписью «Абрау-Дюрсо» гарантирует вам тонкий аромат и легкий вкус.

Князь Голицын в 1904 г. произнес похвальные для анапчан слова: «В Анапе из лоз Каберне получается тонкое столовое вино, которое в данную минуту одно из лучших вин России». Надо подчеркнуть неистребимую веру выдающегося отечественного винодела в превосходство российских вин в Европе. Он всячески рекламировал виноградные вина в стране. За рубежом Л. С. Голицына по-приятельски называли «князь-дегустатор». Знаток вин он был отменным.

А ранее, в мае 1896 г., Черноморский округ был преобразован в Черноморскую губернию, а спустя пару лет вышел указ, в котором предписывалось: «Учредить близ посада Туапсе, Черноморской губернии, училище плодоводства и виноделия 1-го разряда с наименованием оногo Варваринским» – и далее определялось, что училище состоит из приговорительного класса, в который принимаются мальчики всех сословий и вероисповеданий, имеющие познания в объеме курса начальных училищ. Открылось Варваринское училище 1 сентября 1898 г. (название училища «Варваринское» было присвоено в честь дочери крупного землевладель-

ца, вице-адмирала, бывшего начальника Черноморской береговой линии Лазаря Серебрякова, подарившего госуправлению землеустройства и земледелия для училища 100 десятин земли и постройки в посаде Туапсе).

Содержалось училище на средства Кубанского казачьего войска и частично на средства частных землевладельцев и членов наблюдательного совета.

Рассчитано училище было на 40 человек, но первый набор составил лишь 14 человек. Личный состав училища состоял из управляющего, которым был Иванов, а также винодела, садовника, виноградаря, законоучителя, трех преподавателей общеобразовательных предметов, врача и бухгалтера.

Курс обучения предполагался пятигодичный: из них – один подготовительный и четыре специальных. У учащихся училища была своя форменная одежда, напоминающая студенческую, но петлицы и околыши фуражек были зеленые.

Первый выпуск воспитанников училища состоялся в 1903 г. Он убедил окрестных хозяев-земледельцев в необходимости училища и выпускаемых ими специалистов для их же хозяйств, и набор учащихся 1903 г. составил уже 88 человек.

Претерпев при Советской власти целый ряд изменений, Черноморский техникум плодоводства, виноградарства и виноделия (бывшее Варваринское училище) в связи с интенсивным развитием виноградарства в Анапском регионе и связанной с этим проблемой подготовки специалистов в 1931 г. был переведен из Туапсе в Анапу и стал именоваться Анапским сельскохозяйственным техникумом. Об этом рассказал в местной газете Леонид Левченко, член Союза краеведов России.

В 1889 г. Александр III предложил Льву Сергеевичу возглавить все винодельческие хозяйства императорской фамилии, став главным виноделом Удельного ведомства. Эту почетную должность Голицын принял в 1891 г. и оставался на ней до 1898 г. Благодаря его кипучей энергии и организаторским способностям были куплены земли для виноградников в Крыму, на Кавказе, в южных губерниях, построены новые винодельческие заводы и громадные подвалы для хранения и выдержки вин, налажены селекционная работа и подготовка специалистов в Магарачском училище садоводства и виноградарства. Именно по его проектам и под его руководством были расширены и построены крупнейшие в Крыму винохранилища в Массандре с уникальной коллекцией виноградных вин XVII и XVIII веков, Ай-Даниле, Ореанде и Ливадии. При создании удельных заводов Абрау-Дюрсо использовал свой опыт производства шампанских вин. Он был известен также как непревзойденный дегустатор и коллекционер произведений искусства.

Успехи были налицо, но отношения с чиновниками Удельного ведомства постоянно ухудшались – Голицын практически не отдавал прибыль, а она была не-

малой, пуская все на расширение производства. Естественно, что свою лепту внесли виноторговцы и винное лобби – продавать дорогие импортные вина много прибыльнее, даже если они худшего качества. У нового императора Николая II поддержки Голицын не нашел и принял решение подать в отставку.

Он даже отказался от солидного и вполне заслуженного вознаграждения, а причитающиеся 100 тысяч руб. перевел в Министерство земледелия для учреждения премий имени Александра III за лучшие вина, столовый виноград и научные работы по виноделию и виноградарству.

Освободившись от обременительных административных обязанностей, Голицын с упоением занялся любимым делом – выведением новых сортов винограда и созданием новых вин. Кстати, среди виноделов мира он пользовался непререкаемым авторитетом. Голицын мог по форме листьев различать сотни сортов винограда, а по вкусу и запаху вина определять не только сорта винограда, из которого оно изготовлено, но и регион, в котором этот виноград вырос, особенности почвы и даже погоду – дождливым или солнечным было лето.

К сожалению, виноделие – это бизнес, а у него свои законы. К 1912 г. затраты Голицына на развитие виноградарства и виноделия стали значительно превышать доходы. Были потрачены не только его немалые наследственные средства, но и часть средств законной супруги Надежды Засецкой, чтобы предотвратить банкротство и сохранить созданное многолетним трудом уникальное винодельческое предприятие. В 1912 г. в связи с ухудшением здоровья, затруднительным финансовым положением и желая сохранить уникальное хозяйство, он передал в дар Николаю II часть своего имения с землей, с самой богатой коллекцией вин, заводом шампанских вин и подвалами.

Участвовал в работе всероссийских съездов по виноградарству и виноделию в Симферополе (1901), Мо-

скве (1902), Одессе (1903). С 1902 г. почетный член, а с 1911 г. – председатель Комитета виноградарства имп. Общества сельского хозяйства Южной России.

Богатый научный университетский багаж, опыт заграничных поездок, связи в России и за рубежом с учеными, руководителями и специалистами ведущих европейских винодельческих фирм Лев Сергеевич успешно и плодотворно использовал на поприще преобразования отечественного виноградарства и виноделия.

Поднимая на Новый год бокал искристого шампанского, мы должны вспомнить о человеке, который наладил в России производство собственных игристых вин, конкурировавших со знаменитым французским шампанским. К сожалению, имя главного российского винодела изрядно позабылось, да и в советские времена его старались не вспоминать – как-никак князь, да к тому же потомок Гедимина. Лев Сергеевич Голицын – личность для российского виноделия легендарная, да и сам он был человеком необыкновенным.

Сегодня фирма «Абрау-Дюрсо» – ведущий и лучший российский производитель игристых вин, получаемых как классическим, так и резервуарным способами. Вино с надписью «Абрау-Дюрсо» гарантирует вам тонкий аромат и легкий вкус.

Умер Лев Сергеевич Голицын в декабре 1915 г. Похоронили Л. С. Голицына в Новом Свете в специально построенном склепе среди виноградников, рядом с женой графиней Марией Михайловной Орловой-Денисовой, на которой он женился в 1883 г. в Москве. После революции склеп был разрушен: останки покойных выбросили из склепа. Псевдореволюционеры рассуждали примерно так: раз он князь, да еще граф, да спаивал рабочий класс своими винами, да человек, близкий царям, то и не место ему покоиться в склепе. Впрочем, по месту захоронения и могилы, названной склепом, есть и другие версии.